

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Вступительная статья Г. М. Лифшица

Публикация Г. М. Лифшица и А. Л. Смоляк*

Студенческие и рабочие выступления осенью 1910 г., явившиеся откликом на смерть Толстого, были началом нового демократического подъема в России после столыпинской реакции. «Смерть Льва Толстого, — писал Ленин, — вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок»¹.

Глубокая внутренняя связь Толстого с русской революцией, раскрытая Лениным еще в 1908 г., в полной мере обнаружилась в эти дни. Уход Толстого из Ясной Поляны и его смерть разбудили демократическую Россию, они послужили сигналом к широкому возмущению против самодержавного уклада, столь ненавистного великому писателю.

События «толстовских дней» до последнего времени не были освещены в исторической литературе (в 1935 г. была напечатана лишь небольшая группа документов, касающихся студенческих выступлений в Москве²).

Основные материалы на эту тему, хранящиеся в Музее Л. Н. Толстого, куда они были переданы из Московского исторического архива и других государственных архивов, изучены в только что вышедшей книге Б. С. Мейлаха «Уход и смерть Льва Толстого» (М. — Л., 1960). Дополнительные разыскания, произведенные нами в фондах Департамента полиции ЦГИАМ, дают возможность познакомить исследователей с рядом еще неизданных документов, которые отражают некоторые существенные моменты демократического движения, возникшего в связи со смертью Толстого. Эти материалы значительно расширяют представление о тех исторических условиях, под влиянием которых различные общественные группы определяли свое отношение к умершему писателю. Публикуемые документы служат дополнительным источником для изучения борьбы, развернувшейся после смерти Толстого вокруг его наследия художника, мыслителя, вокруг его критики самодержавия, официальной церкви и всего социального строя тогдашней России.

События в Ясной Поляне и Астапове произошли в тот исторический момент, когда «полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась»³. Еще летом 1910 г. в общественной жизни страны появились первые признаки оживления. Участвовавшие забастовки свидетельствовали о начале подъема рабочего движения. На смерть либерала С. А. Муромцева рабочие и студенты откликнулись первыми робкими демонстрациями, которые дали «возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия»⁴. Наступило время, когда достаточно было первого повода, чтобы вновь возникли подобные демонстрации. В условиях общественного возбуждения таким поводом к новым революционным выступлениям стала смерть Толстого.

* Документы №№ 11—14 и 52 публикуются И. Ф. К о в а л е в ы м. — Р е д.

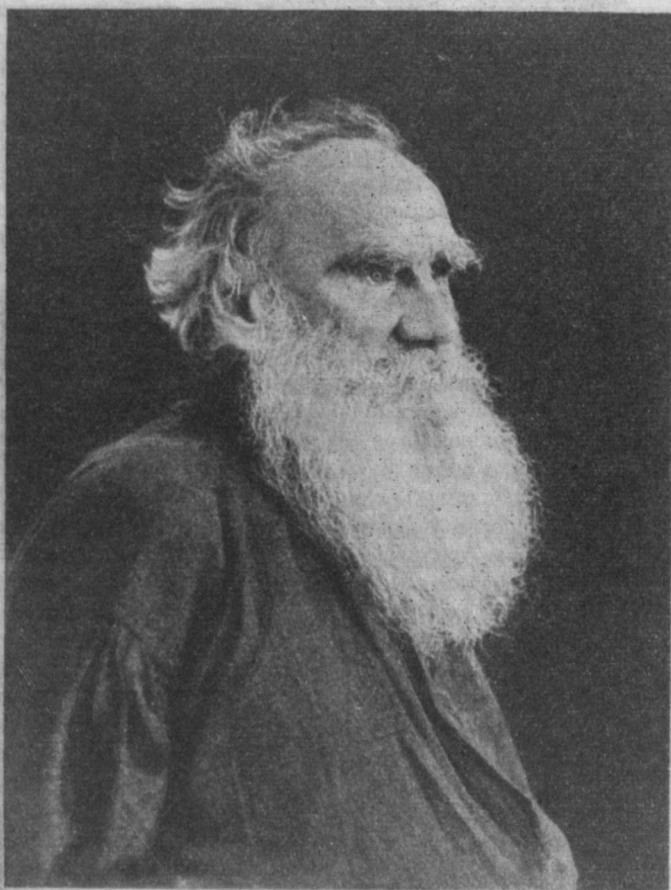
30 октября 1910 г. столичные газеты поместили следующее краткое сообщение: «В Туле распространился слух. Приехавший из Ясной Поляны посланный рассказал, что вчера, 28 октября в 5 ч. утра, Лев Николаевич Толстой ушел из дома с доктором Маковицким и вторые сутки неизвестно где находится»⁵. Это событие привлекло всеобщее внимание и в то же время стало предметом сенсационной шумихи, которую, как по команде, подняла правительственная и буржуазная пресса.

Необъяснимый, загадочный уход Толстого пробудил огромный интерес журналистов. Представители самых различных органов печати, вплоть до черносотенных, которые в прошлом не раз выступали против Толстого с клеветническими статьями, выехали на станцию Астапово, где умирал великий писатель.

Беспокойство правящих кругов стало вызывать отлучение Толстого от церкви, совершенное Синодом еще в 1901 г., что, естественно, не давало возможности изображать противника официальной религии «примирившимся старцем». Поэтому, как только были получены известия о болезни Толстого, правительство начало оказывать давление на церковную власть, чтобы добиться отмены отлучения. В газетах появились сообщения о переговорах П. А. Столыпина с Синодом. В Синоде состоялись закрытые заседания, на которых церковные сановники обсуждали способы возвращения Толстого в лоно церкви. Для положительного решения этого вопроса им не хватало видимого основания, которое могло возникнуть, если бы умирающий сказал лишь одно слово: «каюсь». Чтобы вырвать у Толстого это слово, в Астапово с тайной миссией был послан игумен Оптиной пустыни Варсонофий⁶. Не дожидаясь исхода предпринятой попытки, некоторые церковники выступили в печати с утверждениями, которые давали читателю повод предполагать, что Толстой может раскаяться. Митрополит петербургский и ладожский Антоний объявил, например, что он непрестанно молится, чтобы господь возвратил Толстого церкви⁷. Тульский епископ Парфений, который по личному распоряжению Николая II отправился в Астапово «спасти душу» писателя, дал интервью корреспондентам газет, в котором выразил уверенность, что «Толстой несомненно ищет сближения с церковью»⁸. Бывший тульский vicарий Митрофан убежденно заявил, что уход Толстого из Ясной Поляны надо рассматривать как возвращение к церкви. Хотя умирающий писатель уже не мог опровергнуть все эти выступления, маневры церковников не увенчались успехом. Тайное «поручение епископа тульского не могло быть выполнено»⁹. Попытки служителей церкви проникнуть к Толстому в его предсмертные минуты, «чтобы надуть народ и сказать, что Толстой раскаялся», вскрыли лишь ту «особенно гнусную мерзость» святейших отцов, о которой писал В. И. Ленин¹⁰.

В эти дни реакционная печать, воспевая терпимость церкви, фальсифицировала события, происходившие в Астапове. Тон задавало «Новое время». Газета многозначительно возвестила: «Толстой сам последнее слово не сказал»¹¹. Толстого начали изображать жертвой его «сектантского» окружения. Этот обман по-своему поддерживала и кадетская пресса. Либеральные публицисты защищали Синод. Легкие упреки по адресу церкви сочетались в их статьях с признанием «благородства церковников», о котором неустанно твердила реакционная печать. «Но, конечно, — писал „веховец“ С. Н. Булгаков, давно перешедший с позиций „легального марксизма“ на позиции мистицизма, — слово, примиряющее, призывающее, хотя к уединенной, если не общественной молитве об усопшем, могла бы и должна бы произнести и теперешняя церковная власть, особенно после того, как она проявила так много внимания к умирающему»¹². Одновременно, не считаясь с фактами, либералы заявляли о единении Толстого с церковью. «Даже отлученный Толстой, — писал тот же автор, — близок церкви, соединяясь с ней какими-то незримыми, подпочвенными связями»¹³.

Однако, ни ложь «Нового времени», ни лицемерие либеральных ренегатов не могли скрыть истинного отношения церковников к писателю. После кончины Толстого, когда выяснилось «упорство грешника», некоторые представители церковной бюрократии выступили в духе религиозного фанатизма. Черносотенную речь против писателя произнес вятский епископ Филарет. Священник Алферов выступил по поводу смерти Толстого в воронежской городской думе, поразив своих слушателей силой ненависти к «еретiku и кощуннику»¹⁴. Друг Распутина, иеромонах Илиодор послал председателю Государственной думы А. И. Гучкову телеграмму: «Совет всероссийского братского

Московскому студенчеству
с искренней благодарностью
за тронувший меня от него адрес.
Лев Толстой
1908, 29 октября

ТОЛСТОЙ

Фотография с дарственной надписью: «Московскому студенчеству с искренней благодарностью за тронувший меня от него адрес. Лев Толстой. 1908, 29 октября»

Адрес был поднесен Толстому в связи с его восьмидесятилетием
Музей Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

союза русского народа ваши слова, сказанные в Думе по поводу смерти Льва Толстого: „Господь милосердный да откроет перед ним царство небесное“ считает кощунством и богохульством <...> Стыдно, позорно, мерзко, отвратительно»¹⁵.

Однако правящие круги не отказались от дальнейших попыток фальсифицировать образ писателя. Как известно, 9 ноября 1910 г. в газетах была опубликована резолюция Николая II на докладе министра внутренних дел о смерти Толстого: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих образы одной из славных годин русской жизни. Господь бог да будет ему милосердный судья»¹⁶. Фраза о великом писателе была данью общественному мнению. Она была характерным проявлением той политики верхов, которые стремились, по выражению В. И. Ленина, «соблюсти приличия перед Европой»¹⁷. Для казенной и буржуазной печати императорская резолюция стала образцом официального соболезнования. «Горю России нашло выражение в словах государя императора», — писал впоследствии верноподданный автор в журнале «Русская старина»¹⁸. Формула о создателе «образов славных годин» легла в основу казенно-патриотического искажения творчества писателя.

Утверждая, что народное горе по поводу кончины Толстого было выражено Николаем II, правящие круги одновременно призывали не нарушать траура обсуждением вопросов, которые поднял в своих произведениях умерший писатель. Эта тенденция четко выразилась в выступлении председателя Государственного совета М. Г. Акимова, который заявил: «Перед свежей могилой не время являться судьями над вольными или невольными заблуждениями Толстого в его сочинениях»¹⁹. В сложившейся обстановке такой призыв к спокойствию имел определенный политический смысл: он был продиктован страхом перед усилившимся революционным движением.

Тенденцию умиротворения демократических слоев русского общества выражали и либеральные публицисты. «В мире покойник, — писал Овсяннико-Куликовский. — Когда в доме покойник, благоговейная, молитвенная тишина воцаряется в доме»²⁰. Однако призывы либералов к «минуте молчания» заглушались шумом, который они сами подняли в связи со смертью Толстого, пропагандируя реакционные черты толстовства. Идеализация морально-религиозного учения Толстого пропитывала рассуждения кадетов; она была главным содержанием пустых, но громких слов об «апостольстве Толстого». В. И. Ленин в связи с этим писал: «... в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его „непротивленства“, его апелляции к „Духу“, его призывов к „нравственному самоусовершенствованию“, его доктрины „совести“ и всеобщей „любви“, его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред»²¹. Либеральные публицисты, склонявшиеся перед «толстовщиной», искали в ней идеи, близкие их собственным мыслям. Так, например, П. Б. Струве писал: «Не будучи вовсе единомышленниками Толстого ни в его социальном, ни в его религиозном учении, мы чувствуем, однако, каждый по-своему, нашу глубочайшую и крепчайшую связь с его духом, с идеей, его одушевлявшей»²². В. И. Ленин вскрыл политический смысл постоянного стремления либералов счесть себя идеологическим родством с великим писателем. Еще в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» он утверждал: «На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о „великом богоискателе“ — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции...»²³.

Широкая пропаганда в печати фальсифицированного образа Толстого не прошла бесследно. Ее влияние отразилось на содержании некоторых телеграмм и резолюций рабочих по поводу кончины писателя. Одновременно некоторые «бывшие социал-демократы» поддерживали либеральных фальсификаторов литературного наследия Толстого. Вместо того, чтобы выступить против извращения общественного смысла мировоззрения и творчества писателя, они легко усвоили идеи и фразеологию кадетов. Так, в частности, меньшевик М. П. Неведомский в журнале «Наша заря» поддерживал кадетскую идеализацию учения Толстого²⁴. В либеральном духе оценивал Толстого и В. Базаров, защищая принцип «непротивления злу насилием». «Идея эта, — писал В. Базаров, имея

в виду этический закон „толстовщины“, — есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания»²⁵.

Таким образом, меньшевики-ликвидаторы из журнала «Наша заря», извращая наследие Толстого, шли в русле либеральной публицистики. Борьба против их выступлений приобретала актуальный смысл. Она превращалась в идеологическую борьбу против враждебного марксизму влияния буржуазных публицистов и «бывших социал-демократов». Она была частным проявлением политической борьбы в тот исторический период, когда русский пролетариат начинал разворачивать новое наступление на социально-политическую систему царской России.

Против либеральной и меньшевистской оценки творчества Толстого выступил Плеханов. Отмечая контрреволюционную роль кадетов, пытавшихся использовать наследство Толстого в классово-свокорыстных интересах, чуждых освободительному движению, он писал: «Что касается буржуазного общества, то оно как раз сейчас переживает такое настроение, которое должно было побудить его к преклонению перед проповедью гр. Толстого. Оно не только разуверилось в возможности противопоставить силу революционного народа насилию reactionеров, оно более или менее твердо убедилось в том, что подобное противопоставление не в его интересах. Оно хотело покончить свой спор с абсолютизмом посредством мирного соглашения»²⁶. В статьях о Толстом Плеханов, анализируя философскую основу учения писателя, защищал марксизм от попыток ликвидаторов дополнить Маркса Толстым. Ленин в связи с выступлениями Плеханова писал: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись»²⁷. Однако, если в общем отпоре тем, кто пытался использовать кончину Толстого, чтобы помешать укреплению социал-демократической рабочей партии и оживлению революционной борьбы пролетариата, позиция Плеханова совпадала с позицией Ленина, то, как известно, по некоторым важнейшим вопросам оценки Толстого между Лениным и Плехановым имели место глубокие принципиальные расхождения.

Разоблачение Лениным лицемерия кадетов и меньшевиков-ликвидаторов было основано на глубоком марксистском анализе мировоззрения и художественного творчества писателя. Статьи Ленина, написанные в связи со смертью Толстого, раскрывали подлинное значение и этого события и литературного наследия писателя в политической борьбе эпохи. «Учитель жизни» предстал перед миром как непримиримый противник общественно-политического строя России. Работы Ленина идейно подготавливали политические выступления рабочих, в которых остро прозвучала критика либеральной оценки Толстого, как «великого религиозного проповедника» (см., напр., статью Ярославского комитета РСДРП — стр. 336—338 настоящего тома).

Большая часть рабочего класса поняла общественное значение смерти Толстого и антиреволюционный смысл пропагандистской кампании буржуазной прессы. Скорбь пролетарских масс по поводу смерти писателя получила политическую окраску. Члены социал-демократической рабочей партии — депутаты Государственной думы — послали Черткову следующую телеграмму: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых»²⁸. В телеграмме, которая была рассчитана на опубликование в легальной печати, социал-демократы подчеркнули общественный характер деятельности Толстого. Они писали о тех достоинствах писателя, которые старались скрыть либеральные публицисты.

Ленинские идеи о значении для пролетариата литературного наследия Толстого, известные по работе «Лев Толстой, как зеркало русской революции», опубликованной в 1908 г., пропагандировались в рабочих массах большевиками. В Петербурге и Киеве они выпустили и распространили листовки, которые были посвящены Толстому. Ярославский комитет РСДРП дал оценку творчеству писателя в одном из номеров своего нелегального бюллетеня (почти все нелегальные организации и издания РСДРП были в это время большевистскими)²⁹. В этих документах, публикуемых ниже, социал-демократы большевики выступили с беспощадной критикой

политического строя России, критикой, определившей отношение пролетариата к творчеству Толстого. Вместе с тем они указывали и на слабые стороны философской доктрины писателя, признавая, что пролетариат, который во многом не может с ним согласиться, «идет по иной дороге». В бюллетене Ярославского комитета РСДРП разоблачалась попытка либеральной буржуазии заигрывать с революционным народом. «Оппозиционная буржуазия,— писали авторы этого документа,— чтит в Толстом национального гения, перед которым все должны преклоняться, она ценит то, что смерть Толстого заставила забыть различие классов, что ее представители стояли у гроба вместе с рабочим и мужиком; это помогало ей утешать себя мыслью, что она — тоже народ» (стр. 337). Смерть Толстого киевские социал-демократы восприняли как утрату борца против «насилия и произвола царского правительства и православного духовенства, против язв и пошлостей разлагающегося буржуазно-капиталистического строя». Вместе с тем они выражали отрицательное отношение к морально-религиозному учению Толстого. Газета петербургских профсоюзов «Фабричная жизнь» писала: «„Великий мужик“ брался за дело не с того конца. И не может согласиться с великим писателем рабочий класс. Тактика пролетариата — не пассивное сопротивление, а деятельное изменение современных условий жизни. Ни общественный идеал Толстого, ни средства его осуществления, предлагаемые мыслителем, не пригодны для рабочего класса»³⁰.

После смерти Толстого правительство не смогло предотвратить политические выступления народных масс. В траурные дни необычайное возбуждение охватило демократические круги русского общества. Особенно бурно реагировало на смерть Толстого студенчество. Сначала стихийно, потом все более организованно вступало оно на путь политической борьбы. Легальные и нелегальные сходки, собрания, организация коалиционных советов, выпуск листовок, многотысячные уличные демонстрации, — таков необычно быстрый ход событий этих дней. 7 ноября 1910 г. произошла огромная уличная демонстрация студентов в Томске³¹. Демонстранты несли портрет Толстого. 8 ноября первая студенческая манифестация произошла в Киеве. 9 ноября — в день похорон Толстого — в Москве забастовали рабочие заводов Листа, Менделя, Бромлея, Вестингауза и некоторых других промышленных заведений. Забастовка придавала общественному движению новую силу. Толпы учащейся молодежи Москвы устремились к дому Толстого в Хамовниках, но были разогнаны полицией³². В Харькове демонстрация студентов в Николаевском сквере была разогнана казаками³³. Бурные демонстрации студентов произошли в этот день в Одессе и Варшаве³⁴. В Петербурге после панихиды в Армянской церкви студенты устроили шествие к Казанской площади, но скоро полиция заставила их разойтись³⁵. Возбужденные группы студентов и курсисток вновь и вновь появлялись на улицах столицы. В Киеве, Петербурге, Москве к демонстрантам присоединялись рабочие. Всюду были отменены концерты и вечера, закрыты театры и кинематографы, книжные лавки и магазины прекратили торговлю.

В Петербурге в эти дни отдельные учебные заведения послали своих делегатов к рабочим организациям, требуя присутствия рабочих на демонстрациях. Некоторые представители студенчества рассматривали политические выступления в стране 7—8 ноября как начало новой революционной бури³⁶. Однако размах и глубина общественного движения в тот момент были еще невелики. Недостаточная организованность пролетарских масс заставляла социал-демократов с большой осторожностью относиться к призывам студентов. ЦК РСДРП дал указание, начав агитацию против смертной казни, к демонстрациям не призывать и не высказываться против них³⁷. Петербургские большевики отнеслись отрицательно к попыткам студентов вовлечь рабочих в политическую демонстрацию еще и для того, чтобы, как писал Я. М. Свердлов в листовке, посвященной смерти Толстого, предостеречь рабочих от обольщения «ненадежным, шатким настроением интеллигенции». В листовке дана замечательно яркая и большевистски страстная характеристика значения Толстого для революционного пролетариата³⁸.

Но выступая против вовлечения пролетарских масс в уличную демонстрацию, Свердлов в то же время призывал рабочих поддержать требование отмены смертной казни политической забастовкой. С таким призывом Свердлов выступил 9 ноября перед петербургскими рабочими в обществе «Источник света и знания». На этом собрании

была единогласно принята резолюция: «...немедленно начать агитацию за забастовку..»³⁹. Политическое возбуждение в стране росло с каждым днем. Продолжавшиеся массовые студенческие демонстрации и первые рабочие забастовки в Москве, Киеве и Николаеве все более обнаруживали силу общественного движения. 10 ноября от петербургских рабочих в социал-демократическую фракцию Государственной думы стали поступать требования возбудить в честь умершего писателя вопрос об отмене смертной казни. В связи с этим появилась реальная возможность призвать рабочие массы к демонстрации под лозунгом «Долой смертную казнь». Социал-демократы — члены фракции Государственной думы — решили «возможно шире поднять студенческое движение начавшееся со дня смерти Л. Н. Толстого, и для поддержки его привлечь к

ПОХОРОНЫ ТОЛСТОГО. ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ ПО ДОРОГЕ СО СТАНЦИИ ЗАСЕКА
В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

Фотография, 9 ноября 1910 г.

Музей Толстого, Москва

беспорядкам также и рабочих столицы»⁴⁰. Это решение было принято в результате переговоров с членами только что созданного нелегального Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга и представителями Центрального бюро профессиональных союзов. Социал-демократическая фракция Государственной думы решила также выпустить листовку с призывом к рабочим поддержать демонстрацией законопроект об отмене смертной казни⁴¹. 11 ноября Центральное бюро профессиональных союзов постановило вывести пролетарские массы на демонстрацию 14 ноября⁴².

В противовес этому 11 ноября фракция кадетов Государственной думы опубликовала в газете «Речь» воззвание к студентам с призывом не устраивать демонстраций. Позднее, после того как политическое выступление студентов все же произошло, кадеты, обнаруживая страх перед событиями, утверждали, что в демонстрации учащейся молодежи не было революционного элемента.

«Тот отклик, который нашла смерть Толстого <...> — писал Струве, — замечательен не внешним стремлением выйти на улицу, а внутренним движением, которое коснулось молодежи, не растолкало ее, как «заспавшуюся толпу», а затронуло и потрясло каждого

человека в отдельности, т. е. как-то разбудило религиозную личность»⁴³. Так либеральные публицисты принижали значение революционного энтузиазма студенческой молодежи, придавая исключительную важность религиозному пробуждению личности в связи со смертью Толстого.

«К счастью, — писал В. И. Ленин по поводу воззвания фракции кадетов, — подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась»⁴⁴. Демонстрация студентов произошла 11 ноября 1910 г. Еще накануне утром Центральное бюро профессиональных союзов не знало о решении студентов провести демонстрацию на следующий день. Это обстоятельство стало известно только в полдень 10 ноября. К вечеру было назначено экстренное заседание Центрального бюро профессиональных союзов. О решении студентов социал-демократическая фракция вынуждена была сообщить на заводе в необыкновенной спешке, по телефону⁴⁵. В этих условиях не было возможности организовать массовое участие рабочих в предполагаемой демонстрации.

С утра 11 ноября огромная толпа студентов собралась на Невском проспекте. Более 10 000 человек с лозунгом «Долой смертную казнь!» двигалось к Городской думе. Трамвайное движение было остановлено. Попытки полиции разогнать демонстрантов не имели успеха. Вызванные на помощь ей казаки атаковали студентов. Громадная толпа, перекатываясь с одной улицы на другую, продолжала шествие. Только под вечер войскам и полиции удалось восстановить порядок. Так прошло наиболее яркое политическое выступление в «толстовские дни».

А петербургский пролетариат готовил уже новую демонстрацию. Коалиционный совет высших учебных заведений Петербурга, признавая, что главная сила общественного движения заключается в революционной борьбе пролетариата, предостерег студентов от локальных манифестаций и призвал выйти на демонстрацию совместно с рабочими 14 ноября. 12 ноября социал-демократическая фракция в Государственной думе возбудила в честь Толстого вопрос об отмене смертной казни. Для поддержки внесенного социал-демократами законопроекта к новой демонстрации готовилось и московское студенчество. События грозили перерасти в общественную бурю. В этих условиях правительство приняло срочные меры для предотвращения дальнейшего подъема революционной волны. В ночь на 12 ноября были арестованы братья Добрановы, которые по поручению социал-демократической фракции Государственной думы готовили выпуск листовки с призывом к рабочим принять участие в демонстрации 14 ноября 1910 г.⁴⁶ В ночь на 13 ноября были арестованы члены Центрального бюро профессиональных союзов, непосредственные участники организации рабочего выступления⁴⁷. Наконец, был выслежен филерами и 14 ноября арестован Я. М. Свердлов. Его участие в подготовке демонстрации вызывало пристальное внимание полиции. Имея возможность вести наблюдение за Свердловым, чтобы выяснить его связи в подполье, охранное отделение все же решилось арестовать его, «ввиду проявленной им крайне активной деятельности по организации демонстрации рабочих Петербурга по поводу смерти графа Толстого»⁴⁸. Репрессии правительства сразу повлияли на ход событий. Обессиленная арестами, социал-демократическая организация Петербурга не могла вывести рабочих на демонстрацию. 14 ноября 1910 г. состоялась лишь небольшая манифестация московских студентов. Она была последним студенческим выступлением, которое было непосредственно связано со смертью Толстого. Однако демократическое движение, принявшее широкий размах, уже не могло быть остановлено. События «толстовских дней» были началом пробуждения народных масс.

Изучая эти события по материалам, сохранившимся в полицейских архивах, мы обнаружили ряд документов, которые воспроизводят как общую картину демократического подъема, так и его частные моменты, передают политическую атмосферу того времени. Это прежде всего социал-демократические листовки — замечательные произведения политической литературы, в которых отношение к личности и творчеству Толстого неразрывно связывается с вопросами современного рабочего движения. Листовки были выпущены в 1910 г. и в последующие годы ко дню смерти Толстого.

Вторая группа публикуемых документов — официальная переписка Департамента полиции. Ценность этих документов заключается в том, что они дают систематическое изложение событий. В них сообщаются многие факты, которые не могли быть из-

вестны корреспондентам газет. Однако следует учитывать, что полицейские авторы этих документов нередко получали сведения от лиц, заинтересованных в преувеличении или уменьшении силы политических выступлений, и сами были заинтересованы в этом. Многие факты остались вне поля зрения агентов политического наблюдения. Они не могли видеть подлинных масштабов общественного подъема.

Чтобы картина демократического движения в «толстовские дни» была более полной, мы печатаем ряд частных писем, перлюстрированных Департаментом полиции. Они составляют третью группу документов, включенных в нашу публикацию.

Публикуемые письма с большой эмоциональной силой и психологической достоверностью передают ту атмосферу демократического подъема, о которой писал В. И. Ленин осенью 1910 г. Так, глубина и точность ленинского анализа событий еще раз подтверждаются многочисленными свидетельствами самих участников общественно-политической борьбы того времени.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 327.
- ² «Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого». — «Красный архив», 1935, № 6, стр. 204—219.
- ³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 327.
- ⁴ Там же, стр. 286—287.
- ⁵ «Речь», 1910, № 298, от 30 октября.
- ⁶ «Красный архив», 1923, № 4, стр. 343.
- ⁷ «Голос социал-демократа», 1910, № 23, стр. 1.
- ⁸ «Утро России», 1910, № 290, от 3 ноября.
- ⁹ «Красный архив», 1923, № 4, стр. 344.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 296.
- ¹¹ «Новое время», 1910, № 12453, от 11 ноября.
- ¹² С. Н. Булгаков. Толстой и церковь. — «Русская мысль», 1911, № 1, стр. 222.
- ¹³ Там же, стр. 219.
- ¹⁴ «Вестник Европы», 1910, № 12, стр. 351.
- ¹⁵ «Современный мир», 1910, № 12, стр. 113.
- ¹⁶ «Правительственный вестник», 1910, № 242, от 9 ноября.
- ¹⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 179.
- ¹⁸ «Русская старина», 1910, № 12, стр. V.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, стр. VI.
- ²¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 33.
- ²² П. Б. Струве. На разные темы. — «Русская мысль», 1911, № 1, стр. 179.
- ²³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.
- ²⁴ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 40.
- ²⁵ Там же, стр. 48.
- ²⁶ Г. В. Плеханов. Карл Маркс и Лев Толстой. — «Социал-демократ», 1910, № 19-20, стр. 6.
- ²⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 383.
- ²⁸ «Речь», 1910, № 311, от 12 ноября.
- ²⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1960, стр. 150.
- ³⁰ «Фабричная жизнь», 1910, № 4-5.
- ³¹ ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 467, л. 91; д. 473, л. 83.
- ³² См. документ № 38.
- ³³ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 89, лит. Б, лл. 83 об. — 85 об.
- ³⁴ Там же, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 6; д. 437, л. 41.
- ³⁵ См. стр. 342 наст. тома.
- ³⁶ См. стр. 354 наст. тома.
- ³⁷ См. стр. 348 наст. тома.
- ³⁸ См. стр. 332—334 наст. тома.
- ³⁹ См. стр. 351 наст. тома.
- ⁴⁰ См. стр. 370 наст. тома.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1910 г., д. 2626, л. 8.
- ⁴³ П. Б. Струве. Указ. статья, стр. 176.
- ⁴⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 292.
- ⁴⁵ См. стр. 351 наст. тома.
- ⁴⁶ ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1910 г., д. 2626, л. 8.
- ⁴⁷ См. стр. 397 наст. тома.
- ⁴⁸ ЦГИАМ, ф. ДП 5 дел-во, 1913 г., д. 158, лл. 19—20 об., 30—30 об.

ЛИСТОВКИ РСДРП О СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Листовки социал-демократических организаций, изданные в связи со смертью Толстого, составляют первый раздел публикации.

Препровождая листовку «группы социал-демократов» в Департамент полиции, Петербургское охранное отделение сообщало, что ее автором является уполномоченный ЦК РСДРП «Андрей», как позднее выяснилось, Я. М. Свердлов (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1913 г., д. 158, л. 20—20 об.). В наше время эти сведения получили подтверждение в воспоминаниях К. Т. Свердловой (К. Т. Свердлова. Я. М. Свердлов. М., 1957, стр. 150—151). На этом основании листовка была напечатана в «Избранных произведениях» Я. М. Свердлова (т. I. М., 1957).

Среди материалов, публикуемых нами, имеется документ, непосредственно связанный с вопросом о подготовке этой прокламации. Еще до издания листовки Петербургское охранное отделение было уведомлено, что ЦК РСДРП выслал Свердлову «листок о Толстом». В агентурном донесении от 10 ноября 1910 г., содержащем эти сведения, сообщалось также, что «листок печатается» (док. № 10). Поскольку это сообщение об издании листовки следует сразу за упоминанием о высылке Свердлову листовки ЦК РСДРП, можно предположить, что прокламация «группы социал-демократов» и есть листовка ЦК РСДРП, полученная для издания Свердловым. Эти обстоятельства, раскрывшие новые стороны дела, заставляют еще раз обратиться к вопросу об авторе листовки.

Свидетельство К. Т. Свердловой о прокламации, посвященной Толстому, имеет большую ценность, поскольку ей как непосредственному участнику переписки Свердлова с ЦК РСДРП (она шифровала и расшифровывала письма) был бы известен «листок о Толстом», если бы он был получен. Поскольку К. Т. Свердлова ничего не упоминает об этом «листеке», возможно, что Свердлов его не получил. В письме в ЦК РСДРП от 13 ноября 1910 г. он сообщает, что им получен один только номер «Рабочей газеты», который и был обнаружен полицией при обыске квартиры Свердлова 14 ноября 1910 г. (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, л. 226). Кроме того, К. Т. Свердловой, которая в работе над книгой воспоминаний использовала архивные материалы, был известен публикуемый нами документ, свидетельствующий о высылке ЦК РСДРП «листка о Толстом»: в своей книге она приводит помещенную в докладе Петербургского охранного отделения резолюцию заседания общества «Источник света и знаний» (стр. 153).

Предположение, что эта резолюция стала известна К. Т. Свердловой из другого документа, маловероятно.

Итак, поскольку никакой другой листовки, кроме публикуемой нами, не найдено, возникает предположение, что Свердлов получил от ЦК прямые указания (может быть, даже тезисы) той листовки, которая в эти же дни была им написана и отпечатана на mimeографе.

Однако при установлении автора листовки следует учитывать расхождение директивы ЦК РСДРП, изложенной в письме к Свердлову, с содержанием листовки. Указания ЦК РСДРП заключались в том, что необходимо, начав агитацию за отмену смертной казни и выдвинув лозунг «долой палачей», не призывать к демонстрациям, но и не высказываться против них (док. № 10). Листовка же петербургской группы социал-демократов предостерегала рабочих от участия в студенческой демонстрации (док. № 1). Создавая прокламацию, Свердлов, будучи руководителем петербургских большевиков, исходил из конкретной оценки положения в столице. Очень важно отметить, что содержание заключительной части листовки совпадает с резолюцией, принятой по предложению Свердлова на собрании Выборгского и Петербургского районных комитетов РСДРП и подрайонного комитета трубного завода 13 ноября 1910 г. Это собрание считало, что в современных политических условиях «при почти полном отсутствии в данный момент серьезной организованности, хотя одних только верхов пролетариата, рабочие массы совершенно не способны дать вооруженной силе правительства вооруженный массовый отпор» (док. № 30). В листовке же по этому поводу говорится, что «пролетариат не против такой демонстрации, которая вооруженной силе правительства

способна будет противопоставить свою хорошо организованную и вооруженную массовую силу». Собрание утверждало, что «уличная демонстрация при таких условиях несомненно приведет только к кровавой бойне безоружных рабочих масс и вызовет полный разгром существующих рабочих организаций» (док. № 30). В листовке также говорится, что в результате демонстрации «нас оцепят новыми узами: расстреляют, закроют наши рабочие общества и лучших наших представителей бросят в тюрьму», и «демонстрация, имевшая целью благородный протест против зла, превратится в великую провокацию». Собрание призывало рабочих «готовиться к будущей борьбе с существующим политическим строем путем энергичной, организованной работы по возрождению нелегальной социал-демократической партийной организации» (док. № 30). Листовка также призывала «собственными пролетарскими силами возрождать и вновь спланировать социал-демократическую рабочую нелегальную партию». Сопоставление листовки, посвященной Толстому, и резолюции собрания Петербургского и Выборгского районных комитетов РСДРП и подрайонного комитета РСДРП трубного завода не оставляет сомнений, что оба документа содержат общие положения, выражающие принципиально одинаковое отношение к массовому участию рабочих в демонстрации в «толстовские дни». Так как есть определенные указания, что районным комитетам РСДРП резолюция была предложена Свердловым (док. № 30), сопоставление этих двух документов дает дополнительное основание для утверждения, что он же был и автором листовки «группы социал-демократов». Выступление Свердлова в обществе «Источник света и знания», известное нам из того же доклада Петербургского охранного отделения от 10 ноября 1910 г., не противоречит этому выводу. 9 ноября 1910 г. Свердлов, выступая перед рабочими, призывал не к политической демонстрации, о которой идет речь в обоих приведенных выше источниках, а к политической забастовке с протестом против смертной казни (док. № 10).

Был, однако, момент, когда Свердлов принял, вероятно, участие в подготовке демонстрации рабочих. Быстрое развитие политических событий, когда с каждым часом приходили сообщения о новых революционных выступлениях в стране, и успех общестуденческой демонстрации 11 ноября 1910 г. создали, казалось, реальные возможности для проведения рабочей демонстрации.

Центральное бюро профессиональных союзов приняло решение о подготовке политической демонстрации рабочих 14 ноября 1910 г. (АТ, д. 9401/14, л. 218). Возможно, что после этого решения Свердлов и участвовал в подготовке политического выступления рабочих масс. В связи с этим он был арестован как активный организатор рабочей демонстрации (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1913 г., д. 158, л. 18).

Вопрос об установлении авторов произведений нелегальной литературы относится к наиболее трудной области исследования

В данном случае мы также не располагаем всей полнотой сведений о «листке» ЦК РСДРП и его связи с листовкой «группы социал-демократов». Вопрос этот требует дополнительного изучения. Однако уже сейчас совокупность известных фактов дает основание считать, что листовка, посвященная Толстому, была написана Свердловым.

Дата листовки устанавливается нами по содержанию документа № 10 нашей публикации. 10 ноября Свердлов сообщал, что листовка печатается.

Листовка Киевской организации РСДРП по поводу смерти Толстого призывала рабочих к укреплению социал-демократической партии. Это дает основание предположить, что ее автор, имя которого установить нам не удалось, — большевик. Листовка была выпущена не позднее 11 ноября, когда, как известно, она уже распространялась среди студентов Киевского университета (док. № 56).

Не меньший интерес представляет посвященная Толстому статья бюллетеня № 10 Ярославского комитета РСДРП. Этот нелегальный орган ярославских большевиков выходил с января 1910 г. Большинство статей бюллетеня и листовок Ярославского комитета РСДРП было написано рабочим свинцово-белильного завода И. А. Вахрамеева А. Д. Тяпушкиным (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1911 г., д. 431, прилож., л. 240). Возможно, что автором статьи о Толстом был также он.

Дата бюллетеня № 10 поставлена его издателями под статьей о Толстом. Нами как и во всех остальных документах, дата помещена под заголовком.

1

ЛИСТОВКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ «ГРУППЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ»¹<10 ноября 1910 г.>²

Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

В эти суровые годы реакции как будто заснула или совсем умерла та самая образованная Россия, которая когда-то за спиной пролетариата взывала о свободе и справедливости и протестовала против произвола и всяческого мракобесия наших правителей.

Завидя над собой жестокую руку воспрянувшего деспота, все эти люди — бывшие руководители, учителя и просто друзья пролетариата — от дела убежали. Все спало и дремало среди интеллигенции в смысле общественного протеста, призыва к объединению и борьбе. Ежедневно совершались казни, представителей пролетариата бросали в тюрьмы, ссылали на каторгу, рабочих морили голодом безработицы, рыцари черной сотни убивали народных представителей (Герценштейн³, Караваев⁴), и ни одна общественная группа интеллигенции не возвысила голоса в защиту гонимого пролетариата и не спустилась в его темное подполье с тем факелом, который бы показал путь к желанному выходу на волю.

Правда, в 1909 г., когда газеты разнесли весть о казни Ферреро⁵, молодое студенчество заволновалось и пробовало протестовать против смертной казни. Но как мизерна была эта вспышка и какой неосновательный революционизм проявляла она — это способен понять и оценить лишь один пролетариат.

Сам же он не дремал и в самый разгар этой эпохи застоя делал свое дело: создавал клубы, союзы; поддерживал нелегальную партию. Наученный горьким опытом, веря лишь самому себе, он самостоятельно организовывался, освещая и прокладывая тот путь, который выведет его на свободу.

Но вот по всей России и по всему миру разнеслась весть о смерти великого искателя правды и проповедника мира Л. Н. Толстого, который еще в знаменательный год казни Желябова и Перовской высоко поднял свой голос против смертной казни и не заглушал его до конца дней своих. Почти каждый из пролетариев знал, как в то самое время, когда «зло» раскидало по всей стране свои цепи, силою заставляя всех «не противиться злу», сам апостол «непротивления» не выдержал и воскликнул: «Не могу молчать!»⁶. Этот клич передался и нашей замолчавшей интеллигенции, но лишь с его смертью. Эта смерть как будто всколыхнула в ней замерзшую жизнь и подняла настроение. Те люди, которым был дорог Толстой как обличитель существующей церкви и протестант против смертной казни, селятся теперь поднять крик протеста против жестокого зла наших дней — казни. Адвокаты устраивают общества борьбы со смертной казнью, студенчество решает выразить свой протест в уличной демонстрации. Но как всегда и везде в общественных движениях, *силу* этой демонстрации может составить только *пролетариат*. Они это знают и, как бывало всегда, за поддержкой обращаются к организованному пролетариату: некоторые учебные заведения, назначив день и час демонстрации, послали своих делегатов к некоторым рабочим организациям, требуя присутствия рабочих на демонстрации⁷.

Товарищи! Как должен отнестись к этому пролетариат, знающий, как дорого достаются ему всякие выступления? Та демонстрация, которая должна служить лишь знаком недовольства существующим политическим

строим, уже изжила свой век для пролетариата. Теперь всякий малосознательный рабочий, всякий деревенский батрак знает, что существующий строй жесток, и отвечать на эти жестокости нужно не демонстрациями, а чем-то другим. Тем более абсурдно связывать такое выступление со смертью Толстого. Пролетариат глубоко чтит память этого человека; он также посылает телеграммы с выражением своей скорби по поводу потери одного из противников официальной церкви и смертной казни. Но должен ли он и может ли подняться теперь против того, что разрушить он будет в силах лишь тогда, когда станет победителем в своей исконной борьбе.

Протестовать против смертной казни и против другого общественного зла должно и можно не тогда, когда есть настроение и временные союзнники, но тогда, когда для этого есть соответствующий политический момент, когда есть условия для победы. Смертная казнь — великое зло, но держится оно на другом, еще более великом зле, которое теперь не устранить демонстрациями, оплот смертной казни — господствующий у нас политический строй, и протестовать против смертной казни — значит бороться с самодержавием. А как бороться с ним, сознательный пролетариат знает лучше, чем те юноши, которые звали и, быть может, еще позовут его на какую-нибудь демонстрацию! Пролетариат знает, что для этой борьбы необходимы сильные пролетарские организации: профессиональные союзы, которые должны вырастить в пролетариате мощь для стачечной борьбы; клубы, способствующие также росту его солидарности и проявляющие пролетарские очи на широкие горизонты жизни. И особенно в приготовлении к великому моменту этой борьбы и протеста нужно собственными пролетарскими силами возрождать и вновь сплачивать социал-демократическую рабочую нелегальную партию, как такую политическую организацию, которая лишь одна по ясности и определенности своих политических целей в критический момент сможет быть достойной руководительницей пролетариата и крестьянской бедноты. Она в подполье, и, быть может, долго еще пробудет там, лишь потому, что прямее и смелее прочих организаций борется против существующего строя как политического, так и экономического.

Товарищи! Быть может, и среди нас найдется теперь не один человек, который, обрадовавшись «настроению» студенчества, готов будет пойти с ним на демонстрацию и подставить свою грудь под пули и штыки. Но что будет затем? Во всяком случае не победа, — будет то, что нас оцепят новыми узами: расстреляют, закроют наши рабочие общества и лучших наших представителей бросят в тюрьму. И таким образом, демонстрация, имевшая целью благородный протест против зла, превратится в великую провокацию. Не обольщайтесь ненадежным шатким настроением интеллигенции. На него нужно смотреть, как на признак того, что много еще искр революции глеет и там, где казались они погасшими. За вспышками маленьких искорок не последует тот класс, в котором теперь, хотя и скрыто, таится целое пламя революции. Будет время, когда это пламя разгорится снова и снова повлечет за собой все посторонние огни. Пролетариат не против такой демонстрации, которая вооруженной силой правительства способна будет противопоставить свою хорошо организованную и вооруженную массовую силу и нанесет последний удар деспоту — правительству. *Знайτε, товарищи, лишь железом и сталью творятся великие завоевания, а наша сталь — в нашей организованности.*

Теперь трудно, почти невозможно учесть, когда должен наступить этот момент — в период ли ожидаемого подъема промышленности, в период ли нового кризиса, который неминуемо последует после этого расцвета, но этот момент неизбежен, к нему ведут все внутренние силы развития капитализма и требования пролетариата. И лишь тогда, когда

гигантский молот нашей политической и других организаций разрушит самодержавие, — тогда мы возвысим свой голос против смертной казни вообще. Теперь он был бы слишком ничтожен и опасен для нас же самих. Лишь тогда, в день своего могущества, мы сможем устроить достойную тризну и великому протестанту против смертной казни Толстому, и великому протестанту и учителю нашему Марксу. И всем тем учителям, товарищам, которые неслышно делали свою трудную работу, томились и умирали в тюрьмах — всем самоотверженным жертвам великой пролетарской борьбы.

А теперь организуйтесь, товарищи, в нелегальную партию и легальные общества!

Долой самодержавие!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия и революционный пролетариат!

Г р у п п а С.-Д.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, лл. 198—200. Копия ДП. Опубликована в издании: Я. М. С в е р д л о в. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 29—33.

2

ЛИСТОВКА КИЕВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

〈Около 11 ноября 1910 г.〉⁸

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Все население России переживает большое горе.

Скончался великий мыслитель, гениальный писатель и художник, давший всему миру ряд блестящих литературных произведений и стяжавший себе всемирную славу. В своих литературных трудах, в многочисленных статьях и обращениях ко всему мыслящему человечеству покойный Лев Николаевич Толстой подверг беспощадной критике те многие стороны современного социально-политического строя, с которыми борется также рабочий класс. Хотя убеждения и образ мышления скончавшегося Л. Н. Толстого в огромной степени расходились с идеалами рабочего класса, который является единственным революционным борцом против всех зол современного буржуазного строя, были противны сердцу и разуму гениального художника и вызывали в нем самые горячие протесты. Покойный был врагом эксплуатации человека человеком, врагом современной морали, покоящейся на господстве насилия, он был горячим противником войны и смертной казни, не признавал права на частную собственность и боролся с бессмысленным догматизмом православной церкви и духовенства, ставшего в руках царского правительства послушным орудием угнетения народных масс.

Поэтому-то девять лет тому назад «черные вороны» православной церкви, заседающие в Синоде, решили отлучить Л. Н. Толстого от церкви, а правительство палачей, для которого расстрелы и виселицы являются одним из способов управления государством, считало покойного своим непримиримым врагом.

Умер Л. Н. Толстой, и все, что есть лучшего в России, все, кто мыслит и страдает под жесточайшим гнетом реакционного правительства, все, стремящиеся к светлым идеалам будущего, всколыхнулись широкой волной.

Российская Социально-Демократическая Рабочая Партия
Пролетариям всех стран соединяйтесь!
Бюллетень № 10 Ярославского Комитета РСДРП
Л. Н. Толстой. (Скончался 7 го ноября 1910 г.)

Товарищи! Смерть Л. Н. Толстого сажившее событие русской жизни последних дней. Толстой умер не примирившись с официальной Россией и православной церковью, хотя представители ее суетились и хлопотали о примирении, которое задело бы пропасть образовавшуюся между Толстым народом и проклинающей его церковью. ВСВ — за исключением этих непримиримых врагов — обняжили свои головы перед правом великого человека; но не ВСВ это сбавили с одинаковым чувством и одинаковыми мыслями. Представители властвующей буржуазии сбавили это боясь общественного мнения Европы, боясь признаться перед всеми ту пропасть, которая лежит между ними и народом; лицемерно поднимая перед могилой свою шляпу, они не соглашались с тем, что „нельзя молчать“ при зыб торжествующего насилия и виселицы охраняющей их капитал; они твердо решили, что молчать можно и виселицы полезно.

Оппозиционная буржуазия читала в Толстом национального гения, перед которым ВСВ должны преклоняться, она цвнит то, что смерть Толстого заставила забыть различие классов, что ее представители стояли у гроба вместе с рабочим и мужиком; это помогало ей члбшать себя мыслью, что она тоже народ.

Рабочие и крестьяне искренне все могли отозваться на его и полнбе всего понять его дело. ибо Толстой был народник; к поэтому народу тяготели всегда его сочувствие и его мысли. Незадолго до смерти он говорил: „Я пойду пешком с котомкою и буду стучать в избу незнакомых крестьян; тогда я узнаю настоящую Россию“. Уходя осенью ночью из Ясной поляны, он разрывал последнюю связь с тем классом, в котором он родился и жил. Он хотел идти на юг в сектантские общины, чтобы жить в крестьянской избе и делить с ним свою предметную радость, свое предсмертное горе. Недаром он шел в рабочую казарму, а в крестьянскую избу. Этот слон простого народа — крестьянина — он глубже всего отразил в своих религиозных и общественных взглядах. Он мечтал о том, чтобы каждый жил трудом своих рук, пахал землю, косил траву, работал, как живет и работает крестьянин — земледелец. Он не признавал ни постоянного капиталистического уклада жизни, ни привады денег, фабрик, заводов ища в них источник богатства, между людьми, звал рабочих к земле, к крестьянству. В своих религиозных исканиях, он хотел создать и засадить религию не противобущую разуму, совидную отчужден и предразсудков: его бог, есть любовь к людям — его

-1- 1-211

БЮЛЛЕТЕНЬ № 10 ЯРОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП ОТ 19 НОЯБРЯ 1910 г. СО СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННОЙ ТОЛСТОМУ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ПИСАТЕЛЯ

Лист первый

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

Постепенное развитие общенародного сознания своего бесправного положения, усиливающиеся бесчинства разбойного правительства должны неизбежно вызвать в недалеком будущем массовое движение, способное свергнуть ненавистное царское правительство палачей, и приведет Россию к демократической республике, в которой рабочий класс будет свободно вести борьбу за социализм.

И несмотря на все полицейские преграды, несмотря на произвол столыпинской банды, несмотря на тысячные жертвы царских штыков и виселиц, массовое движение будет разрастаться, и настанет день, когда в устои русского царизма грянет гром разрушения.

Рабочий класс, как и в минувшие годы, будет всегда во главе общего массового движения, — ныне же он присоединяет свой голос к великой скорби и печали тех, для которых кончина Л. Н. Толстого является утратой борца против жестокого насилия и произвола царского правительства и православного духовенства, против язв и пошлостей разлагающегося буржуазно-капиталистического строя.

Товарищи, призываем вас к борьбе с враждебными для нас силами, призываем вас сплотиться воедино и могучими усилиями стремиться к ниспровержению правительства грабителей. Организуйтесь, товарищи, ибо в единении залог нашей победы. Объединяйтесь под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии.

Долой насилие и произвол царских палачей! Долой смертную казнь!

Да здравствует свобода совести!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

К и е в с к а я о р г а н и з а ц и я
Р о с с и й с к о й с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о й
р а б о ч е й п а р т и и

ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 32, лит. Г, л. 2. Копия ДП. Опубликовано в сб. «Рабочее движение на Украине». Киев, 1959, стр. 61.

3

ИЗ БЮЛЛЕТЕНЯ № 10 ЯРОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

19 ноября 1910 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Н. Т О Л С Т О Й
(Скончался 7 ноября 1910 г.)

Товарищи! Смерть Л. Н. Толстого — важнейшее событие русской жизни последних дней. Толстой умер, не примирившись с официальной Россией и православной церковью, хотя представители ее суетились и хлопотали о примирении, которое заделало бы пропасть, образовавшуюся между чтущим Толстого народом и проклинающей его церковью. Все — за исключением этих непримиримых врагов — обнажили свои головы пред прахом великого человека; но не все это сделали с одинаковым чувством и одинаковыми мыслями. Представители властвующей буржуазии сделали это, боясь общественного мнения Европы, боясь признать пред всеми ту пропасть, которая лежит между ними и народом, лицемерно поднимая пред могилою свою шляпу, они не соглашались с тем, что «нельзя молчать» при виде торжествующего насилия и виселицы, охраняющей их капитал; они твердо решили, что молчать можно и виселицы полезны.

Оппозиционная буржуазия чтит в Толстом национального гения, перед которым все должны преклоняться, она ценит то, что смерть Толстого заставила забыть различие классов, что ее представители стояли у гроба вместе с рабочим и мужиком; это помогало ей утешать себя мыслью, что она — тоже народ.

Рабочие и крестьяне искреннее всех могли отозваться на его <смерть> и полнее всего понять его дело, ибо Толстой был народник: к простому народу тяготели всегда его сочувствие и его мысль. Незадолго до смерти он говорил: «Я пойду пешком с котомкою и буду стучать в избы незнакомых крестьян; тогда я узнаю настоящий народ»⁹. Уходя осенью ночью из Ясной Поляны, он разрывал последнюю связь с тем классом, в котором он родился и жил. Он хотел идти на юг в сектантские общины, чтобы жить в крестьянской избе и делить с ним свою предсмертную радость, свое предсмертное горе. Недаром он шел не в рабочую казарму, а в крестьянскую избу. Этот слой простого народа — крестьянство — он глубже всего отразил в своих религиозных и общественных взглядах. Он мечтал о том, чтобы каждый жил трудом своих рук, пахал землю, косил траву, работал, как живет и работает крестьянин-земледелец. Он не признавал современного капиталистического уклада жизни, не признавал денег, фабрик, заводов, видя в них источник вражды между людьми, звал рабочих к земле, к крестьянству. В своих религиозных исканиях он хотел создать и насадить религию, не противоречащую разуму, свободную от чудес и предрассудков: его бог есть любовь к людям, его Христос есть человек, рожденный от женщины, как и другие люди, но только глубже всех понявший страдание людей и больше всех их любящий. Из всех религий Толстой берет свои мысли, отбрасывая из них то, что несогласно с разумом, создано предрассудками, чудесно: он не признает священников, икон, храмов — всего внешнего богопочитания. Любовь и усовершенствование самого себя он считает основной силой, способной изменить весь уклад жизни; не надо внешних преобразований, раз они достигаются насильем, ибо насилие соединено со злобой и ненавистью: любите друг друга, и, если вы исполните это, вы все преобразуете легко, без насилия и вражды.

Религиозные и социальные воззрения Толстого ближе всего должны быть крестьянину. Русское крестьянство, разоряемое развивающимся капитализмом и угнетенное малоземельем, воспринимает новый уклад жизни с тяжелой его стороны. Это будит в нем искание лучшей жизни, создает потребность в новом мировоззрении, в пересмотре старого православия; смотря на его представителей, крестьянин видит жадного попа, пьяного и развратного монаха и угодливого перед властью архиерея, строгого к мелким грехам простого человека и благословляющего крестом кровавые преступления власть имущих. Отражением новых исканий в крестьянстве является широко развивающееся сектантское движение, стремящееся очистить христианство, загрязненное православной церковью и его духовенством. Религиозное учение Толстого входит в ряд сектантских учений, и этим определяется его значение: оно наносит удар православию и освобождает религиозную мысль крестьянства от пут, которыми оплело его православное духовенство; но там, где падают алтари, падает и трон, освобожденный от религиозных пут человек чувствует потребность сбросить и политические.

Рабочему классу нечего взять из воззрений Толстого; он идет по иной дороге. Не в восстановлении патриархального крестьянства он видит свое спасение; не позади, а впереди ищет он золотой век; не в отрицании капитала, в его преодолении, преобразовании в социализм ищет он освобождения от своих страданий и своего рабства. Но он ценит и то обличение мерзости капитализма, которое дал Толстой. Рабочий класс не примет

толстовского учения о непротivлении злу: он плохо верит в отзывчивость души современной буржуазии, он знает, что звон золота заглушит в этой душе голос совести и призыв любви; давящую его руку насильников он сбросит силой, на гнет давящей реакции он отвечал и будет отвечать революцией. Но рабочий ценит то, что, проповедуя о непротivлении злу, Толстой всей силой своего негодования обрушивается на насильников, что среди еще недавно мертвого молчания кладбища, среди торжества победителей он смело и громко сказал: «Не могу молчать!» Рабочий класс не может принять и его религиозных воззрений; он найдет учение более соответствующее требованиям жизни и человеческой свободы — научный социализм, который среди многих кумиров, низвергнутых им во имя свободы человека, отбросил и кумиры божества. Но он признает цену за сектантским духом толстовства, идущим навстречу новым исканиям крестьянства, этого союзника, товарища с пролетариатом по прошлой и будущей борьбе.

Да, Толстой не наш, но он близок к нам. Мы вместе с другими, но с иными, чем они, мыслями и чувствами можем обнажить голову перед его прахом. Да, пусть будет легка ему земля, горе которой его волновало!

Я р с л а в с к и й к о м и т е т Р С Д Р П

Библиотека Института марксизма-ленинизма, ф. арх. хр. ЦУГ Б—999.

СТУДЕНЧЕСКИЕ И РАБОЧИЕ СХОДКИ, ДЕМОНСТРАЦИИ И ЗАБАСТОВКИ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

По материалам донесений полиции и перлюстрации

П Е Т Е Р Б У Р Г

Нигде революционные выступления, явившиеся откликом на смерть Толстого, не получили столь широкого размаха, как в Петербурге. Поэтому материалы, относящиеся к истории «толстовских дней» в столице, представляют особенный интерес. Документальные источники, публикуемые ниже, сообщают не только о внешней стороне событий: студенческих забастовок, сходов, демонстраций. Они раскрывают их внутреннюю подготовку, отношение к ним политических группировок, настроение представителей различных слоев общества, борьбу политических партий. Все документы настоящего раздела публикуются впервые.

4

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О СХОДКАХ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ 8 НОЯБРЯ 1910 г.

8 ноября 1910 г.

Докладываю вашему высокопревосходительству, что сегодня в 2 часа дня была назначена общестуденческая сходка в университете по поводу смерти графа Л. Н. Толстого. Сходка собрала массу студентов (было много также и курсисток). Энтузиазм, охвативший на этой сходке студенчество, напоминает несколько 1905—1906 гг. В президиум сходки были избраны: Аполлонов Николай Васильев (с.-д.), «Карл» (с.-р.) и «Владимир» (с.-д.), еще пока не выясненные.

Аполлонов говорил о Толстом, как о великом человеке, боровшемся против социального неравенства, характеризуя его, Толстого, как воплощение правды, справедливости и т. п. ... «Святые отцы, с руками, запятнанными кровью, отлучили его от церкви», — говорил Аполлонов.

«Карл» говорил, что недавно хоронили Муромцева¹⁰, борца за народ, теперь же умер Толстой. Слова Толстого о миллионах людей обращены

к студенчеству, к обществу. «Помни, студенчество, — говорил „Карл“, — что миллионы страдают...» «и вы, сидящие напротив за Невой, знайте, что умрете и вы».

Далее говорили Шацкий, Борис Евгениев (к. д.) и «Владимир». После «Владимира» речи были прекращены и решено было послать делегацию в Ясную Поляну. Предложений об ознаменовании дня смерти графа поступило много, из них более существенные: 1) отменить в университете занятия в день похорон графа Толстого (это предложение сходкой принято); 2) надеть студентам траур и 3) предоставить университет народу для бесед о Толстом.

Я. М. СВЕРДЛОВ

Фотография на учетной карточке жандармского управления
Петербургская тюрьма предварительного заключения, ноябрь 1910 г.
Музей Революции СССР, Москва

Во время сходки в зале был выставлен портрет графа Толстого. Сходка закончилась пением вечной памяти; пение не прекращалось все время по окончании сходки, до выхода на улицу. Пели везде, где могли. Сходка между прочим предлагала студентам, выйдя из университета, идти с пением вечной памяти по улицам. Мнения по этому поводу разделились. Лишь часть студенчества, человек около 1000, намереваясь привести это в исполнение, по выходе из университета направилась к Николаевскому мосту. Не доходя до моста, в этой толпе появился проректор университета Андреев, которого студенты подняли на руки. Андреев уговаривал студентов разойтись, но последние не слушались, и после этого конные городовые разогнали их и не пустили через мост.

В 5 часов 30 мин. дня толпа студентов около 500 человек появилась со стороны Тучкова переулка. Толпа шла к главному подъезду университета с пением вечной памяти графу Толстому; дойдя до главного подъезда, из толпы стали раздаваться крики: «Товарищи, сегодня нужно решить

все окончательно», а после этих слов закричали: «Идем все в актовый зал» и пошли в университет.

Более подробные сведения по этому поводу будут представлены вашему высокопревосходительству дополнительно.

Полковник фон Коттен

ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 46—47.

5

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВОЛНЕНИИ
СТУДЕНТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ 8 НОЯБРЯ 1910 г.

8 ноября 1910 г.

В дополнение к донесению сего числа за № 15582¹¹ докладываю вашему превосходительству, что из числа столичных высших учебных заведений занятия производились сегодня в полном размере без всякого нарушения порядка в Военно-медицинской академии и институтах: электротехническом, технологическом, инженеров путей сообщения и гражданских инженеров, но во всех этих учебных заведениях замечается приподнятое настроение студентов, которое может иметь последствием прекращение занятий завтрашнего числа, в день похорон графа Л. Н. Толстого, в знак траура по случаю его кончины. Так, например, в Электротехническом институте в вестибюле и курительной комнате вывешено объявление: «Во вторник 9 ноября, в 12 часов дня, в актовом зале состоится общестуденческое собрание для почтения памяти Льва Николаевича Толстого», а в Институте инженеров путей сообщения завтра в 2 часа дня назначена сходка студентов, на которой будут обсуждаться вопросы: об инциденте с Пуришкевичем¹², как благодарить французских депутатов¹³ и студентов Горного института¹⁴ за участие в юбилее и как студенты должны почтить смерть Толстого.

В Женском медицинском институте, на Высших женских курсах и в Горном институте занятия сегодня также производились, но среди дня состоялись сходки учащихся, на которых в знак скорби по поводу смерти почившего писателя постановлено отправить соболезнующие телеграммы и послать на похороны особых депутатов. На сходке в Горном институте студенты пропели три раза «Вечную память» и постановили два дня не слушать лекций. В Женском медицинском институте постановлено отправить сочувственную телеграмму Черткову, «духовному посреднику» Толстого. На сходке в Высших женских курсах присутствовали почти все слушательницы курсов. Председательницей сходки была выбрана Неуймина. Первым оратором выступил профессор русской литературы Овсяннико-Куликовский¹⁵, произнесший короткую и бесцветную по содержанию речь. Вслед за тем были произведены выборы делегатов для поездки в Ясную Поляну. Выборными оказались слушательницы Бельская (с.-р.), Ладыженская и Неуймина. После этого слушательница Петрашкевич обратилась к сходке с предложением почтить память усопшего Л. Н. Толстого совершением 9 ноября гражданской панихиды. Об этом решении сходки слушательнице Бельской поручено довести до сведения редакции газет левого направления. Сходка разошлась при криках: «Долой смертную казнь и насилие!». Кроме С.-Петербургского университета, занятия не состоялись также в Лесном и Политехническом институтах.

В Лесном институте среди дня студенты собрались на сходку в актовом зале, где трижды пропели «Вечную память» графу Толстому, и затем

спокойно разошлись. На сходке в Политехническом институте в 12 часу дня приняли участие около 2000 студентов. Председателем был студент экономического отделения Александр Иванович Лежнев и товарищем его студент того же отделения Марцелий Густавович Петрашкевич. В числе первых вопросов на сходке обсуждался текст телеграммы, адресованной «На могилу Л. Н. Толстого через Черткова». Студент экономического отделения Федор Ксенофонович Ковальский предложил сходке, чтобы текст телеграммы вполне соответствовал учению Л. Н. Толстого, «как противника смертной казни и произвола, повисшего над окровавленной страдалицей родиной». Составление текста телеграммы поручено особой комиссии в составе студентов Сергея Владимировича Бернштейна-Когана, Павла Михайловича Ганицкого-Петрашкевича и Бориса Семеновича Иванова. Делегатами для поездки в Ясную Поляну были выбраны студенты Константин Григорович и вышеупомянутый Лежнев. Постановлено венка не возлагать, но взамен этого образовать фонд имени Л. Н. Толстого для учреждения стипендии, и тут же было собрано 135 рублей. Отдельно производился сбор денег на поездку депутатов. Последним вопросом на сходке обсуждался вопрос — в какой форме выразить скорбь по случаю смерти графа Толстого, и было принято решение прекратить занятия на два дня. Против прекращения занятий 9 ноября голосовали лишь два студента — один «академист» и студент механического отделения, секретарь воздухоплавательного кружка, Павел Андреевич Павлов.

Закончив обсуждение этих вопросов и пропев «Вечную память», сходка разошлась. Никто из учебного начальства на этой сходке не присутствовал. На входных дверях Политехнического института вывешено печатное объявление: «В знак траура занятий нет».

Сего числа вечером состоялось заседание Совета профессоров С.-Петербургского университета, на котором постановлено завтра, 9 ноября, в день похорон графа Толстого занятий в университете не производить и закрыть все аудитории.

По поступившим агентурным сведениям, студенты С.-Петербургского университета приглашают всех учащихся в высших учебных заведениях собраться 9 ноября, к 4 часам дня, на площади у Казанского собора для совершения по графе Толстом гражданской панихиды.

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, 4 дел-во, 1910 г., д. 256, лл. 27—28 об.

6

РЕЗОЛЮЦИЯ СХОДКИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

8 ноября 1910 г.

Студенты СПб. университета, глубоко потрясенные и опечаленные смертью великого писателя и мятежного духом мыслителя Льва Николаевича Толстого, свое горе сливают с горем России и всего мира. Вечно юный пытливый ум великого художника-моралиста не раз волновал человечество своей мыслью, отражавшей народные искания правды-справедливости. Непокорный и непобежденный в поединке со светским и церковным официальным миром, ушел он, оставив нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада и позорным явлением русской жизни — смертной казнью.

ЦГИАМ, ф. Колл. велег. изд., № 22876. Копия, изъятая при обыске у студента М. Мяседова.

7

РЕЗОЛЮЦИЯ СХОДКИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

8 ноября 1910 г.

Студенчество Петербургского университета, собравшись на сходку по поводу кончины Л. Н. Толстого, полагает, что лучшим способом увековечить память Л. Н. Толстого будет отмена смертной казни.

Признать желательным устройство в стенах университета собраний для ознакомления широких народных масс с жизнью и деятельностью Л. Н. Толстого.

ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 22876. Копия, изъятая при обыске у студента М. Мясоедова.

8

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВОЛНЕНИИ И ДЕМОНСТРАЦИИ
СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГА 9 НОЯБРЯ 1910 г.

9 ноября 1910 г.

В дополнение к донесениям от 8 сего ноября за №№ 15582 и 15602¹⁶ докладываю вашему высокопревосходительству полученные во вверенном мне отделении сведения о происходивших 9 сего ноября волнениях учащейся молодежи столичных высших учебных заведений по случаю дня погребения умершего Л. Н. Толстого.

В 12 часов дня была отслужена в Армянской церкви панихида по покойном Л. Н. Толстом, на которой присутствовало около 200 человек молящихся, преимущественно армян, и незначительная часть учащейся молодежи. По окончании панихиды молящиеся разошлись, но чрез несколько минут в церковь начали прибывать студенты, преимущественно универсанты, и курсистки. Оказалось, что на входных дверях университета и Высших женских курсов были вывешены объявления, что панихида по Л. Н. Толстом состоится 9 ноября в час пополудни в вышеозначенной церкви. Армянское духовенство вторично совершило панихиду, к концу которой церковь уже не могла вместить всех молящихся, значительная часть которых стояла на паперти и во дворе при Армянской церкви. По окончании панихиды все находившиеся на паперти и на церковном дворе пропели «Вечная память», после чего вся толпа стала выходить на Невский проспект с намерением устроить шествие по Невскому проспекту. Находившийся там же полицейский наряд некоторое время сдерживал толпу, состоявшую в это время из 600—700 человек, но в конце концов толпа прорвала цепь городских и с пением «Вечная память» пыталась устроить шествие по проспекту в сторону Адмиралтейства, но подоспевшим взводом жандармов сейчас же была рассеяна.

Ввиду того, что к утру 9 сего ноября были получены сведения, что учащаяся молодежь в этот день, в четыре часа пополудни, намеревалась устроить демонстративное собрание у Казанского собора, были приняты меры к недопущению этого собрания, для чего высланы были усиленные разъезды жандармов и конной полиции.

Заметив усиленные разъезды полиции, вожаки толпы надумали переменить тактику, решив устроить демонстрацию на Васильевском острове около университетской столовой, ввиду чего вся толпа учащейся молодежи значительными группами стала направляться через Дворцовый мост на Васильевский остров. Этот маневр был замечен, и своевременно принятыми полицией мерами скопления учащейся молодежи не только у вышена-

званной столовой, но и в других местах Васильевской части, не были допущены. Возбужденная толпа все-таки долго не могла успокоиться и, собравшись на каком-либо видном месте, начинала демонстративно петь «Вечная память». Так, небольшая толпа, состоявшая из самых разнообразных элементов, но, конечно, имевшая во главе учащуюся молодежь, собралась в 4 ч. 50 мин. на углу Тучковой набережной и Среднего проспекта,

№ 6

Изъ вещественныхъ доказательствъ

взятыхъ при обыскѣ у *Марка**Мясоедова* —

Студентъ Ст. 4-го, глубоко потрясенный и опечаленный смертью великаго писателя и материальному душой мучимый *Мвдв* *Ивановича* Толстого свое горе сливалъ с горемъ Россіи и всего міра. Много юный политикъ при великомъ удрученіи — моральномъ не разъ волновалъ честностью своею, отражавшей народныя желанія правды — справедливости. Непокоренный и непокоримый в послѣдствіи со свѣтскими и церковными сурдинками міромъ умомъ, оставивъ намъ вѣчную память о своей борьбѣ с неправдою современнаго социальнаго уклада и позорнымъ исполненіи русской удачи — смертной казни.

РЕЗОЛЮЦИЯ СХОДКИ СТУДЕНТОВЪ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, СОЗВАННОЙ
8 НОЯБРЯ 1910 г. В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

Была отобрана] при обыске у студента Мясоедова и приобщена к его делу в качестве вещественнаго доказательства

Центральный историческій архив, Москва

двинулась с пением «Вечная память» по Среднему проспекту, а на 16-й линии свернула к Большому проспекту, по которому успела дойти только до 18-й линии, где и была рассеяна полицейскимъ нарядомъ. Часть этой толпы, приблизительно человекъ около 50, пыталась было пройти к Горному институту, но полицейскій нарядъ не далъ возможности сделать это и быстро рассеял толпу.

Уже в половине 9-го вечера небольшая толпа учащейся молодежи, собравшись на углу Литейного и Невского проспектов, начала в целях устройства демонстраціи петь «Вечная память», но была окружена полиціей, проведена во дворъ дома № 88 по Невскому проспекту, где чинами местной полиціи все задержанные были переписаны и по удостовѣреніи личности каждаго были отпущены.

В течение дня 9 ноября в некоторых столичных высших учебных заведениях происходили студенческие сходки и общие собрания профессоров и студентов. Так, в 3 часа дня в одной из аудиторий университета состоялась сходка представителей землячеств и членов организационного комитета, на которой обсуждался вопрос об устройстве общестуденческой демонстрации в целях протеста против смертной казни. Не считая себя вправе вынести обязательную для всех студентов резолюцию, сходка приняла постановление: «Завтра, 10 ноября, созвать явочным порядком общестуденческую сходку, компетенции которой и предложить решение вопроса о резолюции, причем, если актовый зал окажется закрытым, то пробраться через двор. Кроме того, на общестуденческую сходку необходимо пригласить представителей прочих высших учебных заведений».

Попытки слушательниц Высших женских курсов устроить сегодня сходку не имели успеха ввиду категорического отказа директора курсов дать разрешение. Ввиду этого значительное большинство слушательниц отправилось к университету, а оттуда вместе со студентами пошли на Невский проспект.

В Политехническом институте состоялось в три часа дня в актовом зале собрание профессоров и студентов института при участии директора профессора Постникова. Всего собравшихся было около 3500 человек. Речи были произнесены директором Постниковым и профессорами Ковалевским и Деном. После речи последнего Постников предложил собравшимся пропеть «Вечная память», и вслед затем он же объявил заседание официально закрытым. В этот момент один из студентов крикнул: «Пока шло заседание, жандармы на Невском проспекте избili шашками толпу, певшую „Вечная память“, двинемся немедленно, товарищи, в город». Последовали обсуждения, что делать. Иные настаивали отправиться в город, а другие предлагали ждать. Наконец, один из студентов сообщил, что лучше ожидать решения «Объединенной студенческой комиссии», которая имеет собраться сегодня в 8 часов вечера в университете, и если она решит устройство завтра демонстрации, то всем студентам завтра двинуться в город. Предложение это было принято, после чего студенты-политехники разошлись, уполномочив студентов Сергея Бернштейна-Когана, Павла Госницкого, Марцелия Петрашкевича и Бориса Уварова представителями в «Объединенную студенческую комиссию».

В Электротехническом институте с утра вывешено было за подписью директора Войнаровского объявление, что «9 ноября в день похорон Л. Н. Толстого лекция и практические занятия отменяются, экзамены же будут производиться». В 12½ часов дня в актовом зале института состоялась общестуденческая сходка для обсуждения вопроса о форме чествования памяти Л. Н. Толстого. Председателем сходки был студент Рафаилов. Ораторами выступали студенты: Качаровский, Хоецкий, Басков, Шульце, Костенко, Новицкий, Оберучев, Саркисов и другие. После пения «Вечная память» Басков выступил с предложениями: 1) «Присоединиться к принятой резолюции студентами университета, что лучшим чествованием памяти Л. Н. Толстого будет требование об отмене смертной казни»¹⁷ и 2) «просить профессоров и студентов об окончательной отмене занятий, т. е. не производить и экзаменов». Предложения были приняты, и экзамены сегодня в Электротехническом институте не производились.

В Институте инженеров путей сообщения состоялась сходка 9 сего ноября, в 3 часа дня, в помещении чертежной I курса. В сходке приняли участие около 650 человек. После пения «Вечная память» сходка приступила к обсуждению вопроса о форме чествования памяти Л. Н. Толстого. Один из участников сходки упомянул о произведенном в Государственной думе некоторыми ее членами противодействию чествованию памяти названного писателя¹⁸. Вскоре же возник между студентами спор о пользе

существования Государственной думы, который настолько принял острый характер, что начали схватывать в руки табуретки. Об этом немедленно было сообщено инспектору института Янковскому, который, явившись в чертежную, предложил собравшимся разойтись, что студентами и немедленно было исполнено.

Поведение студентов Института инженеров путей сообщения и Электротехнического института, продолжавших непрерывно занятия до 9 сего ноября, обратило внимание левой части студенчества, ввиду чего последняя внесла на обсуждение «Объединенной студенческой комиссии» предложение отправить завтра, 10 ноября, в названные институты студентов других учебных заведений в целях насильственно прекратить в них учебные занятия.

Независимо от изложенного имеются сведения, что учащаяся молодежь, принадлежащая к революционным организациям, намеревается отправить утром 10 сего ноября своих членов на фабрики и заводы в целях подстрекательства рабочих к общей забастовке.

К изложенному присовокупляю, что среди учащейся молодежи ведется усиленная агитация по устройству завтра, 10 ноября, около полудня демонстрации у Казанского собора на Невском проспекте.

Полковник ф о н К о т т е н

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 49—52.

9

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
О ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.
В ПЕТЕРБУРГЕ

10 ноября 1910 г.

Вожаками студенческих революционных организаций во время попыток устройства 9 сего ноября демонстрации на Невском проспекте решено было созвать на 10 число явочным порядком общестуденческую (с участием студентов и курсисток всех столичных высших учебных заведений) сходку в здании университета для обсуждения двух главных вопросов: 1) устройства 11 ноября в наиболее людном месте политической демонстрации и 2) предъявления правительству от всех высших учебных заведений требования об отмене смертной казни.

Почти с 11 часов утра студенты и курсистки с разных концов столицы стали направляться на Васильевский остров, к зданию университета, но так как Университетская набережная и Университетская и Биржевая линии охранялись высланным полицейским нарядом, в обязанность которому было вменено впускать в здание университета только студентов университета, то весьма большое число учащихся других высших учебных заведений осталось на панели Университетской набережной. Здесь же находились в значительном числе более или менее благонамеренные студенты университета, не желавшие принять участия в сходке и в предстоящей демонстрации.

Ровно в 12 часов дня собравшиеся студенты в актовом зале в числе около 3000 человек приступили к избранию президиума. Председателем сходки был избран студент «Карл», открывший сходку объявлением вопросов, подлежащих обсуждению. Выступил ряд ораторов, доказывавших необходимость устройства демонстрации, во время которой настоятельно требовать отмены смертной казни. Из ораторов наиболее выдавались резкими выражениями по адресу правительства студенты: Мануйлов,

Богдасаров, Аркадий Ленский, Шедлинг, Львович¹ и др. Все ораторы предлагали сходке устроить 11 ноября многолюдную демонстрацию, приняв все меры к тому, чтобы демонстрация была поддержана учащимися других высших учебных заведений. Произведенным голосованием предложение об устройстве демонстрации было сходкой принято, а предложение Львовича вооружиться было отвергнуто.

Приблизительно около двух часов пополудни сходка закончилась возгласами: «Вечная память Льву Николаевичу Толстому» и вслед затем, совершенно неожиданно для президиума, почти все присутствовавшие на сходке, начав петь «Вечную память», стали выходить из университета на Университетскую линию. Увидев стоявший у здания Академии наук пеший полицейский наряд, толпа студентов начала сворачивать вправо на Университетскую набережную в направлении к Историко-филологическому институту. К этому времени на панели набережной скопилось около полутысячи человек учащейся молодежи обоих полов. Часть их примкнула к вышедшей из университета толпе. В этот момент находившийся во дворе Академии наук взвод жандармского дивизиона с одной стороны и выехавший из манежа 1-го Кадетского корпуса взвод конной полиции с другой — охватили кольцом демонстрантов, отеснив их к зданию университета и Историко-филологического института. Командовавшие взводами потребовали от демонстрантов немедленно прекратить пение и частями расходиться. Демонстранты ответили бранью по адресу жандармов и полиции. Последние стали напирать на толпу. «Мерзавцы, негодяи, зачем вы топчете и калечите ни в чем неповинных людей», — кричали демонстранты; некоторые из них хватались за поводья лошадей, а иные перебежали или на набережную, или же к зданию 1-го Кадетского корпуса и затем снова начинали петь «Вечную память», двигаясь в то же время вдоль набережной к Николаевскому мосту. Наряды жандармов и конной полиции вновь начинали отеснять демонстрантов, отделяя одну кучку от другой от общей толпы, и принуждали их рассеиваться. Таким образом, толпа демонстрантов, состоявшая в начале не менее как из 2000 человек, постепенно уменьшалась, и когда достигла здания Академии художеств, то в ней находилось лишь несколько сот человек учащейся молодежи. У 5-й линии толпа была окончательно рассеяна, и демонстративное шествие прекратилось.

Одновременно с происходившей сходкой в университете, таковая же состоялась на Высших женских курсах, на которой обсуждались вопросы об участии слушательниц в предстоящей 11 ноября общестуденческой демонстрации и о насилии, будто бы произведенном вчера чинами полиции над некоторыми студентами у Армянской церкви, «мирно шедшими по Невскому проспекту с пением „Вечная память“». Выступившие с речами слушательницы Петрашкевич (с.-р.) и Баранова (с.-д.) настаивали в своих речах, чтобы слушательницы курсов обязательно приняли участие в завтрашней демонстрации, а присутствовавшие на сходке преподавательницы курсов Ананьева, Борисова и Соколова увещевали слушательниц никаких выступлений не делать. Наконец была предложена приблизительно нижеследующая резолюция, которая и была сходкою принята: «Не предпринимать ничего, не расследовав вчерашнего случая на Невском проспекте, так как слушательницы курсов находят, что устройство демонстраций на улицах весьма часто сопровождается кровопролитием, что идет совершенно вразрез с убеждениями Льва Николаевича Толстого». Принятием этой резолюции и троекратным пением «Вечная память» сходка была закончена. Однако в 3-м часу дня на Высших женских курсах были получены сведения «об избиении полицией» демонстрантов на Университетской набережной. Сходка вновь была созвана, на которой присутствовало не более 200 слушательниц. После кратких речей было принято постановление

принять участие в предстоящей 11 ноября демонстрации у Казанского собора, но предварительно собраться к 10 часам утра на сходку в помещении курсов.

Во всех прочих правительственных учебных заведениях занятия 10 сего ноября происходили обычным порядком, но группа студентов Технологического института, собравшись утром в помещении лаборатории, обсуждала положение дел и в заключение приняла резолюцию принять совместно со студентами университета участие в предстоящей 11 сего ноября демонстрации.

В Политехническом институте с утра вывешено было от имени студенческой комиссии объявление: «Делегации решили сегодня массовых студенческих выступлений не делать. О дальнейшем будет своевременно объявлено». В 6 часов вечера в институте состоялось заседание литературного кружка, посвященное памяти Л. Н. Толстого. Во время этого заседания были получены сведения «об избииении полицией» демонстрантов на Университетской набережной. Тотчас же созвана была сходка, продолжавшаяся от 6½ до 8½ часов вечера. В сходке приняли участие около 700—800 студентов. После довольно продолжительных речей было принято постановление примкнуть к вынесенной студентами университета резолюции и принять участие в демонстрации 11 ноября в час дня всем политехникам и объявить лозунгом: «отмена смертной казни». На этой сходке было замечено, что единодушие среди студентов незначительное.

Сходки учащихся также происходили в Психо-неврологическом институте и на курсах Лохвицкой. Как в институте, так и на курсах приняты резолюции принять участие 11 ноября в демонстрации вместе со студентами университета, которая произойдет у Казанского собора, петь в несколько хоров и требовать отмены смертной казни.

Попытки представителей революционных организаций привлечь фабричных и заводских рабочих к происходившим в высших учебных заведениях забастовкам по случаю смерти Л. Толстого успеха не имели. Рабочие оставались индифферентными, и только рабочие Франко-русского завода и ситценабивной фабрики Леонтьевых слабо откликнулись, именно: рабочие Франко-русского завода послали Черткову телеграмму с выражением соболезнования, а рабочие вышеупомянутой фабрики после окончания работ 10 сего ноября вышли в числе 300 человек со двора фабрики с пением «Вечная память», но, заметив стоявшего вблизи фабрики городского, умолкли и немедленно разошлись.

В отношении программы предстоящей 11 сего ноября демонстрации получены сведения: учащиеся в высших учебных заведениях, находящиеся на Васильевском острове, намерены к 12 часам дня собраться к зданию университета и уже оттуда отправиться на Невский проспект к Казанскому собору. Учащиеся в высших учебных заведениях, находящихся в других районах столицы, должны прибыть к тому же собору к часу дня; к тому же времени намереваются двинуться учащиеся Психо-неврологического института от своего здания по Невскому проспекту к Казанскому собору с пением «Вечная память». Часть студентов от всех высших учебных заведений будет ходить по Невскому проспекту в одиночку и приглашать проходящую публику примыкать к демонстрантам. В случае, если у Казанского собора будут замечены разъезды жандармов и конной полиции, то решено устроить демонстрацию на площади у Исаакиевского собора.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник фон Коттен

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕТЕРБУРГСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 9—10 НОЯБРЯ 1910 г.

10 ноября 1910 г.

В дополнение представления от 10 сего ноября за № 15677¹⁹, докладываю вашему высокопревосходительству нижеследующее.

Настроение рабочих приподнятое.

Приехавший недавно в Петербург уполномоченный ЦК РСДРП, пока не выясненный «Андрей» (кличка «Махровый») ²⁰, получил письмо от ЦК, с указанием на необходимость начать агитацию за отмену смертной казни ²¹. Текст письма следующий ²²: «Несомненно — смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — „долгой палачей“. К демонстрациям не призывайте, но и не высказывайтесь против них. Транспорт с листком о Толстом высылаем» ²³. Письмо зашифровано. Сегодня утром «Андрей» сообщил, что листок печатается ²⁴.

Фракция с.-д. постановила обратиться к обществу с воззванием, требующим отмены смертной казни ²⁵. Все заседания начинают принимать страстный характер. Похороны Толстого развязали руки, и теперь каждая партия старается «использовать настроение».

9 сего ноября литераторы с.-д. в числе 47 человек собрались в редакции «Современного мира» ²⁶ (Надеждинская, 41), председательствует Н. И. Иорданский ²⁷. Открывая собрание, он говорит: «Нам, с.-д., нужно решить вопрос о том, как использовать настроение, вызванное смертью Толстого. Оставить этого без внимания нельзя. Студенчество начинает волноваться, и плохие были бы мы с.-д., если бы пропустили этот момент».

Е. Смирнов ²⁸ горячо защищает необходимость требовать отмены смертной казни. «Это общий лозунг. За него пойдут все. Я думаю, что может начаться новый 1905 год...». Н. Коновалов ²⁹ доказывает, что кровопролитие поведет к надругательству над памятью Толстого, который завещал: «Не противься злу». Неведомский ³⁰ оспаривает это и находит, что такое рассуждение не социал-демократично. К. Л. Вейдемюллер ³¹ говорит: «Правительство глупо, но мы были бы еще глупее, не воспользовавшись его глупостью. Если бы были разрешены панихиды, то настроение вылилось бы в религиозный экстаз. Теперь оно принимает определенный характер политического протеста. Мы должны усилить этот протест и придать ему оформленность. По-моему, нужно будировать общество. Я настаиваю на необходимости воззвания к обществу».

После долгих прений принято решение: 1) требовать от социал-демократической фракции срочно внести законопроект об отмене смертной казни и обращение к обществу поддержать этот законопроект, 2) принять участие во всех манифестациях и 3) агитировать за политическую забастовку с требованием отмены смертной казни.

Настроение было возбужденное. Говорили о возможности революции и желательности увеличения конфликтов, ибо они увеличивают настроение и ведут к подъему.

Почти одновременно с описанным заседанием в редакции «Русское богатство» происходило собрание народников ³². Присутствовало 34 человека. Принята резолюция: «Необходимо организовать коалиционный комитет для общих действий. Принять участие в борьбе за отмену смертной казни. Устраивать ежедневные совещания о положении дел».

9 ноября произошло заседание общества «Источник света и знания». Оно по существу социал-демократическое. Присутствовало больше 100 человек. Настроение крайне приподнятое. Большинство присутствующих

ДОКЛАД
ОТДЕЛЕНИИ И ОТДЕЛУ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ

0006БЫЙ ОТДЕЛ
13.09.1910 г. 111

Секретно.

Въ дополнение представления отъ 10 сего
Ноября за № 15677, докладываю Вашему Высоко-
превосходительству нижеследующее.

Настроение рабочих приподнятое.

Прибавиши недавно въ Петербургъ упомо-
ченный Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., пока незваный
"Андрей", /личка "Махровый"/, получилъ письмо
отъ Ц.К., съ указанием на необходимость на-
чать агитацию за отмену смертной казни. Текстъ
письма слѣдующій: "Несомнѣнно - смерть Тол-
стого создастъ настроеніе. Необходимо его
использовать. Бросьте лозунгъ - "Долой папа-
чей". Къ демонстраціямъ не призывайте, но и
не высказывайтесь противъ нихъ. Транспортъ
съ листкомъ о Толстомъ высылаемъ". Письмо за-
шифровано. Сегодня утромъ "Андрей" сообщилъ,
что листокъ печатается."

Фракція с.-д. постановила обратиться къ
обществу съ воззваніемъ, требующимъ отмены
смертной казни. Въ зашланія начинать при-
нимать страстный характеръ. Похороны Толсто-

Его Высокопревосходительству

Восподина Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

го развязали руки и теперь каждая партія старается "ис-
пользовать настроеніе".

9-го сего Ноября литераторы с.-д. въ числѣ 47 чело-
вѣкъ собрались въ редакцію "Современнаго Мира" /Надеждин-
ская, 41/; председательствуютъ Н.И.ЮРДАНОВСКИЙ. Открывая
собраніе, онъ говоритъ: "Намъ с.-д. нужно рѣшить вопросъ
о томъ, какъ использовать настроеніе, вызванное смертью
Толстого. Оставить этого безъ вниманія нельзя. Студен-
чество начинаетъ волноваться и плохіе были бы мы с.-д.,
если бы пропустили этотъ моментъ".

Е. СМЕРНОВЪ горячо защищаетъ необходимость требовать
отмены смертной казни. "Это общій лозунгъ. За него пой-
дутъ все. Я думаю, что можетъ начаться новый 1905 годъ..."
И. КОНОВАНОВЪ доказываетъ, что кровопролитіе поведетъ къ
надругательству надъ памятью Толстого, который завѣщалъ:
"не противься злу". НЕВѢДОМСКИЙ оспариваетъ это и нахо-
дитъ, что такое разсужденіе не социаль-демократично.

К.Л.ВЕЙДЕМЙЕРЪ говоритъ: "Правительство глупо, но мы
были бы еще глупѣе, не воспользовавшись его глупостью.
Если бы были разражены панихиды, то настроеніе вылилось
бы въ религіозный экстазъ. Теперь оно принимаетъ опредѣ-
ленный характеръ политическаго протеста. Мы должны уси-
литъ этотъ протестъ и придать ему оформленность. По моему
нужно будировать общество. Я настаиваю на необходимости

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКАГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛ О ВЫСТУПЛЕНІЯХЪ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВЪ 9-10 НОЯБРЯ 1910 Г. ВЪ СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

Листы первый и второй

Центральный исторический архив, Москва

возвращения к обществу".

После долгих прений, принятое решение: 1/требовать от с.-д. фракции срочно внести законопроект об отмене смертной казни и обращение к обществу поддержать этот законопроект, 2/ принять участие во всех манифестациях и 3/ агитировать политическую забастовку с требованием отмены смертной казни".

Настроение было возбужденное. Говорили о возможности революции и желательности увеличения конфликтов, ибо они увеличивают настроение и ведут к подъему.

Почти одновременно с описанным заседанием, в редакции "Русское Богатство" происходило собрание народных. Присутствовало 34 человека. Принята резолюция: "необходимо организовать коалиционный комитет для общих действий. Принять участие в борьбе за отмену смертной казни. Устраивать ежедневные совещания о положении дела".

9-го ноября произошло заседание общества "Источники Света и Знания". Оно по существу социаль-демократическое. Присутствовало больше 100 человек. Настроение крайне приподнятое. Большинство присутствующих рабочие. Вышепознанный "Андрей" говорит первую речь, настаивая на необходимости забастовки в день обсуждения Государственной Думы. Расоче возбудены. Произносится ряд речей революционного характера. Один из рабочих, между прочим говорит: "студенты уже начали протесты. Мы, тов-

шившиеся многих друзей, погибших на виселицах, должны присоединиться к ним. Не можем и не хотим молчать. Давайте скажем вместе с умершим пророком и подтвердим это делом - долой смертную казнь".

Принята была следующая резолюция: "Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в Думе о смертной казни". Постановление принято единогласно. -

Заседание происходило на 9-й линии В.О., дом 66, кв.24.

Далее шло выясняется, что настроение резко изменяется. В первый день смерти Толстого всё было подавлено. Теперь Толстой похоронен и начинается "использование настроения". Возможно, что предстоят серьезные беспорядки. За забастовку по мнению социаль-демократов: Семанниковский, Обуховский, Орудийный, Металлический, Семенова, Сименс Гальские и др. заводы.

В 2 часа, когда получился известие, что студенты завтра устроит демонстрацию на Невском проспекте, назначены экстренная заседания Толстовского Комитета, межклубной комиссии и Центрального Бюро Союзов. На заводе решения студентов передаются по телефону. Завтра рабочих на Невском проспекте будет мало. Но предполагается демонстрация устроить несколько раз и на следующих, по мнению социаль-демократов, возможно ожидать появления массы рабочих. Известный студент С.Петербургского университета Аполлонов прямо говорит, что "желательны кровавые столкновения, ибо это раскачает общество".

О В Н И К З

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ВЫСТУПЛЕНИЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 9-10 НОЯБРЯ 1910 Г. В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО

Листы третий и четвертый

Центральный исторический архив, Москва

рабочие. Вышеупомянутый «Андрей» говорит первую речь, настаивая на необходимости забастовки в день обсуждения Государственной думой вносимого социал-демократами законопроекта об отмене смертной казни. Рабочие возбуждены. Произносится ряд речей революционного характера. Один из рабочих, между прочим, говорит: «Студенты уже начали протесты. Мы, товарищи, лишившиеся многих друзей, погибших на виселицах, должны присоединиться к ним. Не можем и не хотим молчать. Давайте скажем вместе с умершим пророком и подтвердим это делом — долой смертную казнь»...

Принята была следующая резолюция: «Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в Думе о смертной казни». Постановление принято единогласно.

Заседание происходило на 9-й линии В<асильевского> о<строва>, дом 66, кв. 24.

Дальнейшим выясняется, что настроение резко изменяется. В первый день смерти Толстого все были подавлены. Теперь Толстой похоронен и начинается «использование настроения». Возможно, что предстоят серьезные беспорядки. За забастовку, по мнению социал-демократов: Семяниковский, Обуховский, Орудийный, Металлический, Семенова, Сименс-Гальске и другие заводы.

В 2 часа, когда получилось известие, что студенты завтра устроят демонстрацию на Невском проспекте, назначены экстренные заседания Толстовского комитета³³, Межклубной комиссии³⁴ и Центрального бюро союзов³⁵. На заводы решения студентов передаются по телефону. Завтра рабочих на Невском проспекте будет мало. Но предполагается демонстрации устроить несколько раз, и на следующих, по мнению социал-демократов, возможно ожидать появления масс рабочих. Известный студент С.-Петербургского университета Аполлонов прямо говорит, что «желательны кровавые столкновения, ибо это раскачает общество».

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 58—59 об.

11

РАПОРТ ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА 3-го ОТДЕЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА
ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О СТУДЕНЧЕСКОЙ
ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.

11 ноября 1910 г.

Доношу вашему превосходительству, что во время наряда на Невском проспекте, у Городской думы, 11 сего ноября случилось следующее: около часа дня заметно началось густое движение с разных сторон студентов и курсисток, ввиду чего мною немедленно были выдвинуты конные и пешие наряды полиции по заранее распределенному плану, движение от Садовой улицы как экипажей, так пешеходов и трамваев было прекращено. По очистке Невского проспекта от движения конные и пешие наряды приступили к очистке тротуаров, сплошь занятых студентами и курсистками. Ввиду того, что на неоднократные предложения не стоять на тротуарах, а проходить, толпа не обращала никакого внимания, конные и пешие наряды полиции стали действовать натиском лошадей и людей, когда же из толпы стали бросать в наряды палки, калоши и метлы и выкидывать флаги, то конный наряд жандармов, обнажив в некоторых случаях пашки, а конное отделение городских, вынужден в одном случае у магазина Елисеева нагайки, стали очищать тротуары. На углу Садовой и Невского жандармский штабс-ротмистр Больдт вырвал у студента флаг, но виновника задержать не удалось, а у Городской думы старший помощник пристава

2 участка Спасской части Протасов также вырвал у студента флаг. Затем студент, у которого вырвал флаг г. Протасов, был задержан приставом Спасским. В общем задержано во 2-м Спасском 3 человека, а в 1-м Спасском — 7 человек. Очистка тротуаров и улиц от толпы систематически производилась указанным способом вплоть до Знаменской площади, и к 3¹/₂ часам дня нормальное движение по Невскому проспекту как экипажей, так и пешеходов и трамваев было восстановлено, и Невский проспект принял свой обычный вид. При разгоне толпы раненых и пострадавших не оказалось.

Отобранный штабс-ротмистром Большим флаг изображал на черном фоне портрет гр. Толстого и надпись: «Не можем больше молчать», а флаг, отобранный Протасовым, — на белом фоне надпись: «Долой смертную казнь».

Отпустив ³/₄ наряда и продержав остальную часть до 6 часов вечера, ввиду полного порядка во вверенном мне районе, я отпустил и последних.

Полицеймейстер М о р а к и

ЦИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 158, л. 1.

12

РАПОРТ ПРИСТАВА 1-го УЧАСТКА ВАСИЛЬЕВСКОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.

11 ноября 1910 г.

Утром сего числа в коридорах С.-Петербургского университета были расклеены прилагаемые при сем объявления ³⁸, предупреждающие студентов уклоняться от сборищ на улицах. С 9 часов 30 минут утра были поставлены наряды ко всем входам университета и пропускались только имеющие билеты для слушания лекций. Лекции и работы в лаборатории состоялись, но на них было студентов не более 2000 человек. Около 12 часов было замечено обильный выход студентов из университета и особенно движение учащихся по панелям Университетской набережной к Николаевскому мосту. В 12 часов 15 минут к университету прибыл товарищ министра генерал-майор Курлов и принял рапорт полицеймейстера полковника Галле. В это же время были посланы отряды полиции к Николаевскому мосту и на нем было закрыто как трамвайное, так и экипажное движение, пропускались лишь лица, по внешнему виду не имеющие ничего общего с учащейся молодежью, студенты же совершенно не пропускались, и таковых набралось около моста до 1500 человек, которые, прождав на месте около часу, разошлись, а оставшиеся в количестве 200—300 человек были пропущены через мост в то время, когда было получено известие, что беспорядки на Невском проспекте прекратились, и к 2 часам 30 мин. все движение на Николаевском мосту вошло в обычный порядок. В 3 часа 30 минут было получено известие, что по Тучкову мосту на Васильевский остров к студенческой столовой идет большая толпа учащейся молодежи, которая, подходя к воротам университета со стороны Биржевой линии, была рассеяна конными городскими, а человек 60, сломав калитку, проникли во двор университета. В 3 часа 55 минут ректором университета было сообщено, что через стеклянные двери в актовый зал вышли студенты, в числе которых были и студенты других учебных заведений, которые устроили общее собрание, вывесив два флага с надписью об отмене смертной казни. На это собрание пришли проректор университета г. Андреев и декан Покровский, которые уговорили большую часть студентов покинуть это собрание, а оставшаяся группа в 150 человек, узнав, что будет в университет введена полиция, тотчас же разошлась. Все это произошло

не более как в 15 минут времени. В 5 часов дня в университет были допущены исключительно студенты 4-го курса для записи на экзамен. Завтрашнего числа в 12 часов дня предполагается устроить неразрешенную сходку по корпорациям академической и беспартийной, как полагают, таковая будет предотвращена. При настоящем представляю выдаваемые в университете объявления от вышесказанных корпораций, присовокупляя, что каких-либо объявлений со стороны других корпораций не было.

О чем вашему превосходительству доношу.

Пристав И в а н о в

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 158, лл. 6—7.

13

РАПОРТ ПРИСТАВА 2-го УЧАСТКА ВАСИЛЬЕВСКОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА
ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ЗАБАСТОВКЕ РАБОЧИХ
СТОЛЯРНОЙ ФАБРИКИ ПЛАТОНОВА В ПАМЯТЬ О ТОЛСТОМ

11 ноября 1910 г.

Сего числа во 2-м часу дня из числа 400 человек рабочих столярной фабрики Платонова, что в доме № 60 по 11-й линии, после обеденного перерыва возвратилось на работу около 200 человек, и, увидя, что многие не явились, разобрали свои номера (выставляемые при выходе для указания числа явившихся на работу), ушли с фабрики без объяснения причины прекращения работы.

Дознанием установлено, что сего числа рабочие перед окончанием работы в обеденный час секретно от администрации решили прекратить работы, чтобы почтить память графа Толстого и, выйдя на улицу, пришли к общему соглашению. После чего разошлись спокойно. Сведений о продолжительности забастовки не имеется. Меры к охране как фабрики Платонова, так и других приняты.

О чем доношу вашему превосходительству.

Пристав Н и к и т и н

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 158, л. 3.

14

РАПОРТ ПРИСТАВА 4-го УЧАСТКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЧАСТИ ПЕТЕРБУРГА
ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ЗАБАСТОВКЕ
РАБОЧИХ СИТЦЕНАБИВНОЙ ФАБРИКИ ЛЕОНТЬЕВЫХ

11 ноября 1910 г.

Сего 11 ноября рабочие ситценабивной фабрики бр. Леонтьевых, что в доме № 31/33 по набережной реки Ждановки, в составе 300 человек денной смены, окончив в 11½ час. дня работу и выйдя из ворот фабрики, спокойно разошлись по домам, заявив управляющему фабрикой, что они окончили работу на ½ часа раньше, желая почтить память умершего графа Льва Толстого.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Пристав В. К а с а т к и н

ЦГИАЛ, ф. Канц. мин. внутр. дел, 1910 г., д. 148, л. 4.

15

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «КАТЯ» к М. Я. ЗИЛЬБЕРБЕРГУ (В ТИФЛИС)

Петербург. 11 ноября 1910 г.

Не поддается описанию все то, что происходит теперь в Петербурге после смерти Толстого. Теперь только и начинается настоящая бурная жизнь, не то что в сонном, пьяном Тифлисе. Полиция зверски расправляется и с нами, и с студентами, но это ей так не пройдет, настроение боевое, и все начинается так, как в 1905 г. Старики-студенты очень довольны и еще энергичнее стали разжигать молодежь. Смерть Толстого подымет новую, страшную бурю в России, вот увидишь...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 88. Перлюстрационная выписка.

16

ИЗ ПИСЬМА А. Р. ВАЛЬДЕСА к П. Я. ВИНТЕНУ (В МОСКВУ)

Петербург. 11 ноября 1910 г.

Наступает опять 1905 год, пока действуют одни студенты, но есть надежда, что примкнут к нам и другие слои общества. Проснулись от спячки, и поднимается опять яркое пламя революции. Хотя в настоящее время в Петербурге демонстрации прошли не вполне удачно, быть может, и еще потерпим неудачи, но мы не унываем и твердо верим, что скоро наступит день, когда и на нашей улице будет праздник. Студенчество готово бороться каждый момент за свои светлые идеалы. Придет девятый вал, который смоем настоящий режим и его представителей, и тогда наступят светлые дни новой жизни для всего населения России, для этого нам необходимо сплотиться и действовать заодно.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 9. Перлюстрационная выписка. Перевод с литовского.

17

ИЗ ПИСЬМА СТУДЕНТА ПЕТЕРБУРГСКОГО
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В. П. ГАРИНА к А. П. ЯКОВЛЕВОЙ
(В МОСКВУ)

Петербург. 11 ноября 1910 г.

Вы, конечно, уже из газет знаете, как реагирует Петербург на смерть Толстого. К сожалению, в большинстве случаев все наши уличные демонстрации не удавались. Надо было видеть рожи этих солдат: бледные, остервенелые, трясущиеся от злости и кричащие: «Расходись». Я никогда в жизни еще не был свидетелем ничему подобному. Было что-то дикогнусное в поведении низших агентов, действовавших, и чрезмерно-подлое — высших, не присутствовавших явно, но чувствовавшихся за спинами этой полицейской и жандармской опричнины.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 10. Перлюстрационная выписка.

18

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ТВОЙ В.» к Л. Н. РАДЧЕНКО
(В ПЕТЕРБУРГ)

Вена. 12 ноября 1910 г.

Демонстрация по поводу смерти Л. Толстого — первая после 1905 г., и хочется верить, что мертвая точка нами пройдена. Пусть будет много

плохого и мало удач, пусть дело идет медленно, но только бы видеть, что мы идем вперед, что общество начинает вылезать из реакции...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 53. Перлюстрационная выписка (дается в сокращении).

19

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО С ПОДПИСЬЮ «СУПРУГ» к З. Н. БАКОВОЙ
(В ОДЕССУ) С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Петербург. 12 ноября 1910 г.

Настроение растет и крепнет, — как хорошо! Я, точно чайка, купаюсь во всех этих известиях. Хорошо и радостно! Дай бог, чтобы спячка, нагнанная отвратительной реакцией, пришла к концу, и все зажило так, как в 1905 г. Умереть не будет жаль за светлое и хорошее, — своя жизнь не удалась, так поработаем для других. Во мне трепещет каждый нерв. Вот так, я понимаю, жить. Пусть все спавшие душой воспрянут, подымут голову и с поднятой головой заявят, что не желают быть скотами... Настроение в городе очень приподнятое — пахнет грозой... Хорошо!

Правительство потребовало от устраивающих заседания и лекции в память Толстого ни звука о правительстве, о Св. синоде и их отношении к Толстому и его отношении к ним. Назначенные лекции ими совсем отменяются или идут с полицией и жандармами, и за каждое слово — вас в участок... Посыпался ряд отказов³⁷: Венгеров не хочет говорить, Мережковский³⁸, Леонид Андреев — тоже. Он возмутился и написал отказ, который я вам посылаю, а вы передайте Ник... и Детенышу, он же в университет. Везде будет пущен этот отказ, но в газетах его не напечатают по нынешним временам³⁹.

«Я считаю для себя за честь приглашение участвовать в публичном собрании, посвященном памяти Льва Николаевича Толстого. Но давая согласие на выступление в качестве одного из ораторов, я не предвидел той совершенно недопустимой обстановки, при которой означенное собрание состоится.

При тех условиях:

что на улицах происходит избиение молодежи, желающей выразить свое уважение и благодарность к почившему учителю; что на предполагаемом собрании речи вводятся в крайне узкие рамки: ораторы обязуются не говорить ни о Синоде, ни об отношении Льва Николаевича к правительству, ни о его протесте против смертной казни, ни о всем том, следовательно, что составляет общественную сторону деятельности усопшего;

что воспрещается возглашать Толстому вечную память;

что ответственность за сказанное падает не на сказавшего, как это должно быть, а на распорядителя вечера М. Ковалевского, чем внутренняя связанность ораторов возводится почти в прямую невозможность говорить искренно и прямо, — от участия в вечере 13 ноября⁴⁰ я отказываюсь. Глубоко убежден, что в этом случае я только следую заветам великого Толстого, который требовал от людей во всех обстоятельствах их жизни прямоты и правды. Не может быть прямоты и правды там, где искренняя и наиболее горячая любовь к почившему натывается на обнаженную шашку жандарма, а вдохновение ораторов сводится в узенький рукав дозволенного полицией красноречия. Леонид Андреев. 12 ноября 1910 г.»

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 79. Перлюстрационная копия.

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «БОРИС» к С. С. ГОРБАЧЕВСКОЙ
(В МОСКВУ)

Петербург. 12 ноября 1910 г.

Дальнейших демонстраций ждать не приходится, но события пока еще не завершились. Сходка ⁴¹ была неразрешенная, могут последовать репрессии, и это не останется без протеста. Время, разумеется, неудобное для протестов, ибо экзамены скоро поглотят все внимание, и сходки будут, вероятно, малолюдны. От Кассо надо ждать нападения ⁴². Говорят, при прощании с Мануиловым он изрек такие афоризмы ⁴³: 1) у нас действует устав 84-го года ⁴⁴, 2) забастовок не люблю, 3) для успокоения ни перед чем не постою. На сходке ⁴⁵, решившей демонстрацию, говорили о рабочих, которые будто бы придут на Невский. Это оказалось брехней, так хорошо знакомой по прежним студенческим движениям — и это, по моему, скверно. Нужно же теперь понимать, что нельзя за рабочими решать, что не так просто в будний день рабочим покинуть свои заводы, что рабочие не пойдут на студенческие демонстрации. Впечатления от Невской демонстрации самые различные. Говорят, что она не удалась. Только благодаря мягкому отношению полиции продержались демонстранты столько времени. При приближении жандармов и полиции публика разбегалась без оглядки. Но в центре можно было увидеть и организацию, и стойкость...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 22. Перлюстрационная выписка (дается в сокращении).

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ
К ДЕМОНСТРАЦИИ 11 НОЯБРЯ 1910 г.

12 ноября 1910 г.

По полученным агентурным сведениям, общий отзыв студенчества и общества, что демонстрация 11 ноября не удалась. Причиной неудачи считают не только действия полиции, но, главным образом, отсутствие надлежащего настроения в самой студенческой среде. Неудача же демонстрации выразилась в пассивности собравшейся на Невском публики: во многих местах 5—6 конных жандармов останавливали и разгоняли толпу в несколько сот человек.

Вечером 11 числа в редакции «Русского богатства» состоялось собрание для обмена впечатлениями по поводу происшедшего. Все сходились на мысли, что демонстрация не удалась, хотя «хоть какое-нибудь оживление лучше царившего до сих пор застоя».

Елпатьевский ⁴⁶ рассказывал: «В 11 час. утра я пришел к „Доминику“ и занял наблюдательный пост у окна. Уже по настроению ресторанный публики видно было, что чего-то ждут. Все перешептывались, то и дело подбегали к окнам. На Невском запахло концом 1905 г. Когда я увидел первый флажок с надписью „Долой смертную казнь“ — я не выдержал и бросился к толпе. На несколько минут создалось сильное воодушевление, но тотчас жандармы разогнали толпу, меня прижали к стене... Затем я прошел до Фонтанки: везде толпится молодежь, но как-то боязливо оглядывается по сторонам. Вообще было гораздо жиже, чем я предполагал. Говорят, что воззвание кадетов ⁴⁷ внесло в среду студенчества раскол, и удачной демонстрации не ожидали в самом начале».

Пешехонов ⁴⁸ пришел на Невский в 2 часа и не видел ничего, кроме возбужденных групп.

Петрищев ⁴⁹ не смог попасть и часа три стоял на Садовой. «Конная полиция разъезжала среди толпы, но избиений я не видел. Толпа, в которой стоял я, была тысячи в две человек, и нас сдерживал десяток полицейских. Достаточно было самого маленького напора, цепь была бы прорвана, и мы были бы на Невском... Но все стояли и чего-то ждали, а потом разошлись».

СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТОЛСТОГО,
НОЯБРЬ 1910 г.

Фотография

У Казанского собора. На переднем плане полицейские ведут арестованных студентов
Музей Толстого, Москва

Всеми подчеркивается небольшое число неучащейся публики. «Петербургские граждане словно попрятались. Редко где в толпе промелькнет партикулярный, а то все учащиеся».

Общее мнение было таково, что демонстрация не оправдала ожидания и после нее несомненно следует ожидать реакции в настроении.

Так или иначе все были возбуждены и начали расходиться раньше обыкновенного.

В социал-демократическую фракцию беспрестанно поступали известия о событиях в самой разноречивой форме. Приходили рабочие и студенты. В 6 час. вечера началось горячее обсуждение событий.

Впечатление у всех то же самое: демонстрация не удалась, произошло меньше того, что ожидалось.

Ожидали, по крайней мере, расстрелов, избиений в сильной степени. Однако — ни того, ни другого не произошло, так что нет даже материалов для запроса. От 19 предприятий Петербурга получились приглашения

высказаться — что делать? Депутаты в полном недоумении. Срочно запрошен Центральный комитет. Ожидается приезд члена Центрального комитета «Григория» с широкими полномочиями.

Миклашевский⁵⁰ доказывает, что «забастовка — абсурд. Она будет так же неудачна, как и демонстрация. Больше того — она даже не произведет впечатления. А приглашать рабочих к зданию Думы — гапоновщина и провокация».

Базаров⁵¹ рассказывает, что его впечатление таково, будто демонстрации не было вовсе. «Я видел отдельные попытки устроить демонстрацию, но не самую ее. Как видно, настроение не доросло до выступлений. Подождем, чтобы не испортить дела».

Депутаты, боясь ответственности, высказываются нерешительно. Постановлено для ознакомления с настроением обратиться к представителям рабочих.

Собравшиеся разошлись с тяжелым, растерянным чувством. Ожидают повальных обысков и арестов.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник фон Коттен

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 60—61 об.

22

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ВОЛНЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГА 12 НОЯБРЯ 1910 г.

12 ноября 1910 г.

Согласно принятого на вчерашней сходке студентов С.-Петербургского университета решения о созыве новой сходки на 12 сего ноября таковая действительно состоялась сегодня в час дня в актовом зале, причем собравшиеся на сходку разрешения на устройство таковой у университетского начальства не испрашивали. После избрания президиума, в состав которого вошли Мануйлов, «Карл» и третий студент, личность которого пока не выяснена, председатель «Карл», открыв сходку, объявил собравшимся выработанный университетской фракцией социалистов-революционеров порядок дня: 1) вопрос о вчерашней демонстрации и последующая тактика студенчества; 2) вопрос об арестованных товарищах и 3) вопрос о «Коалиционном комитете», распоряжавшемся и руководившем будто бы вчерашней демонстрацией⁵². Кроме того, был поднят вопрос о действиях председателя вчерашней сходки студента Мясоедова, но по требованию некоторых участников сходки этот вопрос был отклонен. Первым на трибуну выходит представитель конституционно-демократической фракции Борис Шацкий и делает заявление о ненужности и незакономерности самой сходки. За ним следуют такие же заявления еще двух студентов. В этот момент в зале появляется проректор университета и, взойдя на кафедру, начинает убеждать студентов разойтись, но на его слова никто не обращает внимания. Выступает с речью представитель фракции социалистов-революционеров студент «Корень» (партийная кличка) и убеждает продолжать сходку: «Необходимо, товарищи, логически необходимо продолжать сходку в целях выяснить результаты вчерашней демонстрации, в противном же случае зачем было ее устраивать...». Речь «Кореня» была прервана появлением в зале ректора университета, который обратился к собравшимся с просьбою разойтись, в противном случае через 10 минут будет введена в зал полиция. Некоторые из участников сходки трусили и стали быстро уходить. «Карл» стал успокаивать сходку и просил остаться, предложив в то же время перенести сходку на 13 ноября в 12 часов дня. Пред-

ложение сходкой принимается. Вслед затем в зал входит полицейский наряд с полковником Галле во главе. Появление полиции сходка встречает шумом, криками и свистом, а весь президиум спасается из зала бегством, во время которого председатель сходки «Карл», разбив окно, выскочил в коридор. На предложение полковника Галле разойтись студенты выразили согласие, но при условии, чтобы прежде полиция очистила университет. После продолжительных переговоров полковник Галле сделал распоряжение вывести полицейский наряд из здания университета, и когда это было сделано, то сходка немедленно же разошлась. Число студентов, участвовавших на этой сходке, составляло до 5000 человек. Кроме «Кореня», «Карла», Мясоедова и Шацкого, на сходке выступали ораторами студенты Виктор Аполлонов, Николай Ребровский, Героним Гиллер и Мануйлов.

Сегодня же, 12 сего ноября, состоялась студенческая сходка в чертежной механического отделения Политехнического института, в которой участвовало около 150—200 студентов. Председательствовал студент механического отделения Павел Андреев Павлов. На сходке обсуждался вопрос о дальнейших шагах студенчества, причем было решено избрать представителей от разных организаций института, компетенции которых и поручить решение этого вопроса. Ораторствовали на сходке вышеупомянутый Павлов и Марцелий Петрашкевич.

В прочих столичных учебных заведениях занятия 12 сего ноября шли нормальным порядком. Наблюдается охлаждение к дальнейшим выступлениям: за исключением университета, все высшие учебные заведения, даже Высшие женские курсы, не склонны принимать участие в демонстрации 14 ноября, если таковая состоится. Вместе с тем среди учащихся циркулируют слухи, что девятый день смерти Л. Толстого, именно 16 сего ноября, может быть отмечен однодневной общей забастовкой всех фабрик, заводов и учебных заведений. Кроме того, в некоторых учебных заведениях поднят вопрос о сборе денег в уплату штрафа, наложенного с.-петербургским градоначальником на участников вчерашней демонстрации. Об этом обложении студенчества говорил на сходке «Карл», заметивший, что, если некоторые товарищи пожелают отсидеть 14 дней в тюрьмах, не приносить правительству материальных выгод, то следуемые к уплате за них деньги лучше всего пожертвовать на «Красный крест».

В течение дня 12 сего ноября работы на всех фабриках и заводах столицы производились обычным путем.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник ф о н К о т т е н

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. А, лл. 70—71.

23

(В МЮНХЕН)

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «Р. С.» к С. Н. ГЕРЦЕВОЙ

Петербург. 13 ноября 1910 г.

На общестуденческую сходку 12.XI⁵³ явилась полиция и арестовала несколько человек, на которых теперь собирают деньги. Нужно около 2000 р. Смерть Толстого послужила предлогом к политической борьбе. У нас на курсах в память Толстого была гражданская панихида, на которой говорились интересные речи, хорошо говорил Овсяннико-Куликовский⁵⁴ и многие из курсисток. Вся учащаяся молодежь взволнована, настроение приподнятое. Сегодня на сходку к нам решила проникнуть полиция, но мы постарались поскорее вынести резолюцию, обсудить некоторые спешные вопросы и разойтись.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 36. Перлюстрационная выписка.

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ВОЛНЕНИИ
СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГА 13 НОЯБРЯ 1910 г.

13 ноября 1910 г.

Настроение учащейся молодежи в столичных высших учебных заведениях выразилось 13 сего ноября сходками, происходившими в университете, Политехническом, Горном и Психоневрологическом институтах и Высших женских курсах; в прочих высших учебных заведениях занятия шли обычным порядком.

В университете до часу дня занятия происходили, но крайне вяло. В коридорах группы студентов вели беседы о происходивших демонстрациях, обменивались мнениями о дальнейшей тактике студенчества, но в общем чувствовалась разногласица. Ровно в 2 часа пополудни актовый зал переполнился студентами, и сходка объявлена открытой без разрешения учебного начальства. Последовали выборы президиума. Выбранными оказались студенты Корнев (он же «Корень»), Шабунин и Мануйлов. Порядок дня объявлен был следующий: 1) итог и значение манифестации на Невском проспекте и 2) дальнейшая тактика студенчества. Выступившие затем ораторы — Моисей Борисов Файнберг (партийная кличка «Аркадий Ленинский» — член фракции социалистов-революционеров), Богдасар Богдасаров, Николай Аполлонов и Журавлев (личность последнего пока точно не установлена) произнесли речи ярко революционного характера, осуждая в крайне резких выражениях деятельность правительства и призывая на борьбу с ним всех присутствовавших на сходке. По окончании речей предложена была Файнбергом на решение сходки нижеследующая резолюция: 1) прекратить студенческие выступления впредь до появления на улице пролетариата. Тогда и они выступят, но уже не как толстовцы, а как революционная молодежь; 2) вести всеми силами борьбу против смертной казни и 3) готовить вооруженное народное сопротивление противодействию войск и полиции. Так как к этому времени к зданию университета прибыл значительный полицейский наряд, то проректор профессор Андреев, явившись в актовый зал, просил собравшихся на сходку немедленно разойтись, в противном случае в университет будет введена полиция; сходка сейчас же исполнила просьбу проректора, приняв без обсуждения постановление собраться в первые дни следующей недели. В момент принятия сходкой решения разойтись в зал поспешно вошел один студент и сообщил, что завтра рабочие десяти заводов выйдут на улицу.

В Горном институте в некоторых аудиториях и коридорах еще с утра студенты вывешивали объявления с приглашением собраться на сходку в 2 часа дня для обсуждения событий, происшедших в последние дни. Директор института приказывал срывать вывешенные объявления и уничтожать. Тем не менее, в 4 часа дня сходка состоялась без разрешения директора; всего присутствовало около 500 студентов. На сходке сперва был прочитан делегатами, командированными в Ясную Поляну, отчет, а затем обсуждался вопрос о форме выражения протеста против смертной казни. Так как при объяснениях директора Горного института с полковником Галле первый взял на свою ответственность все последствия сходки, то заготовленный у Горного института полицейский наряд в здание института не был вводим. Сходка в Горном институте продолжалась до 7 час. 25 мин. вечера, закончившись принятием следующей резолюции: «Признавая, что лучшим памятником Л. Н. Толстому, всю жизнь боровшемуся со смертной казнью, является немедленное уничтожение этого зла в России, на родине усопшего мирового гения, мы, студенты Горного института, присоединяем

свой голос к общему голосу всей демократии и студенчества, выразившемуся в уличной демонстрации и протесте левой оппозиции Государственной думы, и призываем все демократическое студенчество сомкнуться вокруг лозунга — „долгой смертную казнь“ — путем организованных демонстративных выступлений всех высших учебных заведений и рабочего пролетариата».

В Политехническом институте сегодня вывешены были два объявления: 1) от имени «Коалиционного комитета 16 высших учебных заведений» к студентам-политехникам: не делать отдельных выступлений, а ждать ввиду возможности устройства демонстрации в ближайшем будущем вместе со столичным пролетариатом, почему «Коалиционный комитет» рекомендует товарищам быть готовыми и присовокупить, что решения его морально обязательны для всего студенчества. В целях более успешного проявления в жизнь постановлений «Коалиционного комитета» вчера, 12 ноября, на частных курсовых собраниях были произведены выборы представителей по одному от каждого отделения; 2) объявление, гласящее о созыве к 4 часам дня с разрешения директора общестуденческой сходки для выслушивания доклада студентов Андрея Лежнева (с.-р.) и Константина Григоровича, ездивших делегатами в Ясную Поляну, из коих возвратился только Лежнев, а Григорович остался в Москве. После прочтения Лежневым доклада сходка, состоявшая приблизительно из 2000 человек, объявлена была закрытой, но вслед затем объявлена вновь открытой явочным порядком. Последовал выбор президиума, в который вошли: Марцелий Петрашкевич, Борис Кинеловский и вышеупомянутый Лежнев, и двух секретарей — Сергея Зарудного и Александра Ковалевского. Более других ораторствовал Петрашкевич, разъясняя сходке значение возникшего «Коалиционного комитета» и убеждая воздержаться пока от всяких выступлений на улицах, дабы запасть силами для выступления совместно с пролетариатом. Сходка закончилась в 6 часов вечера поставленным на баллотировку вопросом: выражает ли сходка доверие и солидарность «Коалиционному комитету», на каковой получен утвердительный ответ. Расходившимся со сходки студентам сообщалось, что ночью будут получены постановления профессиональных союзов в отношении дальнейшей тактики студенчества и рабочих и что завтра студенты будут оповещены в институте, какие решения приняты «Коалиционным комитетом» и названными союзами.

Сходка (или, вернее, собрание) на Высших женских курсах произошла в целях производства жеребьевки 200 билетов на соединенное заседание культурно-просветительных обществ, состоявшееся сего числа в 8½ час. вечера в зале Консерватории. Слушательниц, желавших получить билет, было около 1500, вследствие чего билеты выдавались по жребию. На этой же сходке подымался вопрос о завтрашней демонстрации, но окончательного решения не было вынесено, так как получено было сообщение, что решение этого вопроса зависит от соглашения с рабочими кружками.

Сходкой, состоявшейся сего числа в Психоневрологическом институте, после краткого обсуждения принято было постановление: «присоединиться к резолюции, которую вынесет пролетариат».

В Женском медицинском институте слушательницы не желают терять времени на обсуждение резолюций, но решили, что когда учащаяся молодежь и пролетариат появятся на улице, то и они выйдут.

Вышеупомянутое соединенное заседание представителей 12 культурно-просветительных обществ в память Льва Толстого (Императорское техническое, Вольно-экономическое, Литературное и др.) действительно состоялось⁵⁵. Зал консерватории, вмещающий до 3000 человек, был совершенно полон. На стенах залы вывешены были объявления с обращением к публике воздержаться от одобрений и нарушений порядка, каковой

действительно не был нарушен. Наиболее выдающаяся по своему содержанию речь была произнесена литератором К. И. Арабажиным, охарактеризовавшим заслуги Л. Толстого в русской литературе⁵⁶. Речь Ф. И. Родичева была чрезвычайно вялой⁵⁷. П. Н. Милюков в своей речи⁵⁸, хотя местами и делал намеки на деятельность правительства, но в то же время искоса поглядывал на находившихся в зале чинов полиции. В общем на этом заседании ничего заслуживающего особого внимания не произошло.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник фон Коттен

ЦИАМ, ф. ДП, 4 дел-во, 1910 г., д. 256, лл. 33—35 об.

25

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ШУРА» к Г. П. ОДАРЧЕНКО
(В МОСКВУ)

Петербург. 13 ноября 1910 г.

Что заставило тебя искать здравого смысла, хотя бы и в минимальной дозе, у русской администрации, у русского правительства? Неужели же ты забыл тот факт, что здравый смысл у русской администрации давно похоронен и отсутствие его стало отличительной чертой русского правительства и администрации, за немногими лишь исключениями. Затем, какого беса ты нападаешь на русское студенчество? Враки, брат, все твои нападки. Из-за деревьев ты не видишь леса. Ты говоришь: «В России не осталось ни одного человека, в котором вы не убили бы желания искать и бороться». Да неужели же ты совсем ослеп? Неужели все выступления студенчества питерского, московского, харьковского, киевского и т. д.⁵⁹ не доказали, что студенчество имеет еще достаточный запас сил для того, чтобы искать и бороться, что оно умеет не «только кричать на сходках», что оно умеет быть чем-то большим, <чем> «почти синонимом шерамыжничества»? На одной из сходок у нас были произнесены такие слова: «За последние годы наше студенчество в глазах общества стало спускаться с высоты передового бойца в рядах интеллигенции, высоты, на которой оно раньше стояло; но настало время показать, что есть еще порох в пороховницах, что у студенчества есть силы, чтоб снова занять прежнее место и с честью удерживать его за собой». И наше студенчество способно не только «бестолково кричать на сходках», но и сохранить чувство меры в такой момент возбуждения, как сейчас; так, после демонстрации 11 ноября оно остановилось, чтоб не растратывать понапрасну сил, а выжидать момент, когда эти силы действительно потребуются. Такой момент, может быть, уж и не далек, так как скоро состоится выступление организованных рабочих. Проснись же, Жора, расшевели себя.

ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. Б, л. 47. Перлюстрационная выписка.

26

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «НЮТА» к Д. Н. МЕРХАЛЕВУ
(В МОСКВУ)

Петербург. 13 ноября 1910 г.

У нас и не поймешь, что же будет дальше. Универсанты решили ликвидировать «первый этап выступления — демонстрации». Теперь, говорят, нужно идти дальше: нужны организации, организации и организации. Наши медички сегодня решили, что если будет выступление, то нужно

идти. Горняки не хотят молчать, намерены из этой истории создать громадное дело. Между прочим, в университете как социал-демократы, так и социалисты-революционеры стоят за ликвидацию. Вообще же публика переживает маленькое подобие 1905 года.

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 45. Перлюстрационная выписка.

№ 41038

Телеграфъ Вв _____	Телеграмма.	
	СТ ЗАСЕКА „ИМЕНЬЕ„ЯСНАЯ ПОЛЯНА „СОФИИ АНДРЕЕВНЕ ТОЛСТОЙ„	
Изв ЗАСЕКА НИКОЛАЕВА 3144 49/48 11 6 48 ДН		
Пришла 11/11/10 г. от _____ № 68 Пришла _____	Разр. _____ Счета слов. _____ _____ _____ _____	Подача _____ _____ _____ _____ _____
Служебная табличка		
1МЫ РАБОЧИИ НИКОЛАЕВСКОГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА В ЗНАК ТРАУРА О СМЕРТИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО ПРЕКРАТИВ НА ОДИН ДЕН РАБОТ А ПРИСОЕДИНЯЕМ СВОЮ ПЕЧАЛ К ВАШЕЙ СЕМЕЙНОЙ И МИРОВОЙ СКОРЕИ О БЕЗВОЗВРАТНОЙ ПОТЕРЕ ВЕЛИКАГО ХУДОЖНИКА И УЧИТЕЛЯ БРАТСТВА РАВЕНСТВА И ЛЮБВИ		

ТЕЛЕГРАММА РАБОЧИХ НИКОЛАЕВСКОГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО
 ЗАВОДА НА ИМЯ С. А. ТОЛСТОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ТОЛСТОГО,
 11 НОЯБРЯ 1910 г.

Архив Толстого, Москва

27

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ВАШ ГОРЕШИ» к А. А. ЭНФИАДЖИАНЦУ
 (В ТИФЛИС)

Петербург. 13 ноября 1910 г.

На сегодняшней сходке решено присоединиться к рабочим, которые намерены на днях устроить свою демонстрацию. Тут уже придется очень худо. Лично я решил не участвовать более ни в каких демонстрациях, а тем более в предполагаемой, где несомненно прольется кровь; я против такого способа борьбы. Одним словом, ожидается что-то крупное, страшное и невиданное. Во всех высших учебных заведениях сходки, тайные совещания. Брожение сильное, настроение приподнятое.

Вопрос о забастовке еще не поднимался⁶⁰, а если он и возникнет,— я думаю решение будет отрицательно.

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 55. Перлюстрационная выписка.

ПИСЬМО С ПОДПИСЬЮ «КОСЯ» к С. ЛЕВИНОЙ
(В ВАРШАВУ)

Петербург. 14 ноября 1910 г.

Дорогая Соня! Лишь теперь я почувствовал смерть Толстого, а отчасти понял... Сходки, «Вечная память», демонстрации, панихиды по Толстом, большая демонстрация против смертной казни, завтрашняя предполагаемая демонстрация ⁶¹, конные атаки на толпу, избиение нагайками, избиение палками озверевшими жандармами и казаками, пронзительный свист, от которого бесились и лошади, и жандармы, особенно офицеры, «Вы жертвою пали...», флаги... многое... многое, неожиданно, нежданно откуда-то появившееся, всколыхнувшее все это болото, все это сначала сбilo меня с толку, так что я даже сразу не мог разобраться во всей этой нахлынувшей массе жизни... ⁶²

В первый день после светлого возбуждения, когда все стали товарищами, самыми настоящими, когда пошли, взявшись за руки, с пением «Вечной памяти», вдруг налетает отряд жандармов с обнаженными палками, врывается в толпу, и только полицеймейстеру удалось с трудом успокоить жандармского офицера, мальчишку еще, не то несколько студенческих голов слетело бы на землю. Рассеивали толпу, но она снова собиралась, и только после третьей атаки стали расходиться. Тогда я чувствовал такую радость, какой никогда не представлял себе ⁶³.

Вечером небольшие демонстрации, но уже не было той торжественности, и толпа гораздо скорее разбегалась, уже производились аресты. В газетах много неправильно написано ⁶⁴. Третьего дня демонстрация ⁶⁵ была без «Вечной памяти», с пением похоронного марша, флагами, криками «долой смертную казнь», пронзительным свистом при атаках, криками «палачи» и уже с настоящим избиением... демонстрация по всему Невскому отдельными группами, и не в 20 тысяч, а гораздо больше. Но уже не чувствовалось такого товарищества, слишком много было «гороховых палто»... Я уже заговорил с кем-то, но заметил, что это не товарищ, а какой-то подозрительный субъект, и стало неприятно. И в институте теперь, да и везде — масса всевозможных подозрительных личностей... Но все это только начало громадного движения, только первые, еще слабые, вспышки... и пойдет это теперь все дальше и дальше... Впрочем, возвышенные чувства, эта восторженность, уже после первой демонстрации исчезли после того, как я видел действия жандармов... Но теперь наступило серьезное отношение к событиям... Все это, конечно, не составляет смысла жизни, но придает какую-то жизненную окраску самой жизни. Завтра демонстрация против смертной казни, потом будут еще и еще... все это очень серьезно и не похоже на всю предшествующую жизнь. И это везде: в Киеве, Москве, Варшаве. Тут началась жизнь в таких учреждениях, которые никогда ни о чем подобном не слыхали, как, например, в Путейском институте, хотя до сих пор из него выдвинулись лишь два студента-provokatora.

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 85. Перлюстрационная копия.

ОТ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ТАРАС» к И. ПЛАМЕНЕВСКОМУ
(В ТИФЛИС)

Петербург. 15 ноября 1910 г.

...Смерть Толстого перевернула все вверх дном. Стало очень неспокойно. Идут усиленные совещания, чтобы устроить грандиозную демонстрацию студентов с рабочими ⁶⁶. Дело едва ли выгорит, потому что сразу

на сцену выплыла небывалая провокация и уже многие зачинщики попла-
тились⁶⁷. На Бестужевских курсах уже уличили одну курсистку как про-
вокаторшу. Такие факты страшно озлобляют публику, и страсти разго-
раются. Во всяком случае, горячий материал есть. Если его опытной
рукой раздуть, то пожар неминуем...

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 465, л. 55. Перлюстрационная выписка
(дается в сокращении).

30

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О РЕШЕНИЯХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА МЕТАЛЛИСТОВ ВЫБОРГСКОГО,
ПЕТЕРБУРГСКОГО РАЙОННЫХ КОМИТЕТОВ И ПОДРАЙОННОГО
КОМИТЕТА РСДРП ТРУБОЧНОГО ЗАВОДА В ПЕТЕРБУРГЕ
ОБ ОТМЕНЕ ДЕМОНСТРАЦИИ И ЗАБАСТОВКИ РАБОЧИХ
14 НОЯБРЯ 1910 г.

16 ноября 1910 г.

В дополнение к № 185⁶⁸ от 12 ноября докладываю вашему высокопре-
восходительству нижеследующие агентурные сведения. Арест членов
Центрального бюро профсоюзов вызвал панику⁶⁹. В профессиональных
союзах боятся за существование союзов. Всюду слышится нарекания на
бюро профсоюзов за последнее его постановление об агитации членов
профсоюзов за участие в демонстрации 14 ноября. В субботу, 13 ноября,
должно было состояться собрание Центрального бюро профессиональных
союзов с участием члена социал-демократической фракции Государствен-
ной думы (насколько известно, Предкальна) и представителей от уча-
щихся⁷⁰ для пересмотра вышеуказанного решения о призыве рабочих
к участию в демонстрации, предполагавшейся в воскресенье, 14 ноября,
на Невском проспекте. Собрание это не состоялось за неприбытием членов,
ввиду их ареста. Правление Союза металлистов⁷¹ после того, как стало
известно об аресте представителей от металлистов в Центральном бюро
профессиональных союзов В. Д. Рубцова и А. К. Каменева 13 ноября,
единогласно высказалось против всяких демонстраций.

Постановление гласит: «Пролетариат должен строить свою тактику не
на основании минутных настроений студенчества, а руководясь точным на-
учным учетом экономического положения страны». Выборгский и Петер-
бургский районные комитеты местной организации РСДРП и подрайон-
ный комитет трубного завода приняли по предложению агента ЦК
«Андрея»⁷² (ныне арестованного) следующую резолюцию.

«Полагая, во-первых, что всякое открытое уличное выступление
широких народных масс неизбежно поведет в современных политических
условиях к вооруженному столкновению с войсками; во-вторых, при поч-
ти полном отсутствии в данный момент серьезной организованности, хотя
одних только верхов пролетариата, рабочие массы совершенно не способ-
ны дать вооруженной силе правительства вооруженный массовый отпор;
в-третьих, что уличная демонстрация при таких условиях несомненно
приведет только к кровавой бойне безоружных рабочих масс и вызовет
полный разгром существующих рабочих организаций; в-четвертых, что
это может крайне вредно отразиться на общем ходе пролетарского дви-
жения, и снова надолго затормозит начавшееся оживление в рабочей сре-
де; в-пятых, что сознательный революционный пролетариат может решить-
ся на массовое выступление только тогда, когда это выгодно ему, а не его
врагам, собрание высказывается против предполагаемой массовой рабочей
демонстрации в данный момент и призывает товарищей рабочих усиленно
готовиться к будущей борьбе с существующим политическим строем путем

энергичной, организованной работы по возрождению нелегальной социал-демократической партийной организации».

Резолюция эта была оглашена также на собрании Василеостровского отдела Союза металлистов. Настроение собрания было настолько подавленное, что боялись даже начать ее обсуждение. Высказались в общем против демонстрации, но сами резолюции никакой не приняли.

АТ, д. 9401/14, лл. 270—271.

31

■ ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ЗИНА» к Е. Н. ПЛАКСИНОЙ
(В МОСКВУ)

Петербург. 16 ноября 1910 г.

Сегодня подписала протест от Бестужевских курсов против смертной казни. Вчера на сходке решили, что это пока один способ выражения нашего негодования. Демонстрация не удалась ⁷³. Сначала было решили, что выступим в воскресенье, но рабочий союз разбил надежды, отказавшись участвовать. Одним же выступать не нашли возможным. Таково было решение общегородского коалиционного совета, состоящего из представителей всех учебных заведений, за исключением, к сожалению, самого большого — университета, который, неизвестно почему, не послал своего депутата в совет. Потому ли, что не имел организации, или просто захотел действовать самостоятельно, так и не выяснилось до сих пор ⁷⁴. Вот будет соорганизован новый совет, увидим, войдут ли универсанты или останутся верны себе. С сегодняшнего дня, как видно, все пошло по-старому. Только проявился интерес к партийной борьбе. Захотелось познакомиться с различными партиями. Как ни стыдно, а приходится сознаться, что еще мало тех общих сведений, которых я нахваталась в 1905 и 1906 годах. Поэтому ставлю себе задачей как можно скорее обстоятельно познакомиться со всеми партиями, и когда изучу их, смогу вступить в какую-либо, может быть, и для меня найдется хоть черная работа. Пока скажу тебе о своих впечатлениях от партийных депутатов. Во-первых, мне показалось странным, что всякая выступившая и выступавшая социалистка-революционерка имела какой-то придавленный вид. У каждой из них на лице какое-то недовольство, точно их придавили, уничтожили, забили. У меня сложилось понятие, что товарищи социалисты-революционеры должны быть добрые, веселые, верящие в свою идею, говорящие зажигательные речи, и вдруг полная противоположность. Совсем другое социал-демократы, даровитый народ, нет в них той угрюмости. Свои мысли они ясно и смело распространяли на сходках, не прибегая к бесконечным воззваниям.

ЦГИАМ, [ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 57, лит. Б, л. 59. Перлюстрационная выписка.

32

■ ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ОЛЯ» к О. В. ТАРХАНОВОЙ
(В ТИФЛИС)

Петербург. 16 ноября 1910 г.

Во всех высших учебных заведениях столицы было решено не выступать на демонстрации, особенно такой, которая совсем не подготовлена. Но универсанты держались все время отдельно и заварили кашу. Вынесли даже такую дикую резолюцию: «Бороться не только против смертной казни, но и вообще за осуществление революционных идей»!! Страшная лег-

комысленность. Ни одно заведение не высказалось еще в таком духе. Ну какая там революция? Это прямо безумие!

У нас снова действует, как в 1905 году, «Коалиционный общестуденческий совет». Он служит для сношений между всеми высшими учебными заведениями. Учреждение, конечно, нелегальное. С наших курсов выбрано туда две. Фамилии «советчиков» строго конспирируются. Совет этот уже постановил, чтобы студенчество не выступало в самостоятельных демонстрациях, а только вместе с рабочими и пролетариатом.

ЦИГАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 465, л. 56. Перлюстрационная выписка.

33

ПИСЬМО Е. МАТУСЕВИЧ к А. Ф. МАТУСЕВИЧ
(В ТОМСК)

Петербург. 17 ноября 1910 г.

Дорогие папа и мама! Простите, что долго не писала вам, время было такое беспокойное, захватывающее. Смерть Толстого вызвала брожение среди людей, в особенности молодежи. Все мы волновались ужасно, каждый день у нас собирались сходки, вырабатывали программу чествований Льва Николаевича. Послали Черткову телеграмму приблизительно такого содержания: «Мы, курсистки курсов Лесгафта, глубоко скорбим о незаменимой утрате светоча жизни, народного печальника и друга, будителя человеческой совести и борца против насилия и произвола». Затем решили послать телеграмму, деньги на стипендию в сельскую народную школу. Кроме того, две курсистки на свой счет ездили делегатами в Ясную Поляну хоронить Льва Николаевича. Через некоторое время мы вместе с профессорами чествовали Льва Николаевича. Профессора очень много говорили о нем, особенно хорошо говорил Морозов: замечательно просто, но глубоко и содержательно, он был в Ясной Поляне и знал лично Льва Николаевича ⁷⁶. В нашей аудитории стоял во время чествования бюст и портрет, которые мы очень хорошо украсили цветами и зеленью на свой счет. Всеми силами мы старались устроить Толстому гражданскую панихиду. Все собрались в Армянской церкви, там отслужили панихиду; затем, выйдя из церкви, мы все запели «Вечную память», вышли с пением на Невский проспект, полиции — тьма, она просила замолчать нас и разойтись. Никто, конечно, не обращал внимания, пели еще дружнее, воодушевленное. В конце концов появилась тьма полиции, целый конный отряд жандармов с шапками наголо, которые ехали прямо на нас, не разбирая. Через несколько минут наше шествие разбили и разогнали всю молодежь ⁷⁶... Затем молодежь устроила демонстрацию против смертной казни. Толпа была в семь тысяч человек. Впереди несли флаги с надписью «Долой смертную казнь». Казаки пагайками и жандармы опять разогнали демонстрацию ⁷⁷. Я в демонстрации не участвовала, но наших курсисток было много. Многих арестовали, несколько есть раненых, хотя и в очень легкой форме. На курсах у нас брожение не обильное. Разделились все на партии, я в социал-демократической, которая преобладает, у нас больше половины эс-деки. На сходке мы решили, что выступать демонстрацией не будем, но если и рабочие примкнут к демонстрации, и все высшие учебные заведения будут принимать в этом участие, то и мы будем. Затем мне удалось побывать на чествовании Льва Николаевича, светильника науки и литературы ⁷⁸. Это чествование было в консерватории, говорили и читали рефераты: М. Ковалевский ⁷⁹, Овсяннико-Куликовский ⁸⁰, Арабакин ⁸¹, Андрианов ⁸², Милюков ⁸³, Фальборк ⁸⁴, Родичев ⁸⁵. Особенно хорошо говорил Милюков и Родичев. Фальборк читал реферат и по содержанию своему самый радикальный из всех речей. Должны были еще

говорить Л. Андреев, Мережковский, Зарудный⁸⁶ и т. д., но не говорили, боясь ограничения от цензуры и полиции⁸⁷. Все, как один человек, почтили память Л. Н. Толстого вставанием. Публики было масса. Нам на курсы Ковалевский прислал 30 билетов, мы их разыгрывали, но я не получила. Я прошла без билета, зайцем, хотя контроль был страшно строгий, но недаром говорят смелость города берет... Сейчас у нас сравнительно покойно, молодежь вошла постепенно в свою колею.

Ж е н я

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 81, лит. Б, л. 53—53 об. Перлюстрационная копия.

34

ИЗ ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ к П. К. КАРТАВЦЕВУ (В МОСКВУ)

Петербург. 20 ноября 1910 г.

Сегодняшнее письмо К. к нашим девицам заставило меня поспешить с ответом. Из письма К. видно, что у вас «толстовские дни» не прошли спокойно. У нас тоже после очень эффектной и совершенно студенческой демонстрации, бывшей гораздо более импозантной и удачной, чем это можно было бы судить по газетам, начались всякого рода репрессии. В связи с слухами о готовящейся на воскресенье рабочей демонстрации был произведен целый ряд арестов, почему-то среди деятелей профсоюзного движения; арестовано несколько секретарей и членов профсоюзов⁸⁸, полицией затребован список членов профобщества и клубов. Дело пахнет закрытием.

Сама по себе демонстрация была показательна и симптоматична. Она несомненно свидетельствует о некотором переломе в настроении и прекращении боязни «улицы» как среди студентов, так и среди пролетариев. Движение сейчас как будто заглохло, и все уже входит в свою колею, но это не важно. У рабочих сейчас, по-видимому, продолжается некоторое возбуждение, собираются подписи под резолюциями, идут сборы на увековечение памяти Толстого. Но разыгравшиеся события обнаружили очень ярко нашу собственную растерянность, отсутствие организованности и пр., и теперь несомненно ускорят (по крайней мере здесь) процесс политической консолидации, о которой мы говорили.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 31. Перлюстрационная выписка.

35

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «А» к М. С. ДЕШЕВОМУ (В КИЕВ)

Петербург. 22 ноября 1910 г.

Толстовские события подействовали на меня потрясающе. Теперь все это улеглось, и я снова работаю вовсю, по крайней мере хочу работать.

Теперь об окружающих условиях. Все были выбиты из колен, потеряли головы и готовы были на что угодно. Однако все успокоилось теперь. Партийная публика приступила к работе. Собираются объединить все студенчество в протест против смертной казни. От демонстраций серьезных придется отказаться. Будет открыто петиционное движение с протестом против смертной казни по всей России. К голосу общества присоединит свой голос и студенчество. О выступлениях на улицу говорить не приходится. 1905 год у всех еще в памяти, и желающих подставлять спины под нагайки не так-то много.

На мой личный взгляд, смерть Толстого подействовала так сильно на русское общество потому, что она произошла в тот момент, когда господи-

ном положения оказался Пуришкевич и К°. Со смертью великого человека открывается новый период в истории русской интеллигенции — толстовский. С мыслями Толстого оперируют теперь буквально все: и правые, и левые, и средние, — все и всякий найдет там довод для своих философских выкладок. Вот почему говорят, что много хлопот предстоит правительству с вопросом о чествовании памяти писателя земли русской. Это

СТУДЕНТЫ У ВХОДА В ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ДОМ В ДЕНЬ ПОХОРОН ТОЛСТОГО

Кадр из кинофильма Дранкова и Патэ «Похороны Л. Н. Толстого», 1910 г.

Центральный архив кинофотофонодокументов, Москва

огонь, к которому никак нельзя прикоснуться, чтобы не быть обожженным. Можно лишь пытаться погасить этот огонь. Это и делают, но увы! как и всегда, глупо дуют, и от этого он только сильнее разгорается. Да, положение!! Ну, ведь за то и умер-то Толстой.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 91. Перлюстрационная выписка.

36

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ ГРУППЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ, АРЕСТОВАННЫХ В СВЯЗИ С ИХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В «ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ»

28 мая 1911 г.

1911 года мая 28 дня в гор. С.-Петербурге я, начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал-майор Клыков, рассмотрев произведенную при вверенном мне управлении в порядке Положения о государственной охране переписку по исследованию степени политической благонадежности: лекаря Минея Хейсина ⁸⁹, жены технолога Любови Радченко ⁹⁰, присяжного поверенного Степана Турутина ⁹¹,

потомственного дворянина Владимира Бонч-Бруевича ⁹², Елены Борткевич ⁹³, Михаила Вайнштейна ⁹⁴, Мануила Гуревича ⁹⁵, Иосифа Иссува ⁹⁶, Лидии Книпович ⁹⁷, Федора Липкина ⁹⁸, Сергея Мгалоблишвили ⁹⁹, Марии Свечиной ¹⁰⁰, Мстислава Цапенко ¹⁰¹, Григория Циперовича ¹⁰², Николая Иорданского ¹⁰³ и Ивана Азарова ¹⁰⁴, нашел следующее: начальник С.-Петербургского охранного отделения при отношении от 28 февраля сего года за № 4121, препроводив мне о вышеозначенных лицах переписку, сообщил, что социал-демократическая фракция Государственной думы на одном из своих общих фракционных заседаний в присутствии членов Коалиционного совета высших учебных заведений (членов социал-демократической фракции учебных заведений), представителей от Ц<ентрального> б<юро> профессиональных союзов, а также и частных сведущих лиц приняла решение возможно шире поднять студенческое движение, начавшееся со дня смерти Л. Н. Толстого, и для поддержки его привлечь к беспорядкам также и рабочих столицы.

Центральное бюро профессиональных союзов на заседании своем 11 ноября минувшего года, исполняя предложение думской фракции, приняло решение об устройстве 14 ноября демонстрации рабочих на Невском проспекте, но ввиду ареста 13 ноября главарей партии ¹⁰⁵ демонстрация не состоялась и привлечь рабочих к студенческому движению не удалось.

Тогда думская социал-демократическая фракция решила поддержать уже создавшееся настроение студенчества и вести агитацию в высших учебных заведениях при помощи лиц, близко стоящих к фракции. Ввиду сего на квартирах некоторых членов Государственной думы, а также и сведущих лиц фракции устраивались собрания, на которых присутствовали представители студенчества и от рабочих.

Произведенной С.-Петербургским охранным отделением ликвидацией 9—12 февраля сего года были обысканы и арестованы наиболее активные и сведущие лица думской социал-демократической фракции и лица, имеющие сношения с ней. Причем обыском было обнаружено: у Борткевича — переписка, воззвания и книги в единичных экземплярах социал-демократического характера; у Вайнштейна — брошюры, листки и литература социал-демократического характера; у Гуревича — адреса некоторых членов Государственной думы и сведущих лиц социал-демократической фракции, литература по социальным вопросам; у Липкина — приглашительная записка на заседания в квартиру члена Государственной думы социал-демократической фракции и письмо конспиративного характера; у Радченко — каталоги изданий по рабочему вопросу, причем встречаются названия книг, запрещенных к обращению; у Свечиной — тенденциозное стихотворение и копии с письма Л. Толстого от 15 марта 1901 г.; у Турутина — рукописи по рабочим вопросам, составленные в социал-демократическом духе, циркулярное письмо по поводу составления протеста против смертной казни и переписка с проживающими за границей социал-демократами; у Хейсина — разные заметки по кооперативным и профессиональным рабочим вопросам; у Цапенко — разные записки и заметки по рабочему вопросу; у Азарова — переписка социал-демократического характера и чужие паспорта; у Иорданского — переписка с проживающими за границей социал-демократами; у Мгалоблишвили — заметки по социальным вопросам; у остальных же из вышеназванных лиц ничего имеющего значения для дела не обнаружено.

На допросах никто из привлеченных к настоящей переписке лиц не признал себя причастным к нелегальным организациям ¹⁰⁶.

М О С К В А

В Москве, как и в других городах страны, смерть Толстого вызвала широкий общественный отклик. В дополнение к материалам, составляющим публикацию «Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого» («Красный архив», 1935, № 6), мы печатаем документы о подготовке и проведении студенческой демонстрации 14 ноября 1910 г. Демонстрация, проведенная с целью поддержки законопроекта об отмене смертной казни, была наиболее значительным московским событием в «толстовские дни». Серьезный интерес представляют свидетельства о солидарности и совместных усилиях петербургского и московского студенчества в организации этой демонстрации чисто политического характера.

Большое значение для демократического подъема в Москве в «толстовские дни» имели забастовки рабочих 9 ноября 1910 г. В этот день бастовало около 4000 человек, что, по сведениям Московского общества фабрикантов и заводчиков, составляло 27 % всего рабочего состава промышленности Москвы (газ. «Утро России» от 10 ноября 1910 г.).

37

РАПОРТ ПРИСТАВА 1-го УЧАСТКА СЕРПУХОВСКОЙ ЧАСТИ
МОСКВЫ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ЗАБАСТОВКЕ
В ДЕНЬ ПОХОРОН ТОЛСТОГО РАБОЧИХ ЗАВОДА БР. БРОМЛЕЙ

9 ноября 1910 г.

Доношу, что сего числа рабочие механического завода бр. Бромлей, что по Малой Калужской улице сего участка, в 9^{1/2} часов утра прекратили работы и без всяких инцидентов вышли с завода. Поводом к прекращению работ послужила кончина графа Льва Николаевича Толстого; между рабочими по подписке производится сбор на венок покойному, инициатором сбора был служащий в токарной мастерской, сын коллежского регистратора Василий Петрович Тихомиров 27 л., живущий в д. № 18 Павлова по Б. Калужской улице 2-го участка Якиманской части; в агитации принимали участие рабочие, поименованные в прилагаемом при сем списке ¹⁰⁷. Порядок нарушен не был.

Пристав Г а н з е н

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 2290, л. 1.

38

ИЗ ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ к Д. И. БЕЗБОРОДОВУ
(В СТАНИЦУ ВОЗНЕСЕНСКУЮ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Москва. 10 ноября 1910 г.

Вчерашняя наша демонстрация, когда мы хотели отправиться к дому, в котором жил Толстой, не удалась ¹⁰⁸. Благодаря стараниям полиции мы все были загнаны в участок, где нас переписали. Из Москвы были организованы несколько поездок, но успели пропустить только три поезда, а остальные администрация не разрешила пропускать. Обстановка самая гнетущая. Реакция слишком сильно бьет по нервам. На душе тоскливо уже не от своих скорбей, а от общественных порядков, все вокруг возмущает, и еще труднее и еще печальнее оттого, что нет возможности протестовать, — кругом напирают, кругом попирают, — вот проклятое время. Не жизнь, а прозябание. Да и не знаю, на кого не действует печально эта тяжесть полицейского гнета. Смерть Толстого еще раз дала почувствовать, в каком режиме теперь наша жизнь.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 462, л. 90. Перлюстрационная выписка.

АГЕНТУРНАЯ ЗАПИСКА О СХОДКЕ СТУДЕНТОВ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 12 НОЯБРЯ 1910 г.

13 ноября 1910 г

В 4 часа дня 11 ноября 1910 г. в убогой Московской университетской, помещающейся во втором этаже нового здания, состоялось совещание исполнительной комиссии. Было решено созвать Совет студенческих представителей¹⁰⁹ для обсуждения программы действий по поводу чествования памяти Толстого и о возможности проведения в жизнь вопроса об отмене смертной казни. Большинство собравшихся высказалось за устройство легальной сходки и за организацию общестуденческой демонстрации всеми московскими высшими учебными заведениями, а если окажется возможным, то желательно с участием местных рабочих организаций.

12 ноября, около 12¹/₂ часов дня, находившимися в университете студентами были взломаны двери в аудиторию № 1 юридического корпуса, куда вслед затем проникло до 1000 человек, устроивших там сходку без избрания председателя.

Первым на трибуну возшел студент Гзовский, объявив от имени исполнительной комиссии¹¹⁰ об открытии сходки, заявив, что исполнительная комиссия, руководствуясь печальным примером вчерашней неудавшейся демонстрации¹¹¹ и имея в виду малочисленность настоящего собрания, предлагает сходке разойтись; что исполнительная комиссия сегодня же вступит в переговоры с ректором о разрешении на 13 ноября общестуденческой сходки, добавив к этому: «В случае получения неблагоприятного ответа от ректора исполнительная комиссия предлагает устроить во что бы то ни стало завтра, 13 ноября, явочным порядком сходку для решения и разработки вопроса о политической демонстрации против «смертной казни и административного произвола», закончив, что к устройству этой демонстрации студентов призывает «исполнительная комиссия». Речь Гзовского была принята сходкой крайне несочувственно, среди различных возгласов были слышны слова: «Долой комиссию». Вслед за Гзовским выступил неизвестный студент, представитель социал-демократической фракции, в речи своей присоединившийся к мнению Гзовского. Следующий оратор — представитель социал-революционной фракции, кажется студент Заглубский, заявил, что фракция приложит все усилия для осуществления демонстрации, приглашая в то же время всех присутствующих товарищей откликнуться на ее призыв.

В дальнейшем, в речи социал-демократов (студента Оболенского), кроме призыва, подобного предыдущему, оратор от имени социал-демократической фракции произнес торжественную речь.

После Оболенского получил слово неизвестный по фамилии делегат от Петербургского университета, сказавший приблизительно так: «Петербургское студенчество, выступившее вчера, хотя и неудачно¹¹², показало, что оно не считается с кадетствующими левыми депутатами, бессильными что-нибудь сделать в эту революционную эпоху, однако оно решило всеми силами бороться с явным реакционным настроением страны. К вам обращаюсь, московское студенчество, как к старшим руководителям политической жизни: поддержите нас организованным выступлением». Приметы делегата: лет 23, среднего роста, белокурый, бледное с крупными чертами лицо, без усов и бороды; одет в рубашку цвета верблюжьей шерсти с отложным воротником, широкий черный галстук.

Затем сходка потребовала, чтобы выступил некий студент «Валентин», который, присоединившись к мнению представителя социал-революционной фракции, в горячей речи упрекнул исполнительную комиссию в бездействии и предложил сходке поручить фракциям немедленно избрать

комитет и возложить на него руководство всеми предстоящими студенческими выступлениями. Напомнив затем московскому студенчеству, что оно всегда шло впереди всех высших учебных заведений по своим начинаниям, оратор призывал и на этот раз показать пример и тем доказать, что стремление к свободе и борьбе с существующим строем в московском студенчестве не умерло. В заключении своей речи «Валентин» обратился с просьбой войти в сношения с рабочими и гражданами московскими для устройства совместных демонстративных выступлений, причем на 13 и 14 ноября указал как на дни, возможные для осуществления таковых.

Относительно устройства в университете сходки 13 ноября «Валентин» заявил: «Если ректором аудитория не будет дана, то ее надо взять». Этой речью общестуденческая сходка закончилась. По окончании ее в коридоре математического факультета состоялось фракционное собрание социалистов-революционеров, в котором приняли участие до 15 человек (в том числе «Валентин»), студенты Переверзев, Мерхолов и Белостоцкий, причем было решено: 1) обратиться к местным рабочим организациям с просьбой поддержать демонстрацию и 2) предложить 13 ноября на утверждение сходки избранный фракциями комитет для руководства всеми студенческими выступлениями. Между прочим, имеется указание о намерении учащихся всех московских высших учебных заведений собраться 14 ноября на Лубянской и Театральной площадях, откуда и устроить демонстративное шествие по направлению к императорскому Московскому техническому училищу.

Кроме того, говорилось, что возможным днем для осуществления предполагаемой демонстрации может быть или девятый день со дня кончины гр. Л. Н. Толстого или же она последует ввиду отмеченного за последние дни крайне повышенного настроения учащихся непосредственно за общестуденческой сходкой 13 <ноября>...

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 46, лит. Б, лл. 71—72.

40

ДОНЕСЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ НАДЗИРАТЕЛЕЙ В МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ О СХОДКЕ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 13 НОЯБРЯ 1910 г.

13 ноября 1910 г.

Сего числа в новом здании Московского университета, в юридических аудиториях, в 12 часов дня состоялась неразрешенная общестуденческая сходка, на которой присутствовали несколько человек студентов С.-Петербургского университета, прибывших делегатами от Петербурга.

Резолюцией сходки постановлено устроить уличную демонстрацию завтра, 14 ноября, в 12 часов дня, местом сбора назначена Страстная площадь, на которую к назначенному часу должны собраться студенты небольшими группами, пригласив с собою сознательных рабочих, откуда открыть демонстративное шествие.

В 2 часа дня сходка окончилась, и все присутствовавшие по распоряжению г. градоначальника частями были выпущены из университета.

Всех присутствующих на сходке было до 3000 человек.

Полицейские надзиратели: <четыре подписи>

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, л. 156.

ПИСЬМО СТУДЕНТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛЬВОВА
К ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И. П. ПОКРОВСКОМУ ¹¹³

Москва. 13 ноября 1910 г.

Письмом в экспертную студенческую комиссию Петербургского университета мы послали копию прилагаемой телеграммы. Очень просим вас также посодействовать в деле ознакомления представителей петербургских учащихся с нашим к ним обращением ¹¹⁴. В нашем университете повторилась история, подобная петербургской. Явочная сходка ¹¹⁵. Приход полиции. Наш протест против вторжения полиции и требование ее удаления. Уступка со стороны полиции, которая очистила университет, взяв со студентов честное слово о непродолжении сходки (каковая, к слову сказать, уже была закончена фактически к моменту прибытия полиции). Настроение трехтысячной сходки — революционное. Правда, заметна усилившаяся умеренная группа. После горячих споров была решена демонстрация на завтра ¹¹⁶. Лично мое мнение — она не удастся. Полиция и жандармерия не допустят к сборному пункту. Она осведомлена лучше самих студентов, ибо газеты вряд ли сообщат завтра о предполагаемой демонстрации.

По уполномочию сходки студент Л.

Приложение: Копия с телеграммы члену Государственной думы Покровскому.

Сходка Московского университета шлет свое сочувствие и одобрение протесту петербургских учащихся.

Л Ь В О В

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 26. Перлюстрационная копия.

РАПОРТ ПРИСТАВА 2-го УЧАСТКА ТВЕРСКОЙ ЧАСТИ
МОСКВЫ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ДЕМОНСТРАЦИИ]
СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

При Тверском полицейском доме 14 сего ноября для содействия полиции на случай выступления демонстрантов был выслан 3-й эскадрон 1-го гусарского Сумского полка под командою ротмистра Висе при поручике Стрельцове и корнете Казакове.

Задача сих воинских чинов состояла в освещении местности — Тверской, Больш. Дмитровки, Петровки и Рождественской улиц путем разъездов. В один из разъездов поручик Стрельцов, возвращаясь из объезда, на Театральной площади наткнулся на толпу демонстрантов численностью, по его словам, до 300 человек, которую удачно рассеял.

Около 3 часов пополудни часть удаленной со Страстной и Театральной площадей толпы, сойдясь на Тверской площади, намеревалась остановиться и начать петь, но тотчас же была рассеяна имевшимися у меня под рукою городовыми участка и частью гусаров, при этом из толпы были задержаны два лица — студенты Московского университета Самуил Лейзеров Вейнберг и Московского инженерного училища Роман Аггеев Шостак, которые находятся в управлении участка до распоряжения охранного отделения.

Все околоточные надзиратели участка с 9¹/₂ часов утра до 6 часов вечера пополудни находились на улице в разных районах участка для освещения местности и на случай подавления могущих начаться беспорядков.

Подполковник П р у т к о в с к и й

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, л. 15 об.

43

РАПОРТ ПРИСТАВА 2-го УЧАСТКА ТВЕРСКОЙ ЧАСТИ
МОСКВЫ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ О ДЕМОНСТРАЦИИ
СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.]

14 ноября 1910 г.

Сего числа, около 2-х часов дня, находясь в Большом императорском театре, нам дано было знать, что на площади, против театра, собирается толпа студентов.

Пристав подполковник Бычковский со мною вышел на площадь, и мы увидели толпу студентов человек в 800, идущих от Охотного ряда, и такую же — из Спасского переулка. За ними непрерывной волной шли еще студенты. Толпа приблизилась к театру, и мною был вызван наряд и приказано было запереть все входы в театр, дабы демонстранты не смогли туда проникнуть, когда их будут рассеивать. Пристав же, вызвав наряд, подошел к толпе и предложил ей разойтись или уйти от театра, чтобы не испугать находящихся там учащихся. В это время над толпой был поднят, по-видимому, агитатор, блондин в серой шляпе, с бородкой, который обратился с такими словами: «Товарищи! Нам не дают собраться, поэтому почтим память Толстого пением и вечною памятью и громко крикнем: „Долой смертную казнь!“ . А потом пойдем на Лубянку». Над толпой появились белый флаг с надписью «Граждане, организуйтесь» и черный: «Долой смертную казнь». Толпа с пением похоронного марша двинулась к Малому театру. Но тут появились конные наряды со стороны Мюр и Мерилиза, гусары и пешие городовые, от Спасского переулка жандармы и Охотного ряда конной полицией, которыми под начальством полковника Модль демонстранты были рассеяны и частью задержаны, причем на мостовой был брошен черный флаг с надписью «Долой смертную казнь». Во время рассеивания толпы упавшей лошадью был спшиблен подполковник Бычковский, получивший ушиб колена левой ноги. В то же время были попытки собраться на Трубной площади, но нарядом под руководством пристава 2-го участка Сущевской части подполковника Семенова были рассеяны и 13 человек задержано.

Рассеянная же масса с Театральной площади начала собираться вновь на Кузнецком мосту и по Неглинному проезду, но конным нарядом была разбита на отдельные группы, оттеснена по прилегающим улицам и рассеяна.

Протоколы и списки лиц представляются. Протокол о задержанных капитаном Александровым, старшим помощником пристава 1-го участка, представлен в охранное отделение непосредственно за № 90.

Зав. уч. Тверской части
за пристава Д у д о р о в

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, лл. 40—41.

ПРОТОКОЛ ПРИСТАВА 1-го УЧАСТКА РОГОЖСКОЙ ЧАСТИ
МОСКВЫ О ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

Пристав 1-го участка Рогожской части капитан Александров составил настоящий протокол о следующем: сего числа около часу дня полицеймейстером 1-го отделения генерал-майором бароном Будбергом мне, приставу, с чинами вверенного мне участка в составе 3 околоточных надзирателей и 20 городских приказано было сначала стать на Старой площади близ Ильинских ворот и, не выходя из Китай-города, наблюдать за Лубянской площадью и потом уже, в пути, приказано идти на Большую Дмитровку для наблюдения за этой улицей. При выходе через Третьяковский проезд на Театральной было замечено группирование учащейся молодежи по всей Театральной площади, гуще по тротуарам прилегающих зданий и около трамвайных станций; в то же время по направлению от этой площади к Лубянской началось сначала групповое движение, а затем и сплошное — с шумом, криками, и, по словам городских, с пением чего-то. Движение это было перехвачено между Рождественкой и Неглинным проездом. Столпившимся учащимся было предложено разойтись, а когда толпа не исполнила моего требования, приступил к рассеянию ее. Часть рассеивающихся направилась вдоль Неглинного проезда, большая же часть перешла к Малому театру и заняла густо весь тротуар его. На требование и здесь разойтись толпа не слушала и, когда стали раздаваться голоса из толпы: «Товарищи, не расходитесь, идем на Лубянскую площадь» и пр., приступил к рассеянию ее. Призывал идти на Лубянскую площадь какой-то молодой человек в студенческой университетской фуражке и казакине. По задержании его толпа в количестве 100—150 человек бросилась на полицию и намеревалась отбить его, но подоспевшим конным разъездом корнета Сумского гусарского полка Алферова была рассеяна. Отсюда было замечено скопление учащихся на Театральной площади, ближе к Большому театру, и среди толпы флаг белый и черный (траурный), но наряд не успел подойти, как флаг был убран, а толпа разбежалась, образовав по всей площади меньшие группы, которые под давлением полиции то расходились, то снова группировались и медленно, не торопясь, переходили с места на место, не покидая площади. Часть одной из этих групп, бывшая около остановки трамвая, была задержана и препровождена в управление 3-го участка Тверской части. В числе задержанных был молодой человек, назвавшийся Минским, который благодаря своему костюму — высокой меховой шапке и партикулярному платью — был замечен в разных местах площади, был и у Малого театра, и на площади, и у трамвайной станции, и вообще во всех тех местах, где среди учащихся раздавались крики: «Товарищи, не расходитесь и не разрывайтесь». Рассеяв, что можно, на площади, наряд направился к гостинице «Метрополь», где тротуар был сплошь занят учащимися. За недостаточностью наряда задержать кого-нибудь не представилось возможным, а лишь толпа была рассеяна. Рассеиваемые расходились кто на Неглинный проезд, кто в Третьяковский, вообще, кто куда хотел. Сборными пунктами для наряда был назначен памятник первопечатнику Ивану Федорову. Отсюда было замечено, что между Неглинным проездом и Рождественкой снова группируется какая-то молодежь и студенты, часть которых и была задержана и доставлена в 3-й Тверской участок. Возвращаясь из участка, на перекрестке Неглинного и Кузнецкого моста наряд был встречен московским градоначальником. По приказанию последнего наряд отправился на помощь наряду полиции, окружавшему толпу учащихся

ся на Кузнецком мосту, и под своей командой доставить ее в городской полицейский дом, что и было исполнено часу в 4-м дня. Задержанный у Малого театра молодой человек в университетской фуражке и казакине был передан городовому 3-го участка Тверской части для отправления в участок.

Капитан А л е к с а н д р о в

ЦГИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, лл. 36—37.

ЗАСЕДАНИЕ СИНОДА 22 ФЕВРАЛЯ 1901 г., НА КОТОРОМ ТОЛСТОЙ БЫЛ ОТЛУЧЕН
ОТ ЦЕРКВИ

Карикатура была снята со стены в Московском техническом училище и доставлена директором училища министру народного просвещения 27 февраля 1901 г.

Центральный исторический архив, Ленинград

ПРОТОКОЛ ПРИСТАВА 3-го УЧАСТКА СУЩЕВСКОЙ ЧАСТИ
МОСКВЫ О ДЕМОНСТРАЦИИ СТУДЕНТОВ 14 НОЯБРЯ 1910 г.

14 ноября 1910 г.

1910 года 14 ноября, помощник пристава 3-го участка Сущевской части Круглик составил сей протокол о следующем: сего числа, находясь в наряде на Театральной площади с городовыми Сущевских участков, я получил около 2—3-х часов пополудни сообщение, что по Кузнецкому мосту идет толпа манифестантов, куда я с нарядом и отправился; дойдя до Кузнецкого моста, действительно, со стороны Рождественки по направлению Неглинной и Петровки шла толпа с черным флагом, на котором

была надпись «Долой смертную казнь». К прибытию моему подоспел взвод жандармов, который промчался в тыл манифестантов; следствием своевременного прибытия наряда на Кузнецком мосту было задержано человек 70—80, которые первоначально были задержаны, а потом по распоряжению полковника Модль, под командою капитана Петрова отправлены в городской участок.

Пом. пристава К р у г л и к

К сему протоколу присовокупляю, что задержанные во дворе дома Михайлова все время кричали: «Долой смертную казнь».

К р у г л и к

ЦИАМ, ф. Моск. охран. отд-ния, 1910 г., д. 1700, л. 43—43 об.

46

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «МАРИЯ» к Т. ЛИНКО
(В ВОРОНЕЖ)

Москва. 14 ноября 1910 г.¹¹⁷

...Только одно остается нам теперь: всегда помнить о Толстом как о человеке слова и дела, брать его в пример и постараться провести вообще в жизнь его идеи. Уже кажется нет ничего позорнее смертной казни у нас. И вот всеми мерами необходимо бороться с этим. Конечно, по учению Льва Николаевича, не нужно насилия, но... разве у нас права «давались» когда-нибудь, разве у нас с голосом массы считались? — Никогда. У нас все права, все законы, все разрешения не «даются», а «берутся» — берутся борьбой, иногда очень упорною и тяжелою. Вот тот же вопрос об отмене смертной казни внесен в Государственную думу еще в 1908 г. и вдруг сегодня снят с очереди — ну не ужасно ли это?! Два года держать законопроект под сукном, давать хотя маленькую надежду массе «авось да пройдет» и вдруг теперь, когда проведение его особенно желательно, — так зло посмеяться¹¹⁸. Если не пройдет демонстрация, то возможна забастовка во всех университетах и курсах; во всяком случае решено вести борьбу, пока будут силы, решено заставить возбудить вопрос об отмене казни в Думе, — а чем кончится — вопрос. Возможно, в худшем случае, — закрытие стен высшей школы.

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 58. Перлюстрационная выписка.

47

ИЗ ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ к А. В. ЧЕСТНЕКОВОЙ
(В НАГОРНОЕ КОЛОГРИВСКОГО У. КОСТРОМСКОЙ ГУБ.)

Москва. <13—15 ноября 1910 г.>¹¹⁹

Дорогие товарищи Шура и Лида! Пишу вам накануне важного шага, на который решила часть молодежи высших учебных заведений, накануне демонстрации. Эти тяжелые великие дни перевернули всю нашу общественную жизнь. Все чувства, все мысли сконцентрированы только на одной точке: на необходимости так или иначе реагировать на окружающую мертвенность, пробудить общество, вытребовать же себе, наконец, те условия жизни, без которых всякий из нас задыхается. Поводом к такому возбужденному состоянию послужила смерть Толстого. До сих пор мы не вполне еще понимаем, что теряем мы с ним. Впереди темнота только сгущается, жизнь лишена теперь своего маяка. Не хочется, чтобы жизнь снова вошла в свои обычные тесные, постные рамки. Во имя умершего

проповедника-борца, во имя его святого вопля — «не могу молчать!». Но жизнь не должна продолжаться такой, какой она была до сих пор. По газетам вы знаете, как волнуется теперь учащаяся молодежь. Я как очевидец подтверждаю это, но добавляю: как всегда и всюду волнуются только наиболее чуткие, отзывчивые. Большая же масса относится индифферентно, так что единодушного выступления вряд ли можно ожидать... Демонстрация не удалась¹²⁰. Неорганизованность ужасная. Это простиительно учащимся в средних учебных заведениях, но ни в каком случае людям с совсем уже определившимися взглядами и стремлениями. Кажется, есть пострадавшие. Нагайка была пущена в ход. А в Петербурге-то что делается? Московская демонстрация выступила с целью оказать сочувствие петербуржцам. Эта цель была главная. На существенные же результаты — на отмену смертной казни, которая собственно была видимым лозунгом и той и другой манифестации, — конечно, никто не надеялся. Нужно было выразить свое отношение к вопиющему ужасу «российской действительности». Но все вышло чисто по-русски. Халатность, неорганизованность ужасная. Товарищи, читайте как можно больше газет. В настоящее время в России замечается некоторый подъем. Эти выступления показывают, что общество не спит, что оно рвется скинуть с себя тяжелые цепи. Как у вас в деревне относятся к смерти Толстого? Ведь многим не ясно. Конечно, там не может быть того отношения, какое здесь, но и там у сознательных не будет равнодушия. Прочитайте то, что нужно в этом письме, Жуленникову. Как относятся учительницы? Но письма не теряйте. Вообще будьте осторожны. Адреса уничтожьте. Передайте это Ж<уленников>у. Так будет лучше. Сблизились ли как следует с крестьянами Шура? А у Крутовских как дела? Расскажите им о всеобщем признании в память <о> Толстом необходимости отмены смертной казни. Все высшие учебные заведения единогласно подписались под этой резолюцией¹²¹. Многие рабочие также. Разъясните им, вообще нужно обратить внимание всего русского народа на эту червоточину. Работайте, товарищи! Желаю вам успеха.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 59. Перлюстрационная выписка.

ПИСЬМО С ПОДПИСЬЮ «СЕРГЕЙ» К В. ДРЕНТЕЛЬН (В МЮНХЕН)

Москва. 17 ноября 1910 г.

Был и я на последней сходке в университете. Товарищи очень волновались, речи носили страстный характер. И в самом деле: глубоко возмущительно, что задержаны товарищи совершенно случайно — только потому, что их загнали во двор, откуда не было выхода. И притом жестокое и ненужное наказание: арест на 3 месяца или штраф в 500 руб.! А некоторых, кажется, совсем высылают из Москвы¹²². И это за такую несерьезную и неорганизованную демонстрацию! Мне понятен гнев и раздражение товарищей. Но все-таки, мне кажется, как бы это ни было трудно, а нужно стараться сдерживать свои страсти. Велика сила правды, и, если мы в нее верим, мы должны быть уверены в ее победе. Не страстный гнев и насилие приведут к ее победе, а сила нравственного возмущения злом. Чувствуешь ли ты, какое великое значение имело правдивое слово Толстого «Не могу молчать!»? А ведь там нет страстного гнева, нет жажды мести. Там есть нечто гораздо большее, нечто такое, что до такой степени прекрасно, что перед ним нельзя не преклониться. Я чувствую, как трудно бывает сдерживать свой гнев; когда видишь вокруг царство зла, как сладка и захватывающая бывает месть за других, оскорбленных и униженных, но все-таки

она зло не убивает, а умножает его. На насилие отвечают новым насилием — и так без конца, до кошмара кровавого, до безумия. И если настоящие волнения не случайность, а предвещают собой новый подъем общественного движения, я бы от всей души хотел, чтобы с нашей стороны поменьше было бы насилия (оно неизбежно) и побольше силы нравственного возмущения! Определить сейчас, можно ли в будущем ожидать чего-либо серьезного, — трудно. Мне кажется, что тот товарищ, который на сходке говорил, что возвращается настроение 1904 г., сильно заблуждался. Не только кажется, но и действительно так: такого настроения нет. Однако, несомненно, что апатия проходит, и интерес к общественной жизни возрождается. Ведь это очень хорошо. Но как же, должно быть, хочется тебе теперь прилететь в Россию! Пошел бы я ко всем твоим мучителям, да крикнул бы им в лицо: «За что вы мучите мою дорогую девушку, за что оторвали ее от всего родного и милого?! Дайте ей свободу, злые, недобрые люди!!».

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 9. Перлюстрационная копия.

49

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «ТОВАРИЩ АЛЕКСЕЙ» к И. П. СКАЗКЕ
(НА СТАНЦИЮ СНОВСК ЛИБАВО-РОМЕНСКОЙ Ж. Д.)

Москва. 19 ноября 1910 г.

Я рад, что в том селе, где ты будешь работать, будет фельдшер-интеллигент, цель которого заключается не только в оказании медицинской помощи страдающему брату, но и в борьбе с той темнотою, с тем невежеством, которое за последнее время особенно усиленно насаждается нашей «властью» — правительством, ведущим себя до того вызывающе, что до сих пор спавший, прибитый реакцией интеллигент очнулся от сна и громко, публично начал выражать свой протест. Интеллигентная часть России давно уже начала расправлять свои крылья, эта часть России, сознавая всю серьезность положения вещей, опять начала строить ряды к бою, как в 1905—1907 гг., к великому, святому бою за правду, свободу и законность. Но рок беспощадно сломал одного крупного вождя — С. А. Муромцева; интеллигенция, сознавая всю тяжесть незаменимой утраты, еще дружнее, еще плотнее сомкнулась в ряды славных бойцов за идею! Сомкнулась вокруг славного, неocenимого и последнего великого вождя мысли — Л. Н. Толстого, но... судьба, как бы издеваясь над нами, уносит и последнюю надежду из наших рядов... И вот в такие-то тяжелые дни, когда горе потери усиливается горем общественной неразберихи российской действительности, действительности нагаек и смертных казней, когда правительство, не имея в руках никаких культурных мер для борьбы с лучшими людьми, практикует отнятие жизни у последних, этого драгоценного дара божьего, права на которое никто не имеет, в такие-то дни интеллигенция и начинает собираться с силами; начинает возвышать свой голос протеста. Впереди всех протестантов, как и следовало ожидать, пошла учащаяся молодежь, но ей заткнули рот саблей, нагайкой и арестом, — глупцы, они думают этим заткнуть наши голоса боли и протеста — никогда! Эти меры, меры полицейской борьбы с протестами, не только не усмирят нас, но еще более подольют масла в пылающий костер гнева и возмущения. Знай, что эти дни, после смерти Толстого, — исторические, с этого времени всколыхнувшаяся великой утратой интеллигенция (в том числе и народ) опять начнет борьбу... Хоть и нет вождей, но знай, война порождает героев! Не падай духом, друг, работай в среде обездоленного и тем-

ного народа, будь другом ему! Знай, что правда — выше всего, а борьба за нее — достойнее всего. Главное — не спи!

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 27. Перлюстрационная выписка.

50

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «С.» к Е. СОНИНОЙ (В ХАРЬКОВ)

Москва. 20 ноября 1910 г.

Не нужно было так волноваться, к явлениям русской жизни должна привыкнуть, но это не значит, что ты не должна при возможности громко протестовать, не только протестовать, но бороться и в необходимое время выйти на улицу на гражданский бой. Настанет момент, когда пролетарский клич вызовет на бой все революционные элементы. Другого выхода не предвидится в русской жизни. То, что было объявлено несколько десятков лет тому назад, остается в силе, т. е. что русская революция осуществится только как рабочее выступление. Это было заявлено русскими марксистами. При этом только можно добиться демократической республики. Только широкая волна пролетарских слоев сметет твердыни самодержавного строя. Таковы очередные задачи революционной массы общества, в частности революционной части студенчества. Улица — вот где разрешится вопрос: «быть или не быть самодержавию».

Наше недавнее выступление имело чисто демонстративный характер — протест против смертной казни, для чего поводом послужила смерть Толстого, и это заставило чуткую революционную молодежь устроить демонстрацию чисто политического характера. «Долой смертную казнь» — вот лозунг наших демонстраций! Корни демонстраций лежат в недовольстве русской политикой, это и побудило нас на такой шаг при общей подавленности. Противников демонстраций было немало среди учащейся молодежи, даже среди нашего лагеря марксистов были противники. Безрезультатно студенческое выступление, когда рабочая масса молчит. Безумно оно при настоящем моменте, — так говорили нам. Ответ был такой. Своим выступлением мы не думали достичь каких-либо осязательных результатов. В студенчестве создалось определенное политическое настроение, и мы должны были придать планомерную форму. Мы знали, что будут жертвы, но это нас не остановило. Пользуясь некоторой свободой в стенах университета, мы откликнулись, находясь в более сносных условиях. Смешно же было заявить, что рабочие не присоединяются. Рабочие обессилены здорово, подавлены сильно. Трудно было им решиться, когда нет в настоящее время в Москве руководящего центра и полная дезорганизация¹²³.

Несмотря на обилие войск, демонстрация удалась, в трех местах публике удалось выкинуть флаги.

На этой неделе вновь были явочные сходки (без разрешения ректора), на которых решили объявить забастовку; на сколько дней — этот вопрос решится на одном из заседаний Информационного бюро из представителей всех учебных заведений.

ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, л. 58. Перлюстрационная выписка.

51

ИЗ ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «Н. К.» к А. Я. ЗОЛОТУХИНОЙ
(В БУЙНСК СИМБИРСКОЙ ГУБ.)

Москва. 21 ноября 1910 г.

Я еще ничего не писала тебе о наших событиях. Смерть Толстого — крупное событие. Дня три после похорон прошли дружно, сходки прохо-

дили без споров, сделан ряд хороших постановлений. Например, собранные на венок деньги направили в Астаповскую школу и в пользу людей, пострадавших за идеи Толстого; постановили учредить общество борьбы со смертной казнью, пока не обсуждая средств борьбы. А теперь вынесли резолюцию протеста и с подписями всех сочувствующих борьбе отправили в Государственную думу. Потом пришли из Питера известия о демонстрации, и у нас возникла мысль устроить тоже, несмотря на явную бессмысленность демонстрации при теперешних условиях. На первой же сходке¹²⁴ по этому поводу начались страшные разногласия. Главными поборниками демонстрации были эсерки; они так вертели всей публикой, что прямо возмутительно. Они произносили громкие фразы: «Мы должны бросить лозунг борьбы в народные массы!» и увлекали за собой многих. Для меня все время ясна была бессмысленность демонстрации, тем более, что единения, стихийности ничуть не было. Я видела, что никакого лозунга мы не бросим, а только будем жалки своей малочисленностью и робостью. Я голосовала против и не была на демонстрации, конечно, не из страха, а потому, что не считала нужным шутить такой вещью, как борьба со смертной казнью. Как и следовало ожидать, демонстрация вышла мизерная¹²⁵. После первой атаки все разбежались; хорошо, что жертв больших не было: придавили только лошадью студента, да арестовали несколько десятков демонстрантов. Конечно, эти аресты очень мало значат, но нашим эсеркам надо было раздуть историю и во что бы то ни стало нарушить занятия. Я была на всех лекциях, потому что сочла нелепым не заниматься, пока не пришли еще ни к какому решению. На другой день опять была сходка¹²⁶; одни предлагали забастовку временную, до освобождения арестованных, а другие — до отмены смертной казни. Я прекрасно понимаю значение забастовки, когда она является последней каплей, переполняющей чашу; после нее должна наступить всеобщая борьба со смертной казнью; при этом забастовка должна быть дружной, стихийной. У нас же ни того, ни другого не было. Все только сыпали фразы, фразы и фразы. Не было ни одного сколько-нибудь выполнимого предположения. Меня сначала занимали все эти происшествия, но потом все это стало казаться детской игрой для взрослых. Ведь директор говорит, хотя уверен, что никого не убедит, полиция приходит, зная, что никого не испугает, а мы галдим, чтобы только дождаться полиции. Теперь, наконец, все опять вошло в норму; на сходке решили приступить к занятиям, приняв резолюцию социал-демократов, приблизительно такую: «Признавая смертную казнь огромным злом, с которым необходимо бороться, мы считаем выступление одного студенчества без поддержки народных масс несвоевременным и приступаем к занятиям». Ты не можешь себе представить мою радость, когда я опять могла приняться за работу.

ЦИГАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 464, лл. 35а—35б. Перлюстрационная выписка.

ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
П. Г. КУРЛОВА МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
Л. А. КАСО

Петербург. 30 ноября 1910 г.

Милостивый государь, Лев Аристович!

По полученным в Министерстве внутренних дел сведениям, смерть графа Льва Толстого вызвала сильное брожение в среде московской учащейся молодежи. 8 ноября в 11 часов дня в университете состоялась сходка около 8000 студентов, начавшаяся с предложения почтить память

покойного писателя вставанием, после чего пропета «Вечная память». В последовавших затем речах ораторами отмечалось значение графа Толстого как великого мыслителя, первым заговорившего против смертной казни, и предлагалось студентам слиться с народом, всеми возможными средствами пропагандировать учение графа Толстого, выразить протест против смертной казни, отправиться всем на похороны в Ясную Поляну, прекратив и на следующий день чтение лекций, и т. п.

Все вышеуказанные предложения исходили от «Исполнительной комиссии» и «Совета старост» студентов-медиков младшего курса и «Совета старост» студентов-клиницистов. В нижнем этаже происходила в это время запись студентов, собиравшихся ехать в Ясную Поляну. Всех записавшихся в университете было не менее 1500 человек, в действительности же поехало в Ясную Поляну не более 800 студентов университета и из других московских высших учебных заведений до 2000 человек вместе с особо избранными от каждого заведения делегациями, причем во время пути произносились речи и собирались подписи к протесту против смертной казни.

9 ноября занятий в московских высших учебных заведениях не производилось. С 10 часов утра к зданию университета стали стекаться одиночке студенты и курсистки. Сформировавшись в толпу, они двинулись с пением «Вечной памяти» к дому графа Толстого в Хамовниках, но в самом начале были остановлены полицией, задержавшей 73 человека наиболее упорствовавших в неповиновении требованиям полиции, которые по удостоверении личностей в полицейском участке были отпущены. Такие же попытки устроить демонстративные шествия были повторены затем на Девичьем поле и в Хамовниках, но по требованию полиции собрания немедленно расходились.

10 ноября в университете происходила сходка студентов-медиков, постановившая выступить с протестом против смертной казни и собрать подписи к протесту для отсылки таковых в Государственную думу, после чего ими тут же было подписано обещание не присутствовать впредь в качестве врачей при исполнении смертных приговоров. На происходившей одновременно частной сходке 200 студентов после пения «Вечной памяти» решено было идти в Хамовники, но по выходе из университета демонстранты сейчас же были разогнаны полицией.

На Высших женских курсах также состоялась при участии 2000 слушательниц сходка, на которой после пения «Вечной памяти» были прочитаны избранные места из статьи графа Толстого «Не могу молчать!», а затем присутствовавшими высказывался протест против смертной казни и репрессивных действий полиции, предлагалось устроить совместное с другими учащимися демонстративное шествие в Хамовники и в заключение пропеть революционный похоронный марш.

11 ноября в новом здании университета толпа студентов около 1500 человек, взломав дверь аудитории № 1, открыла в ней неразрешенную начальством сходку, на коей предлагалось устроить общую с другими учащимися демонстрацию у дома графа Толстого и выразить протест против смертной казни, после чего были пропеты революционный похоронный марш и «Вечная память». Затем во дворе университета образовалась толпа студентов, направившаяся, несмотря на уговоры полиции, с портретами графа Толстого и с пением «Вечной памяти» в Хамовники. В 4 часа дня в уборной нового здания университета состоялось совещание «Исполнительной комиссии», решившей созвать совет студенческих представителей для обсуждения программы дальнейших действий, причем большинство высказалось за устройство легальной сходки и за организацию общественной демонстрации с участием рабочих.

12 ноября около 12 $\frac{1}{2}$ часов дня толпой студентов в 1000 человек вновь была взломана дверь аудитории № 1 и в ней устроена сходка, на которой представители крайних революционных фракций призывали слушателей к устройству по соглашению с рабочими и гражданами демонстрации, причем на случай, если бы ректор университета отказал в разрешении на следующий день сходки, то предлагалось устроить таковую явочным порядком в занятой силой аудитории. Присутствовавший на этой сходке представитель С.-Петербургского университета с своей стороны просил московское студенчество поддержать с.-петербургских товарищей организованным выступлением¹²⁷.

Вечером в Сельскохозяйственном институте происходило собрание «Информационного бюро представителей московских высших учебных заведений»¹²⁸, на котором выяснилось, что некоторые из этих заведений и в том числе Высшие женские и Педагогические курсы готовы поддержать университет в устройстве демонстрации, для чего соберутся на следующий день на сходке в своих учебных помещениях.

13 ноября ввиду отказа ректора университета в разрешении открыть сходку толпа студентов в 2000 человек снова выломала дверь аудитории № 1 и устроила явочным порядком сходку, на коей была объявлена резолюция «Информационного бюро» об устройстве 14 ноября в час дня в районе между Страстной площадью и Петровскими воротами демонстрации учащихся всех московских высших учебных заведений, с предложением участвовать в ней всем классам общества, сочувствующим идеям объединения граждан и протеста против смертной казни. Подготовка демонстрации и изготовление флагов ввиду отстранения от дел «Исполнительной комиссии» возлагались на «Временный коалиционный совет»¹²⁹ из представителей крайних революционных фракций. Далее на сходке представителями этих фракций были произнесены речи о том, что и до 1905 г. студенчество выступало первоначально одиноко, а затем втягивало в революционную волну и рабочую массу, что граф Толстой «один и в минуту подъема народного духа, и во время реакции говорил против изуверства царской власти», что надо устроить демонстрацию, «не боясь тех угроз, которые шлет царская власть», и что страшна не смерть графа Толстого, а та спячка, в которую погрузилось общество. Затем представитель Польской социалистической партии заявил, что «надо задуть того, кто душит нас, и кто пролил немало польской крови наряду с кровью других угнетенных народностей и классов», а один из присутствовавших студентов, размахивая черным флагом с надписью «Долой смертную казнь», просто призывал всех к участию в назначенной на следующий день демонстрации. Приняв решение об устройстве означенной демонстрации, сходка разошлась при появлении полиции.

Об изложенном имею честь уведомить ваше превосходительство с препровождением списка студентов и слушательниц московских высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, задержанных 14 ноября в разных частях г. Москвы за участие в уличной демонстрации и подвергнутых согласно обязательному постановлению московского градоначальника от 12 ноября 1910 г. аресту при полиции¹³⁰.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем к вам уважении и совершенной преданности.

П. Курлов

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОБ АРЕСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО
БЮРО СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

11 декабря 1910 г.

С начала ноября текущего года и особенно после смерти гр. Л. Н. Толстого среди воспитанников московских высших учебных заведений

Онофрейс № 62-1167 Т. М. Захарова Телеграмма Мотаново Вз Сироткину	
Изд Принята 7 от Принят	№ 187562 № 28071 Воспитан
Рис. Счета Подана 42 17 Служб. отп.	Служб. отп.

Социаль демократическая фракция
Государственной Думы на имя В. Г. Чертова
Правда Россия и всею мнуду
Анархическая пролетариат
Скорбим об утрате величайшего
философа и гуманиста
непоколебимого борца за справедлив
ность человеческого мира
на и правды и справедливост
ного свой голос против
симпатичной партии Гр. Толстого

Социаль демократическая
фракция

ТЕЛЕГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НА ИМЯ В. Г. ЧЕРТОВА ПО ПОВОДУ
СМЕРТИ ТОЛСТОГО, 7 НОЯБРЯ 1910 г.

Архив Толстого, Москва

начались волнения, которыми решили воспользоваться революционные эле-
менты студентства для устройства противоправительственных выступ-
лений, и с целью объединения этих выступлений — представителей сту-
дентских революционных организаций всех высших учебных заведений
г. Москвы, — было образовано так называемое Информационное бюро,

поставившее себе задачей сначала устройство противоправительственной демонстрации 14 ноября, а затем, когда таковая не удалась, — явочных сходок, на которых выносились резолюции, выражавшие протест правительству за его провокаторскую деятельность и репрессии, принимаемые им против участников студенческого движения...

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 46, лит. А, л. 95.

К И Е В

Как только в Киеве были получены известия о болезни и затем о смерти Толстого, полиция приняла энергичные меры к предупреждению студенческих и рабочих демонстраций. В эти дни на улицах города появились казачьи разъезды, в университет были введены полиция и войска, газетам запрещалось печатать объявления о гражданских панихидах по Толстому, антрепренерам — отменять в знак траура спектакли в театрах.

8 ноября 1910 г. в Киевском университете студенты решили провести сходку. Однако она не состоялась. Здание университета было закрыто. Тогда студенты устроили перед университетом гражданскую панихиду. 9 ноября 1910 г. состоялась студенческая демонстрация.

Публикуемые документы — письма участников демонстрации, агентурные донесения о намечавшихся совместных выступлениях рабочих и студентов, о распространении листовки Киевской организации РСДРП по поводу смерти Толстого, о сходках студентов — дают достаточно полное представление о «толстовских днях» в Киеве.

54

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ КИЕВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЗА НОЯБРЬ 1910 г. ОБ ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ К БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ТОЛСТОГО

5 ноября 1910 г.

Злобой дня служит теперь болезнь Толстого. Население говорит разное о Толстом, одни за него, другие против него, но большинство за него. Говорят, что Толстого будут хоронить, как каждого православного христианина во избежание скандала, который может разразиться на всю Россию, невзирая на то, что Толстой отвержен от церкви, но он уже показал, что он раскаялся перед смертью, и был у своей сестры в монастыре, этим он дал понять, что он верующий, как и все, а быть может еще и больше.

Смерть Толстого будет трауром не только для России, но и для всего света, так как Толстого знает весь свет. Вообще интересуются все знать, как отнесется правительство и духовенство к смерти Толстого, и какие будут распоряжения, в общем возбуждение сильно напряженное. Один из служащих на товарной станции Киев-1, Колотовский — конторщик, сказал, что в дни смерти Толстого должно все замереть, т. е. прекратятся занятия во всех учебных заведениях, даже и на железных дорогах, русские граждане должны и знают, как почтить своего великого учителя и защитника угнетенных, и что, если правительство примет меры, то этим оно хуже сделает для себя, ибо глухой ропот и негодование уже давно раздаются среди рабочих масс и ждут лишь толчка для того, чтобы все это вырвалось наружу.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 32, лит. Б, лл. 243 об.—244 об.

55

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ ДОНЕСЕНИЙ В КИЕВСКОЕ ОХРАННОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ ЗА НОЯБРЬ 1910 г. О СОЗДАНИИ В КИЕВЕ
КОАЛИЦИОННОГО СОВЕТА ДЛЯ ЧЕСТВОВАНИЯ ПАМЯТИ ТОЛСТОГО

9 ноября 1910 г.

В Киеве образовался Коалиционный совет для выработки и руководства чествованием памяти Толстого из представителей всех организаций как учащихся, так и общих, социалистических и общественных, редакций газет, просветительных обществ и т. п. Вчера было заседание этого совета в частной квартире, сегодня тоже такое же собрание было где-то в городе. Решено во что бы то ни стало произвести манифестацию и собрать митинг с участием рабочих. Из членов «Коалиционного совета», участвующих в упомянутых заседаниях, известны: от Политехнического института студент политехник Бенецкий, от польских социалистов (ППС) Владислав Чижевский, от украинцев композитор Лысенко¹³¹, от литераторов Чаговец¹³² и Левинский¹³³, пишущий под псевдонимом Горальд.

ЦИГАМ, ф. ДП, _ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, л. 101 об.

56

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ ДОНЕСЕНИЙ В КИЕВСКОЕ ОХРАННОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ О СТУДЕНЧЕСКИХ СХОДКАХ В КИЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

11 ноября 1910 г.

Приподнятое настроение киевского студенчества можно считать в настоящее время окончательно улегшимся. Во всяком случае, никаких выступлений, в особенности вне университета, ожидать не приходится.

Все попытки созвать митинг с участием народа и рабочих потерпели полнейшее фиаско, с одной стороны, благодаря принятым мерам, не дающим физической возможности собраться где бы то ни было, а с другой стороны, благодаря индифферентному отношению масс. Киевская интеллигентная публика, хотя и сочувственно относилась к чествованию памяти Толстого, но далека была от того, чтобы фактически поддержать студенчество в уличных выступлениях; что же касается рабочих, то их, несмотря на энергичную пропаганду партийных студентов, вовсе не удалось склонить к активным выступлениям, за малыми исключениями, каковые имели место на Южно-русском машиностроительном заводе, где рабочими во дворе завода была пропета «Вечная память»¹³⁴. Дальше таких отдельных выступлений рабочая масса не шла, и митинг, назначенный Коалиционным советом на вторник, 9 ноября, не состоялся, так как рабочие вовсе не явились, и студенчество в означенный день, чувствуя себя одиноким, на какие-нибудь действия не решилось. К тому же в означенный день студенты потерпели неудачу в том, что в Политехническом институте в это время происходила сходка, закончившаяся слишком поздно, около 3 часов, так что пока политехники явились к университету, то уже студенты университета были рассеяны полицией, и, таким образом, не удалось даже собрать более-менее крупную массу самих учащихся, не говоря уже о народном митинге. Вчерашний день еще более разочаровал студентов, так как благодаря плохой погоде публика вовсе отсутствовала, раньше из простого любопытства наполняющая улицы.

Сегодня третий день траура.

В коридоре университета состоялась сходка¹³⁵, и то главным образом для того, чтобы выразить порицание ректору университета Цитовичу за то, что он допустил полицию и войска в университет. И действительно,

при появлении ректора раздавались угрозы и крики по его адресу. Затем сходка постановила чествовать годовщину Толстого ежегодно 7 ноября. Затем, стоя на коленях, была пропета «Вечная память», причем студент Харито протянул по коридору полог с надписью «Вечная память Льву Николаевичу Толстому». Тем и закончилось толстовское движение в университете. Этими днями больше выступлений ожидать нельзя, разве на девятый день будет пение «Вечной памяти» и прекращение занятий на один день. Такое предположение существует между студентами университета, но отнюдь не как категорическое решение, так как неизвестно, каковы будут решения будут в других высших учебных заведениях.

К сему прибавляю, что на сходке решено было послать телеграмму семье Толстого, а также, что студент Харито принес пачку прокламаций социал-демократической рабочей партии¹³⁶, каковые прокламации были в университете разбросаны.

ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, лл. 104 об.— 105 об.

57

ИЗ ПИСЬМА А. Н. ЖОКИНА к П. Н. ЖОКИНУ (В ХАРЬКОВ)

Киев. 11 ноября 1910 г.

Как ты поживаешь? Не влетело ли тебе нагайки? Я не получил ни одной. Объясняю это только случайностью, ибо все время оказывался в самых жарких схватках. Происходило это на Фундуклеевской улице, против театра¹³⁷. Особенно больно били конные городовые благодаря их озверелости и нетрезвости. Казаки же, хотя тоже били и тоже были пьяны, но благодаря легкости их нагайки у них выходило не так больно. Расскажу, как мы ранили одного казака. В одном месте тротуар имеет форму террасы. На верхней площадке находились мы, на второй и на дороге — казаки. Нас туда загнали, причем, конечно, и порядочно придавливали. И вот один казак бесцеремонно вскочил на нашу площадку. Это было как раз около меня. Я уже тоже рассвирепел, и вот я и еще несколько студентов, понатужившись, ухнули его вместе с лошадыю с этой площадки. К счастью, это обошлось благополучно, и казак был только где-то ранен. Везде нас прогоняли и преследовали, но мы не сдавались и пели «Вечную память».

Попали мы на демонстрацию после сходки. Сходки у нас были каждый день три раза. Все разрешенные. На второй сходке послали делегацию в Ясную Поляну и телеграммы семье Льва Николаевича и в Государственную думу. Последнюю с просьбой: «Во имя великого Льва отменить смертную казнь — позор России». На ту же сходку явился к нам весь совет профессоров. Они выразили нам свое сочувствие, учредили фонд имени Толстого для освобождения от платы недостаточных студентов, взялись за издание сочинений Толстого для народа. В общем наша профессура является полной противоположностью университетской, где ректор, при малейшем беспорядке, сейчас же: «я не хозяин и передаю все в руки полиции» (его подлинные слова). У нас же в Политехническом институте полицию не пускали даже в усадьбу института¹³⁸. На демонстрации было арестовано человек 100 студентов и курсисток, но по ходатайству нашего директора все были выпущены в тот же день. Сегодня узнал, что одному студенту придется отрезать руку: ему околоточный пашкой перерезал вены. Сегодня читал, что и у вас были демонстрации.

Твой брат А н т о н

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 463, л. 40. Перлюстрационная выписка.

58

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ КИЕВСКОГО ОХРАННОГО
ОТДЕЛЕНИЯ О СХОДКАХ СТУДЕНТОВ КИЕВСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ПОДГОТОВКЕ ДЕМОНСТРАЦИИ
В ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО В КИЕВЕ

15 ноября 1910 г.

За последние дни в Киевском политехническом институте происходят собрания по поводу увековечения памяти Л. Н. Толстого.

Вчера, т. е. 14 ноября, была внесена резолюция: выразить протест против смертной казни, главным же образом было решено устроить в ближайшем времени демонстрацию, к которой привлечь не только учащихся учебных заведений, но и киевское общество. Словом, готовится одна из громаднейших демонстраций. Предшествовавшие собрания происходили в Политехническом институте при таком громадном числе желавших попасть на них, что ни одна аудитория не могла их вместить.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, л. 102 об.

59

ИЗ СВОДКИ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ КИЕВСКОГО ОХРАННОГО
ОТДЕЛЕНИЯ О ПОДГОТОВКЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В КИЕВЕ
В 40-й ДЕНЬ КОНЧИНЫ ТОЛСТОГО

18 ноября 1910 г.

По состоявшемуся постановлению Коалиционного совета, являющегося объединяющим и руководящим органом студенчества в день чествования памяти Толстого, предложено в целях устройства возможно грандиозной демонстрации рабочих киевских заводов связать 40-й день кончины Толстого с 5-летней годовщиной революционного движения вообще и московского вооруженного восстания в частности.

В этом направлении и ведется ныне членами Коалиционного комитета агитация среди учащейся молодежи и рабочих, причем предполагается выпустить соответствующие моменту прокламации, отпечатав таковые в одной из легальных типографий города Киева, по всей вероятности, в типографии Озерова.

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, лл. 102 об.—103 об.

60

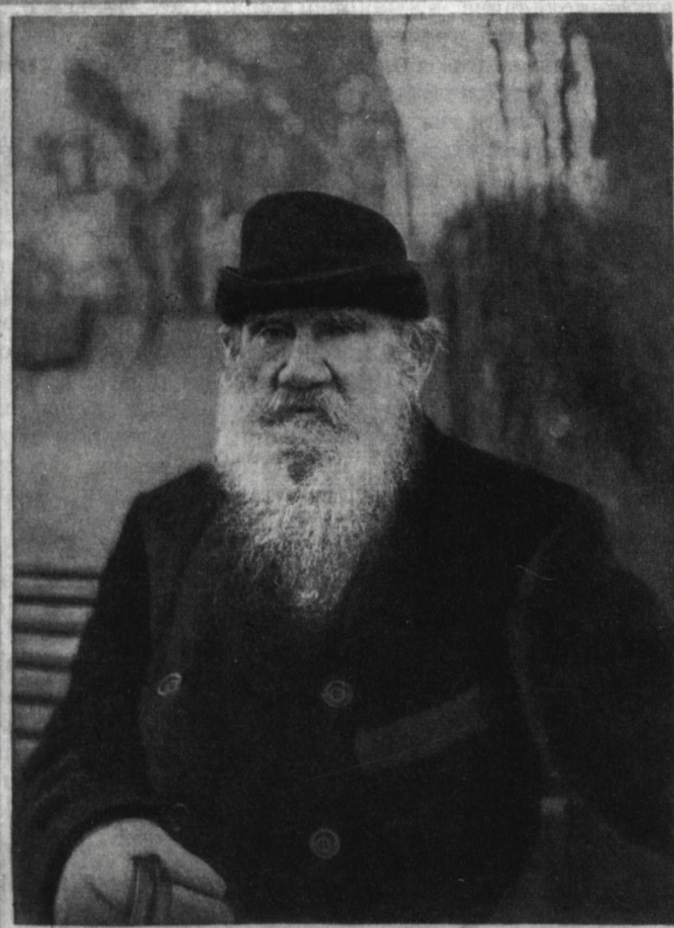
ИЗ ПИСЬМА Я. С. ЭРШЛЕРА к А. С. ЭРШЛЕРУ
(В г. МЕЗЕНЬ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБ.)

Киев. 24 ноября 1910 г.

...Последние дни с величайшим событием нашего времени — смертью Л. Н. Толстого — прошли слишком разнообразно, мне удалось пережить редкие минуты, минуты, которые не скоро сглаживаются, об этом-то я и хотел с тобой поделиться. Может быть, тебе уже известно из газет, а может быть, и нет, что происходило в эти дни в Киеве, а потому я постараюсь по возможности все сообщить. В течение нескольких дней, начиная со дня смерти Льва Николаевича, чувствовалось во всем что-то особенно печально-торжественное. Жизнь как бы выбилась из своей колеи... Особенно интенсивную роль принимало во всем студенчество, и особенно наше студенчество, т. е. студенчество нашего института, благодаря

той свободе, которая чувствуется у нас. В продолжение четырех дней подряд в институте были общестуденческие сходки, на которых лилась свободная политическая речь. В день похорон Льва Николаевича сходка постановила участвовать в общегородской гражданской панихиде, и все студенты направились в центр города, где, соединившись с студенчеством других учебных заведений, устроили форменную демонстрацию с пением «Вечной памяти»¹³⁹. Не обошлось, конечно, без казацких нагаек, и в результате много легко и сильно пострадавших. Была арестована большая группа до 120 человек и под усиленным конвоем отведена в участок, среди арестованных был и я. Всю дорогу арестованные, сопровождаемые громадной толпой, пели «Вечную память». В участке нам объявили, что нас передают в руки военных властей, и мы тут же (во дворе участка) были окружены ротой солдат во главе с офицером. Последний грубо издевался (в словах, конечно) над арестованными, на действия последнего нами подана жалоба нашему директору, и делу будет дан законный ход (большую часть арестованных составляли студенты-политехники). Всех арестованных разместили по всем участкам г. Киева. В 12 ч. ночи все арестованные по распоряжению начальника края были освобождены (по ходатайству нашего директора). Конечно, все были тщательно обысканы и переписаны; у многих в эту ночь были обыски. Так кончились эти дни в Киеве. Но самое интересное, которое запечатлелось и долго будет храниться в памяти, — это пребывание в Ясной Поляне — месте вечного упокоения Льва Николаевича, и особенно в толстовской колонии «Телятинки» — месте постоянного жительства Черткова и теперь Александры Львовны (дочери Льва Николаевича). Отправились мы в Ясную Поляну экскурсией из 67 студентов-политехников и свыше 40 студентов Коммерческого института и несколько курсисток. Не стану останавливаться на описании поездки, как не представляющей особенного интереса, и перейду прямо к описанию того, что происходило при приезде на станцию Засека. Еще издали, не доезжая, на горизонте в предутренней заре стала выделяться Ясная Поляна, и все припало к окнам вагона. Наконец, на станции Козлова-Засека, наскоро напившись чаю и позавтракав, все гурьбой направились пешком к Ясной Поляне, отстоящей от станции на расстоянии 4—4½ верст. Открылась редкая по красоте картина природы; дорога все время вела лесом, косогоры, холмы и холмики комбинированы с удивительной красотой. Почти все время дорога вела в гору. Добравшись до самого высокого пункта, откуда ведет крутой спуск к Ясной Поляне, перед нами вырисовалась деревня и впереди нее усадьба Толстых. Взоры всех с каким-то особенным трепетом были устремлены туда, где столько лет провёл великий старец; казалось, что все это сон, а не действительность. Еще полчаса, и мы у ворот усадьбы. Все собрались и гурьбой направились к могиле. Бесконечный ряд дорожек, и мы у могилы. Все преклонили колени и трижды пропели «Вечную память». Ряд фотографических снимков, снимки синемаатографа, и публика, предварительно взяв веточку с могилы на долгую память о редких минутах, двинулась к дому, где жил Лев Николаевич. Впускали по 15 человек, и многие разбрелись по усадьбе. Кухни, конюшни, сарай... Ничто не прошло мимо. Рассказы дворовых, прислуги. Наконец, я с последней группой вошел в дом. Как-то обидно стало при воспоминании о той «роскоши», про которую гремели в печати. Все поражает удивительной простотой. Даже наружный вид дома ярко говорит о слишком скромной и простой жизни ее обитателей.

Доктор Маковицкий (с которым Лев Николаевич бежал из Ясной Поляны) показал нам библиотеку Льва Николаевича (1-я у самого входа комната) — низенькая, небольшая комнатка, уставленная шкапами, наполненными книжками на разных языках (много еврейских и особенно много английских); затем мы попали на 2-й этаж в общий кабинет, затем

Ивану Алексеевичу
Белоусову.
Лев Толстой.
1909, 18 октября.

ТОЛСТОЙ

Фотография с дарственной надписью: «Ивану Алексеевичу Белоусову. Лев Толстой.
1909, 18 октября»

Литературный музей, Москва

кабинет Льва Николаевича и, наконец, спальню. От всего, как я уже сказал, веет удивительной простотой. Спальня такова, что я при поисках комнаты в Киеве, таковой не нанял бы. Простая «студенческая» кровать, истертый венский стул, пожелтевшее трюмо, простой сундучок и полуразрушенный шкафчик — вот все, что наполняет спальню. Показывал нам все и объяснял секретарь Льва Николаевича — бывший студент, бросивший университет по убеждению, — Булгаков <...> После осмотра дома мы направились в деревню чай пить. К 2 часам все собрались в школе и гурьбой двинулись к Черткову (он живет в $2\frac{1}{2}$ — 3 верстах от Ясной Поляны). Дом Черткова представляет собой толстовскую колонию, и жизнь там на коммунистических началах. Приехавший в этот день И. Горбунов-Посадов, близкий друг Толстого, поделился с нами о многом из жизни Льва Николаевича, коснулся народничества и под конец прочел свое стихотворение, посвященное памяти Льва Николаевича. После Горбунова нам прочли два неизданных и запрещенных произведения Льва Николаевича, а затем Чертков рассказал нам о последнем периоде жизни Льва Николаевича и о последних минутах его жизни. Толстовская колония пропела несколько духовоборских псалмов музыки жены Черткова, затем все пропели трижды «Вечную память» и ввиду позднего времени публича, предварительно поблагодарив за теплый прием, двинулась к станции. Было так тепло на душе, чувствовалось так хорошо в этом своеобразном маленьком мире, что совсем не хотелось уходить, не хотелось возвращаться в грязный «большой» мир с его шумом и мелочами... Был темный морозный вечер. Кругом ни зги, а впереди 9 верст. Большая часть поехала на крестьянских подводах, а меньшая, в числе которых был и я, потянулась пешком. Мы опять в поезде, который несет нас обратно. Бесконечный ряд станций, бедная однообразная северная природа. Город Курск, где мы простояли часов 7, опять станции и мы опять в Киеве. Как-то серо и холодно кругом...

Твой Я ш а

ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. Б, лл. 138—139 об. Перлюстрационная выписка.

61

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЫ СХОДКИ СЛУШАТЕЛЬНИЦ
КИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА
КАУФМАН ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И. В. ЛУЧИЦКОМУ¹⁴⁰

Киев. 29 ноября 1910 г.

Уважаемый г. Лучицкий¹⁴¹

Киевский женский медицинский институт на сходке по увековечению памяти Толстого постановил присоединиться к общему протесту против смертной казни в память Толстого.

Обращаемся к вам как одному из представителей оппозиции. Сообщения это запоздало, ввиду некоторых случайных обстоятельств.

С совершенным почтением председательница сходки Кауфман

ЦИАМ, ф. ДП, оп. 265, 1910 г., д. 465, л. 36. Копия ДП.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Документальные источники, приведенные выше, характеризуют широкий размах демократического движения в России в связи со смертью Толстого (за пределами нашей публикации остались еще материалы о «толстовских днях» в Харькове, Одессе и некоторых других университетских городах).

В последующие годы выступления демократических кругов русского общества, в частности студенческие выступления, в день кончины великого писателя стали традиционными.

В качестве приложения к основной публикации мы печатаем листовки, выпущенные к первой и четвертой годовщинам смерти Толстого, и текст листовки Бюро Северо-Балтийской организации РСДРП, распространявшейся в Юрьевском университете 7 ноября 1916 г.

ЛИСТОВКИ 1911—1916 гг.

62

ЛИСТОВКА «ГРУППЫ СТУДЕНТОВ» ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ПОВОДУ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

7 ноября 1911 г. ¹⁴²

Товарищи!

Исполнился год со дня смерти великого проповедника земли русской — Л. Н. Толстого. Пусть студенчество, пусть молодежь ознаменует этот день своим молчаливым протестом против неискоренимого бытового зла — смертной казни. Пусть студенчество напомнит шайке разбойников о своем глубоком презрении, своем негодовании к ее кровавой системе.

Пусть студенчество хоть сегодня вместе с великим мудрецом скажет: «Не можем молчать! Довольно крови!»

Предлагая почтить память Льва Николаевича однодневной забастовкой, просим товарищей провести этот день без всяких эксцессов.

Г р у п п а с т у д е н т о в

ЦГИАМ, ф. Кодл. нелег. изд., № 24215. Копия ДП.

63

ЛИСТОВКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОГО КРЕСТА»

7 ноября 1914 г.

Товарищи!

Сегодня исполнилась годовщина смерти Льва Толстого.

Всю долгую жизнь страшными ударами огненного слова своего бичевал он все уродства, все несправедливости, все зло и страдание современного общества, и самые сильные и страшные из этих ударов были направлены на отвратительную карательную систему нашей государственности <с> смертной казнью во главе ее. Вспомним же, товарищи, в этот день наших братьев, разбросанных жестокой рукой этой государственности по тюрьмам России и далеким окраинам Сибири, и примем посильное участие в сборе в пользу политических ссыльных и заключенных устроенном сегодня.

Жертвуйте, товарищи!

У н и в е р с и т е т с к а я о р г а н и з а ц и я
К р а с н о г о к р е с т а ¹⁴³

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., л. 123, л. 245. Копия ДП.

ЛИСТОВКА БЮРО СЕВЕРО-БАЛТИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП
С ПРИЗЫВОМ К ЗАБАСТОВКЕ В ГОДОВЩИНУ
СМЕРТИ ТОЛСТОГО — 7 НОЯБРЯ 1916 г.

(Октябрь 1916 г.)¹⁴⁴

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Учащаяся молодежь и война

(К годовщине смерти Толстого)

7 ноября — день годовщины смерти Л. Н. Толстого — учащаяся молодежь знаменует по традиции забастовкой, что в нем не борца, а гонимого самодержавием протестанта против несправедливости социальной жизни, против насилия, против смертной казни, против войны.

В дни грандиозной человеческой бойни, которая совершается на наших глазах, протест против войны необходим. Но на примере этой войны ясно видно, что протест этот должен быть не толстовский, не индивидуальный, не непротивлением злу. Наоборот, мы видим, что правящие классы воюющих стран напрягли все силы, находящиеся в их распоряжении, чтобы собрать многомиллионные массы, одурманить их, бросить друг на друга для взаимного истребления. На наших глазах совершается уже два с четвертью года разрушение производительных сил, и это разрушение ляжет на трудовые массы громадной тяжестью, которая будет ее долго давить после войны. Обнищание и развращение массы и интеллигенции, гонимой военщиной, принижает культурный и моральный уровень. Упразднение по военным обстоятельствам всяких законов и полное царство произвола сатрапов гнетущим прессом лежит на общественной жизни, пресекая всякое свободное проявление мысли, слова и организации.

Против войны «непротивление» недействительно. «Непротиводействие» войне, о котором проповедают патристические оппортунисты и социал-патриоты, это лишь следствие влияния на них воинствующей буржуазии. Содействие войне, «оборончество» — это измена интересам трудящихся масс и содействие врагам народа. Единственный путь борьбы против войны и ее последствий — это борьба с теми, кто поддерживает и разжигает эту войну, единственный протест — это путь активного сопротивления, объединение и организация масс. На этот путь указывает социал-демократия и призывает учащуюся молодежь вступить на него.

Правительство для ведения войны нуждается в бессловесных исполнителях своей воли. Ему нужно пушечное мясо. Армию оно рассматривает как стадо «серой скотины», которая должна своими телами гасить неприятельский ураганный огонь. Чтобы гнать это стадо на бойню, ему нужны погонщики-офицеры, обезличенные, нерассуждающие исполнители приказаний, и вот учащаяся молодежь превращена в кадр для комплектования подобных погонщиков «серой скотинки» — солдат. Интеллигентные силы страны отрываются от науки и почти поголовно сдаются в офицеры для руководства преступной бойней. При их участии уже истреблены и искалечены миллионы русских крестьян и рабочих. Хищение и мародерство в армии, преступное вздувание цен на жизненные припасы в тылу, заразные болезни и антисанитарные условия жизни, — все это обрुшилось на русского солдата, на его семью. Под видом «дисциплины» в воинских частях вводят каторжный режим. Воскресло и расцветает битье солдат, грубое обращение и произвол начальников. Отправление в строй недолененных, прием новобранцев и ратников с болезнями и недостатками, — все показывает на безжалостную тактику правительства по отношению к народу. Во всем этом вы должны принять участие по приказу правительства.

Но принять участие значит принять и ответственность. Вот почему вы должны осмыслить свое участие в войне и сказать либо да, либо нет. Ликовать соучастникам правительства Николая Кровавого и воинствующей буржуазии и работать для них против интересов демократии либо сказать: довольно, мы не хотим быть участниками преступной бойни. Долой войну! Долой самодержавное правительство! В этом лозунге учащаяся молодежь не будет одинокой. Пролетариат русский уже выставил этот лозунг. Пролетариат уже не раз в течение войны демонстрировал свое отрицательное к ней отношение. И также теперь, в этот момент, с 17 октября длится стачка петербургских рабочих, не сломленная ни угрозами, ни военной силой. Рабочие вышли на улицу с возгласами: «Долой войну!», «Да здравствует революция!», и солдаты, направленные против них, поняли, что рабочие — их братья и сотоварищи, и отказались стрелять.

Революция надвигается. Вот уже начинает чувствоваться подземный гул вулкана, и дрожит почва под ногами угнетателей народа. Народ и армия все больше проникаются сознанием, что пора положить предел бессмысленному и преступному братоубийству, пора вмешаться в ход общественной жизни и сбросить с плеч политическое ярмо.

Революция надвигается. Ваш гражданский долг также возвысить свой голос, присоединить его к голосу организованного пролетариата. Призываем вас организовать и подготовиться к активному и революционному действию.

Мы призываем вас сказать 7 ноября в день нашей традиционной забастовки:

Долой войну!

Да здравствует революция!

Долой правительство и да здравствует демократическая республика!

Да здравствует РСДРП!

Исполнительное бюро
Северо-Балтийской организации РСДРП

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 40, лит. Б, л. 4. Гектографированный экз.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Кто входил в петербургскую «группу социал-демократов», установить не удалось.

² Дата устанавливается по содержанию док. № 10. Утром 10 ноября 1910 г. Я. М. Свердлов сообщал в ЦК РСДРП, что «листок печатается» (см. стр. 348).

³ М. Я. Герценштейн — один из лидеров кадетской партии в Государственной думе; убит черносотенцами после разгона I Государственной думы 18 июля 1906 г.

⁴ А. Л. Караваев — член Государственной думы, лидер фракции трудовиков; убит черносотенцами после роспуска II Государственной думы в 1908 г.

⁵ Ф.-Г. Феррер — испанский просветитель и педагог, был арестован во время восстания в Барселоне в 1909 г., осужден военным трибуналом и в том же году расстрелян. Казнь Феррера вызвала волну протеста во многих странах мира.

⁶ Статья Толстого «Не могу молчать!» была написана в 1908 г. в связи с казнью 12 крестьян.

⁷ Общественная демонстрация была назначена на 11 ноября 1910 г. Представители студенчества обращались с просьбой о совместном выступлении в Центральное бюро профессиональных союзов (см. док. № 10).

⁸ Датируется на основании времени распространения листовки в Киевском университете 11 ноября 1910 г. (см. док. № 56).

⁹ Здесь неточно воспроизведено высказывание Толстого, известное со слов его дочери Т. Л. Сухотиной. Проезжая на лошадах по деревне Мценского уезда, Толстой произнес: «В следующий раз я пойду мимо этой деревни пешком с палкой и буду стучаться в дверь каждой избы. Вот тогда-то я и узнаю настоящий русский народ» («Новое время», 1910, от 4 ноября).

¹⁰ Роль С. А. Муромцева в истории первой русской революции сильно преувеличивалась представителями буржуазных и мелкобуржуазных кругов русского

общества. Кадеты чествовали одного из своих лидеров, бывшего председателя I Государственной думы как «национального героя», трудовики — как «политического „воспитателя“ левых партий». Между тем, кадеты и их лидер Муромцев «отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (=кадетское министерство) от имени революции» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 289). Смерть Муромцева вызвала демонстрацию, которая в условиях столыпинской реакции «дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения протеста против самодержавия» (там же, стр. 286—287).

¹¹ См. док. № 4.

¹² 1 ноября 1910 г. В. М. Пуришкевич при обсуждении в Государственной думе вопроса о начальной школе выступил с заявлением о том, что интеллигенция в России не заслуживает, чтобы ей было поручено дело народного образования. «Вся так называемая русская интеллигенция, — говорил он, — есть, простите за выражение, сволочь». Этот инцидент вызвал бурю возмущения среди студенчества и в широких кругах русской интеллигенции («Речь», 1910, от 2 ноября).

¹³ Почетная депутация от французской Высшей инженерной академии присутствовала на столетнем юбилее Института инженеров путей сообщения, отмечавшемся 1 ноября 1910 г. От имени французских депутатов выступил директор французской школы мостов и дорог проф. Клейн, который призывал укреплять связи французских и русских инженеров. Клейн огласил также телеграмму, посланную Институту Обществом французских инженеров. Гости — проф. Клейн, инженеры Пикард и А. Пуанкаре — были удостоены звания почетных членов Института («Речь», 1910, от 2 ноября).

¹⁴ В связи с юбилеем Института инженеров путей сообщения Горный институт преподнес юбилею «громадных размеров кварцевую друзу горного хрусталя» («Новое время», 1910, от 3 ноября).

¹⁵ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, выступив на Высших женских курсах с речью о Толстом, говорил в основном об аскетизме великого писателя; оратор призывал не оскорблять «дух учения» покойного в траурные дни («Речь», 1910, от 9 ноября).

¹⁶ См. док. №№ 4 и 5.

¹⁷ См. док. № 7.

¹⁸ Здесь, очевидно, имеется в виду выступление против чествования памяти Толстого правых депутатов Государственной думы. Известно, что 8 ноября 1910 г. все депутаты Государственной думы, кроме правых, почтили память Толстого вставанием и прервали заседание. Правые депутаты в связи с этим заявили протест: «Принимая во внимание, что Государственная дума не литературное и не научное общество, а государственное установление, мы, нижеподписавшиеся, протестуем против самого внесения предложения перед перерывом занятий почтить память скончавшегося Л. Н. Толстого, ибо: 1) граф Л. Н. Толстой никогда не принадлежал к числу членов Государственной думы; 2) не только не был крупным и полезным политическим деятелем, но и отрицательно относился ко всякой государственности и всем государственным установлениям, не исключая и самой думы; 3) отвергал собственность и выполнение гражданских обязанностей; 4) придерживался крайне разрушительных воззрений, отрицал все устои современной культуры; 5) был отречен от сонма верующих церковью за свои богохульные сочинения, подрывающие в русском народе веру православленную, являющуюся основой русской государственности. Ввиду этих обстоятельств чествование Толстого Государственной думой является совершенно неуместной противогосударственной и противорелигиозной демонстрацией» («Новое время», 1910, № 12451, от 9 ноября).

¹⁹ См. док. № 9.

²⁰ «Андрей» — партийная кличка Я. М. Свердлова; «Махровский» — кличка, данная Свердлову Петербургским охранным отделением.

²¹ Во время обыска и ареста 14 ноября 1910 г. Я. М. Свердлов и К. Т. Новгородцева успели разорвать зашифрованное письмо, которое Петербургскому охранному отделению полностью восстановить не удалось. Возможно, это было письмо ЦК РСДРП, упоминаемое в документе (ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, лл. 225, 227—228; 5 дел-во 1913 г., д. 158, л. 30 об.).

²² Свердлов прибыл осенью 1910 г. в Петербург с широкими полномочиями по организации партийной работы и большевистского органа печати. Очевидно, именно по этим главным вопросам и должны были идти директивы уполномоченному ЦК РСДРП. Во всяком случае, в письме «Дорогим товарищам» от 13 ноября 1910 г. Свердлов основное внимание уделяет именно этим вопросам. В письме, уничтоженном во время обыска у Свердлова (как мы предполагаем, письме ЦК РСДРП), Петербургскому охранному отделению удалось восстановить несколько фамилий, в частности «Турутин и др. Об этих лицах агент охраны также ничего не сообщает (ЦИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, лл. 226—228).

²³ Возможно, что транспорт с листком о Толстом Свердлов не получил. В ответном письме от 13 ноября 1910 г. он сообщал, что получил один только номер «Рабо-

чей газеты», который и был обнаружен у него при обыске 14 ноября 1910 г. (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, л. 226 об.; д. 238, л. 194).

²⁴ См. об этом док. № 1.

²⁵ Социал-демократическая фракция Государственной думы постановила выпустить листовку «с призывом поддержать вносимый фракцией законопроект забастовкой». Эту листовку было поручено напечатать братьям Добрановым. Однако в ночь на 12 ноября 1910 г. Добрановы были арестованы во время работы над листовкой. Решение социал-демократической фракции Государственной думы о выпуске воззвания выполнено не было (ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1910 г., д. 2626, л. 8).

²⁶ Вокруг журнала «Современный мир», выходившего с 1906 г., группировались меньшевики.

²⁷ Меньшевик *Н. И. Иорданский* (Негорев), председательствовавший на собраниях, был редактором журнала «Современный мир». 9 февраля 1911 г. он как сведущее лицо социал-демократической фракции Государственной думы по политическим вопросам, принимавшее участие в подготовке рабочей демонстрации и забастовки в память о Толстом, был арестован (см. док. № 36; ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1911 г., д. 349, л. 75 об.).

²⁸ Меньшевик *Е. Смирнов* (Э. Л. Гуревич) — сведущее лицо социал-демократической фракции Государственной думы, главный редактор газеты «Наша заря», в «толстовские дни» по поручению социал-демократической фракции Государственной думы составил законопроект об отмене смертной казни. 9 февраля 1911 г. был арестован за участие в подготовке рабочей демонстрации и забастовки 14 ноября 1910 г. (см. док. № 37; АТ, д. 9401/14, л. 197; ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1911 г., д. 349, л. 75).

²⁹ Литератор *Н. А. Коновалов*, известный как автор «Очерков современной деревни», был сведущим лицом социал-демократической фракции Государственной думы по рабочему и аграрному вопросам. Впоследствии оказалось, что он был провокатор.

³⁰ *М. Неведомский* (литературный псевдоним М. П. Миклашевского) — меньшевистский публицист, член редакции журнала «Современный мир». После смерти Толстого выступил в журнале «Наша заря» со статьей, в которой идеализировал реакционное учение Толстого.

³¹ *К. Л. Вейдемюллер* — меньшевик, журналист, сведущее лицо социал-демократической фракции Государственной думы, сторонник внесения в Государственную думу законопроекта об отмене смертной казни с одновременной поддержкой этого законопроекта демонстрацией и забастовкой (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 211, т. I, л. 43).

³² Кто присутствовал на заседании в редакции журнала «Русское богатство», установить не удалось.

³³ О каком Толстовском комитете идет речь, установить не удалось.

³⁴ Межклубная комиссия, созданная для координации деятельности рабочих клубов и библиотек Петербурга, действовала в «толстовские дни» в контакте с социал-демократической фракцией Государственной думы (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, лл. 46—47).

³⁵ Центральное бюро профессиональных союзов, созданное по инициативе Петербургского комитета РСДРП 6 ноября 1905 г., после смерти Толстого вместе с социал-демократической фракцией Государственной думы организовывало демонстрацию и забастовку рабочих. Обсуждение на заседании ЦБ профсоюзов решения студентов Петербурга о демонстрации 11 ноября 1910 г. не имело уже большого значения: практически организовать рабочих на демонстрацию было невозможно. На следующий день ЦБ профсоюзов назначило демонстрацию рабочих на 14 ноября. В связи с этим решением в ночь с 12 на 13 ноября 1910 г. были арестованы члены ЦБ профсоюзов: Репин, Иванов, В. Д. Рубцов, А. К. Каменев, Сорокин, Мумин, Пашков, Лебедев. В агентурной записке по поводу ареста говорится: «Это было в так называемые толстовские дни: только что кончилась демонстрация учащейся молодежи, и вот в ночь с 11 на 12 ноября собирается ЦБ профсоюзов и постановляет: „призвать на предстоящее воскресенье к 12 часам на Невский проспект и обратиться к социал-демократической фракции за поддержкой рабочей демонстрации“». В субботу назначено было новое заседание для выработки практических шагов, но к тому времени часть членов ЦБ была задержана и на заседание пришло только 3 делегата и член Государственной думы Покровский (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, л. 37).

³⁶ Имеется в виду объявление петербургского градоначальника «О запрещении сходбищ и собраний на улицах города». Объявление было расклеено в Петербургском университете утром 11 ноября 1910 г. перед началом демонстрации студентов в память Толстого («Речь», 1910, от 12 ноября).

³⁷ На вечере в память Толстого, организованном культурно-просветительными обществами 13 ноября 1910 г., отказался выступить ряд лиц. Кроме С. А. Венгерова, Д. С. Мережковского, Л. Н. Андреева, отказался выступить адвокат А. С. Зарудный (см. док. № 33).

³⁸ Письмо Д. С. Мережковского об отказе выступить на вечере было опубликовано в «Утре России», 1910, от 16 ноября.

³⁹ Часть письма Л. Н. Андреева была опубликована в «Утре России», от 16 ноября 1910 г. Редакция газеты сообщала: «Л. Н. Андреев находит, что при создавшихся условиях, когда нельзя говорить обо всем том, что составляет общественную сторону деятельности усопшего и когда <далее следовал текст письма Андреева. — Г. Л.> „ответственность за сказанное падает на сказавшего...“» и т. д. Редакция газеты опустила, таким образом, часть письма, в которой Андреев характеризовал условия, заставившие его выступить с демонстративным отказом от участия в вечере.

⁴⁰ Торжественное собрание, посвященное Толстому, готовилось под надзором полиции. Программа вечера была заранее с ней согласована. Нарушение порядка или изменение программы грозило главному распорядителю вечера М. М. Ковалевскому штрафом (см. об этом также док. № 33 и прим. 78—87).

⁴¹ Вероятно, речь идет о сходке в университете 12 ноября 1910 г. (см. док. № 22).

⁴² С назначением в конце сентября 1910 г. министром народного просвещения Л. А. Кассо ожидалось изменения в курсе политики правительства в отношении университетов.

⁴³ Имеется в виду встреча Л. А. Кассо с ректором Московского университета А. А. Мануиловым в начале октября 1910 г. Позднее, в конце 1910 г., Мануилов по приказу Кассо был уволен из Московского университета за мягкость по отношению к студенческому движению.

⁴⁴ Устав 1884 г., принятый в бытность министром просвещения Делянова, уничтожил университетскую автономию: было введено назначение ректоров, деканов и профессоров университетов министром просвещения и образованные испытательных комиссий для приема экзаменов у студентов. «Афоризмы» Кассо означали, что он намерен был проводить реакционную политику своих предшественников.

⁴⁵ Общестуденческая сходка 10 ноября 1910 г. (см. док. № 9).

⁴⁶ С. Я. *Елпатьевский* — один из организаторов народно-социалистической партии, литератор, член редакции журнала «Русское богатство».

⁴⁷ Воззвание фракции кадетов Государственной думы, призывавшее студентов отказаться от намерения устроить общестуденческую демонстрацию, было опубликовано в газете «Речь» от 11 ноября 1910 г.

⁴⁸ А. В. *Пешехонов* — один из организаторов и руководителей партии народных социалистов, публицист, сотрудничал в журнале «Русское богатство».

⁴⁹ А. П. *Петрищев* — эсер, журналист, сотрудничал в журнале «Русское богатство».

⁵⁰ О Миклашевском — см. прим. 30.

⁵¹ В. *Базаров* (псевдоним В. А. Руднева) — публицист, философ, меньшевик; после смерти Толстого выступил в журнале «Наша заря» со статьей, в которой защищал толстовский принцип «непротивления злу насилием» и в либеральном духе оценивал творчество Толстого.

⁵² Коалиционный совет высших учебных заведений Петербурга был образован 9—10 ноября 1910 г. из представителей «коалиционных советов», «исполнительных комиссий», «объединительных комиссий» и т. п. нелегальных организаций студентов. Коалиционный совет, состоявший из социал-демократов, эсеров и беспартийных, руководил студенческим движением в «толстовские дни».

⁵³ Имеется в виду общестуденческая сходка в Петербургском университете (см. док. № 22).

⁵⁴ См. об этом прим. 15.

⁵⁵ На торжественном собрании выступили М. М. Ковалевский, К. И. Арабагин, П. Н. Милюков, Г. А. Фальборк, С. А. Андрианов. Собрание было закрыто после выступления Ф. И. Родичева. Остальные ораторы от выступлений отказались («Речь», 1910, от 14 ноября). См. также док. №№ 19 и 33.

⁵⁶ Преподаватель имп. драматических курсов К. И. Арабагин в речи на собрании 13 ноября говорил о Толстом как о «совести человечества» и «цельной обаятельной личности»: «нет двух Толстых — художника и мыслителя, есть один...: Толстой — «знамение бессмертия совести» («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁵⁷ Тверской помещик, член Государственной думы, кадет Ф. И. Родичев в своей речи утверждал общественно-политическое значение творчества и деятельности Толстого. Вспомнив «эпоху освобождения» крестьян, Родичев утверждал, что «освобождение» для Толстого было делом не политики, а делом совести. Точно так же участие Толстого в организации помощи голодающим или в деятельности школ было подсказано ему великой совестью. Если Толстой останавливался на вопросе о собственности, то «не как теоретик» — социальная проблема превращалась в проблему совести. «Великая совесть Толстого, — говорил Родичев, — воплотилась и в слове, и в деле во имя народа» («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁵⁸ П. Н. Милюков говорил о влиянии Толстого на демократическое движение в Англии, Японии, Болгарии, о понимании Толстым искусства как средства передачи чувств, средства единения людей, о том, что такое понимание искусства Толстым делает его близким всему человечеству, несмотря на национальное своеобразие характера и религиозность. В России, по мнению П. Н. Милюкова, влияние Толстого сказалось на интеллигенции, но до народа не дошло. Только после смерти Толстой

становится более доступным народу. Смерть Толстого, «необычайное погребение», разрушившее формы условности, «для народной массы, коснеющей в обрядности», — величайший урок («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁵⁹ О политических выступлениях в связи со смертью Толстого в Харькове, Одессе, Варшаве, Томске — см. предисловие.

⁶⁰ Речь идет о забастовке студентов.

⁶¹ 15 ноября 1910 г. демонстрация не состоялась. Коалиционный совет высших учебных заведений Петербурга вынес решение: «Не выступать за студенческими манифестациями и ожидать, когда волна захватит пролетариат, чтобы потом к нему присоединиться» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, лит. А, л. 76).

⁶² Здесь дается описание демонстрации студентов Петербурга 11 ноября 1910 г.

⁶³ Автор письма дает описание студенческой демонстрации 9 ноября 1910 г.

⁶⁴ Сообщения газет о событиях в Петербурге в «толстовские дни» нередко содержали ошибочные или заведомо ложные сведения. «Русские ведомости» поместили, например, 11 ноября 1910 г. ложное известие о том, что демонстрация студентов Петербурга, назначенная на этот день, отменена. Наиболее слабое освещение в газетах получило рабочее движение. «Что писать о последних событиях? — писал в эти дни Я. М. Свердлов. — Все почти было в газетах. Правда не все было о рабочих» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лит. А, л. 226 об.).

⁶⁵ Речь идет о демонстрации студентов Петербурга 11 ноября 1910 г.

⁶⁶ Имеется в виду заседание Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга, Центрального бюро профессиональных союзов, социал-демократической фракции Государственной думы (см. док. № 36).

⁶⁷ Арест членов Центрального бюро профессиональных союзов произошел в ночь на 13 ноября 1910 г. (см. прим. 35).

⁶⁸ Донесение начальника Петербургского охранного отделения за № 185 не обнаружено.

⁶⁹ Об аресте членов Центрального бюро профессиональных союзов — см. прим. 35.

⁷⁰ Представители учащих — представители Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга.

⁷¹ Профессиональный союз металлистов был создан в 1905 г., его представители входили в Центральное бюро профессиональных союзов.

⁷² См. об этом прим. 20.

⁷³ Демонстрация рабочих намечалась на 14 ноября 1910 г.

⁷⁴ Коалиционный совет университета был, очевидно, не согласен с решением Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга о прекращении локальных политических демонстраций, проходивших без участия пролетарских масс (см. док. № 32).

⁷⁵ Известный швейцарский журналист Н. А. Морозов; познакомился с Толстым в Ясной Поляне, куда он приезжал специально в сентябре 1909 г. О посещении Ясной Поляны он написал впоследствии статью «Свидание с Л. Н. Толстым». Содержание речи Морозова по поводу смерти Толстого неизвестно (см. Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. III. М., 1947, стр. 310—313).

⁷⁶ Описывается студенческая демонстрация 9 ноября 1910 г.

⁷⁷ Речь идет о студенческой демонстрации 11 ноября 1910 г.

⁷⁸ О торжественном собрании 13 ноября 1910 г., организованном культурно-просветительными обществами в память Толстого, — см. док. №№ 19 и 24.

⁷⁹ М. М. Ковалевский — известный ученый, историк и социолог, член Государственной думы — был главным распорядителем торжественного собрания 13 ноября 1910 г. Открывая собрание, Ковалевский говорил о Толстом как о человеке, отдавшем себя служению идее объединения людей. «Будучи нашей народной гордостью, — говорил Ковалевский, — он в то же время принадлежит всему человечеству» («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁸⁰ Речь Д. Н. Овсяннико-Куликовского была посвящена характеристике Толстого как русского национального гения. Ни один из русских писателей, по словам Овсяннико-Куликовского, не соткан в такой степени из национальных элементов, как Толстой, и никто с такой полнотой не выразил русской стихии, как он («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁸¹ О выступлении К. И. Арабажина — см. прим. 56.

⁸² Профессор С. А. Андрианов произнес короткую речь, в которой раскрыл определение Толстого как «великого писателя земли русской» («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁸³ О речи П. Н. Милюкова — см. прим. 58.

⁸⁴ Литератор и общественный деятель, автор книг о народном образовании Г. А. Фальборк, выступая на собрании 13 ноября 1910 г., посвятил свою речь педагогической деятельности Толстого. Кроме того, он заявил: «...Великий художник-мыслитель перенес весь ужас, окружающий нас, начиная от обыска в Ясной Поляне и до того момента, когда стражники сопровождали его труп в Ясную Поляну. Ясная Поляна превратится в новую великую святыню Руси. Веря вместе с Толстым во всепокоряющее значение любви, мы убеждены, что день освобождения народа не за горами» («Речь», 1910, от 14 ноября).

⁸⁵ О выступлении Ф. И. Родичева — см. прим. 57.

⁸⁶ А. С. Зарудный — известный адвокат, защитник по политическим процессам: по делу 1-го Совета рабочих депутатов, по делу лейтенанта Шмидта, «Памяти Азова», Бейлиса и др.

⁸⁷ О причинах отказа Л. Андреева и др. участвовать в вечере, посвященном Толстому, — см. док. № 19 и прим. 39.

⁸⁸ Имеется в виду арест членов Центрального бюро профессиональных союзов в ночь с 12 на 13 ноября 1910 г.

⁸⁹ М. Л. Хейсин — сведущее лицо думской социал-демократической фракции Государственной думы по рабочему вопросу и профсоюзам, член Межклубной комиссии и Центрального бюро профессиональных союзов, в «толстовские дни» организовывал студенческие демонстрации (ЦГИАМ, ф. ДП, 7 дел-во, 1911 г., д. 349. — Сведения о перечисленных лицах взяты из того же дела, лл. 73 об. — 75 об.).

⁹⁰ Л. Н. Радченко — секретарь социал-демократической фракции Государственной думы, арестована в связи с подготовкой рабочей демонстрации 14 ноября 1910 г.

⁹¹ С. Г. Турутин — юрисконсульт социал-демократической фракции Государственной думы, сотрудничал в газете «Звезда», вел переписку с ЦК РСДРП, его фамилия упоминалась в письме, уничтоженном Я. М. Свердловым во время ареста 14 ноября 1910 г.

⁹² В. Д. Бонч-Бруевич — большевик-историк, в то время редактор газеты «Звезда», представитель ЦК РСДРП по издательским делам в России, сведущее лицо при социал-демократической фракции Государственной думы по вопросам религии.

⁹³ Е. М. Борткевич — была связана с социал-демократической фракцией Государственной думы.

⁹⁴ М. Я. Байнштейн — редактор журнала «Новая жизнь», сотрудничал в газете «Звезда», был близок к социал-демократической фракции Государственной думы.

⁹⁵ Об Эммануиле Гуревиче — см. прим. 28.

⁹⁶ И. А. Исус — сотрудник журнала «Наша заря», автор запросов социал-демократической фракции Государственной думы по студенческим вопросам.

⁹⁷ Л. М. Книпович — большевичка, уполномоченная ЦК РСДРП, имела связи с деятелями профсоюзного движения.

⁹⁸ Ф. А. Липкин (литературный псевдоним Н. Череванин) — меньшевик, редактор, сотрудничал в журнале «Наша заря», сведущее лицо при социал-демократической фракции Государственной думы по рабочему вопросу, вел переговоры и переписку с представителями Коалиционного совета высших учебных заведений Петербурга.

⁹⁹ С. А. Мгалоблишвили — посредник между социал-демократической фракцией Государственной думы и руководителями студенческого движения.

¹⁰⁰ М. П. Свечина — имела отношение к социал-демократической фракции Государственной думы.

¹⁰¹ М. Н. Цапенко — студент Петербургского университета, секретарь рабочего клуба «Источник света и знания», в котором выступал Я. М. Свердлов 9 ноября 1910 г.; член студенческой социал-демократической фракции университета, состоял в рабочей группе при социал-демократической фракции Государственной думы.

¹⁰² Г. В. Циперович — студент Петербургского университета, вел рабочие кружки в Невском районе, был связан со студенческой социал-демократической фракцией университета.

¹⁰³ Н. И. Иорданский — см. прим. 27.

¹⁰⁴ И. П. Азаров — социал-демократ, был связан с социал-демократической фракцией Государственной думы.

¹⁰⁵ Имеется в виду арест членов Центрального бюро профессиональных союзов в ночь с 12 на 13 ноября 1910 г.

¹⁰⁶ Дело группы социал-демократов, арестованных в связи с их революционной деятельностью в «толстовские дни», было окончено в июне 1911 г. высылкой их из столицы на различные сроки (ЦГИАМ, ф. ДП, 5 дел-во, 1910 г., д. 406, ч. 5, л. 26).

¹⁰⁷ В списке значится 11 человек: Г. В. Быков, Е. Е. Костюкан, А. М. Митрофанов, М. М. Лазарев, Н. П. Смагин, С. С. Трофимов, М. Ф. Бурмистров, И. А. Кондратьев, И. М. Кононов, Н. М. Дудкин, Г. М. Аралов (ЦГИАМ, ф. 63, 1910 г., д. 2290, л. 4).

¹⁰⁸ Имеется в виду демонстрация к дому Толстого в Хамовниках 9 ноября 1910 г. (см. док. № 52).

¹⁰⁹ Совет студенческих представителей — Совет старост.

¹¹⁰ Исполнительная комиссия Коалиционного совета Московского университета была создана в апреле 1910 г. В нее входили представители экономических организаций и политических фракций студентов (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 46 лит. А, л. 69).

¹¹¹ Демонстрация 11 ноября 1910 г. в Москве направлялась к дому Толстого в Хамовниках (см. док. № 52).

¹¹² Имеется в виду демонстрация петербургских студентов 11 ноября 1910 г. Фракция кадетов Государственной думы обратилась перед демонстрацией к петербургским студентам с призывом отказаться от участия в этой демонстрации (см. док. №№ 11—12).

¹¹³ И. П. Покровский — член III Государственной думы, социал-демократ, сочувствовал большевикам, один из основных ораторов социал-демократической фракции. И. П. Покровский 12 ноября 1910 г. внес на рассмотрение Государственной думы законопроект об отмене смертной казни в память Толстого.

¹¹⁴ Здесь имеется в виду обращение студентов Московского университета в экспертную комиссию Петербургского университета, контролировавшую студенческие организации взаимопомощи, о солидарности со студентами Петербургского университета («Утро России», 1910, от 16 ноября).

¹¹⁵ Сходка 13 ноября 1910 г. в Московском университете (см. док. № 40).

¹¹⁶ Демонстрация 14 ноября 1910 г. в Москве (см. док. №№ 42—45).

¹¹⁷ Автор поставил на письме дату отправления. Письмо было написано, вероятно, 12 ноября 1910 г., когда законопроект об отмене смертной казни был снят с повестки дня Государственной думы.

¹¹⁸ Вопрос об отмене смертной казни трижды, в 1908 и 1909 гг., поднимался в Государственной думе. 12 ноября 1910 г. социал-демократическая фракция Государственной думы предложила внести его в повестку дня. Это предложение было поддержано кадетами, но черносотенное большинство III Государственной думы проголосовало против него («Речь», от 12 ноября 1910 г.).

¹¹⁹ Дата устанавливается на основании содержания документа. Письмо начато до предполагавшейся демонстрации рабочих, 13 ноября 1910 г. и окончено 15 ноября, когда стало ясно, что «демонстрация не удалась».

¹²⁰ Демонстрация 14 ноября 1910 г. в Москве (см. док. №№ 42—45).

¹²¹ Резолюции студенческих сходок об отмене смертной казни принимались почти во всех высших учебных заведениях. Аналогичные резолюции — см. док. №№ 6—7.

¹²² В Москве происходили аресты студентов за участие в демонстрации 14 ноября 1910 г. Было арестовано 196 человек (ЦГИАМ, ф. 63, д. 1700, л. 57).

¹²³ Московская организация РСДРП в конце 1910 г. была ослаблена многочисленными арестами. Основная работа партии проводилась в легальных рабочих организациях, клубах, просветительных обществах. В ночь с 13 на 14 ноября 1910 г. было арестовано 14 членов РСДРП, пытавшихся возобновить деятельность Центрального бюро московских профессиональных союзов (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 46, л. Б, л. 56). В письме из Москвы в газету «Социал-демократ» корреспондент писал: «...что отсутствие своей организации чувствуется рабочими, это сказывается в целом ряде фактов <...> Расскажу только мой разговор с одним рабочим. Речь шла о поминках Толстого, у них в день похорон не работали. Товарищ откровенно признался, что не так надо было рабочим отметить этот день. Но как? Он не мог сказать, он был один, не с кем было посоветоваться. Так сам отметил он» («Социал-демократ», 1911, № 19-20, стр. 10).

¹²⁴ Сходка на Высших женских курсах 10 ноября 1910 г. (см. док. № 52).

¹²⁵ Демонстрация 14 ноября 1910 г. (см. док. №№ 42—45).

¹²⁶ Сходка на Высших женских курсах 15 ноября 1910 г.

¹²⁷ Об участии представителей петербургских студентов в сходке 13 ноября — см. также док. № 40.

¹²⁸ См. док. № 53.

¹²⁹ На сходке 12 ноября 1910 г. в Московском университете. Исполнительная комиссия была отстранена от руководства студенческим движением в «толстовские дни» ввиду ее несогласия организовать демонстрацию против смертной казни, и был избран Временный коалиционный комитет из представителей революционных фракций студентов (см. док. № 39).

¹³⁰ В этом списке значится 119 человек (ЦГИАЛ, ф. 738, оп. 201, 1910 г., д. 56, ч. 1, лл. 40—43).

¹³¹ Н. В. Лысенко — украинский композитор, в 1910 г. — директор Киевской музыкальной школы.

¹³² В. А. Чаговец — журналист; в это время приват-доцент Киевского университета, был близок к революционерам.

¹³³ И. М. Левинский-Левицкий — помощник присяжного поверенного, сотрудник газеты «Киевская мысль», по сведениям Департамента полиции, находился в тесной связи с революционными организациями.

¹³⁴ Эти сведения не точны. В рапорте пристава начальнику Киевского охранного отделения 10 ноября 1910 г. сообщается, что «на Южно-Российском заводе 9 ноября 1910 г. после обеда была объявлена забастовка по случаю смерти Л. Н. Толстого» («Рабочее движение на Украине». Киев, 1959, стр. 61).

¹³⁵ На этой же сходке была принята резолюция «О присоединении к выработанной студентами Петербургского университета программе борьбы за отмену смертной казни и послышке соответствующей телеграммы социал-демократической фракции Государственной думы» (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 201, 1910 г., д. 56, ч. III, л. 13).

¹³⁶ Имеется в виду прокламация Киевской организации РСДРП по поводу смерти Толстого (см. док. № 2).

¹³⁷ Демонстрация 9 ноября 1910 г. в Киеве в день похорон Толстого, разогнанная полицией (см. док. № 57).

¹³⁸ В Департаменте полиции имелись сведения о том, что «начальство и профессора Киевского политехнического института не только проявили во время последних студенческих беспорядков по поводу смерти Л. Н. Толстого значительную способность в отношении устраиваемых беспорядков, но даже потворствовали последним». По этим сведениям, студенческие сходки в институте были «беспрепятственно разрешаемы, а на одну из них, завершившуюся посылкой семье Толстого крайне тенденциозной телеграммы, явился Совет профессоров института и выразил сочувствие студентам» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. А, лл. 8—9).

¹³⁹ Демонстрация 9 ноября 1910 г. в Киеве.

¹⁴⁰ Публикуемая телеграмма была принята на сходке слушателей Киевского женского медицинского института 11 ноября 1910 г. (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 59, ч. 32, лит. А, л. 13).

¹⁴¹ И. В. Лучицкий — бывший профессор Киевского университета, кадет, член III Государственной думы.

¹⁴² Датируется на основании времени распространения листовки на сходке студентов Петербургского университета, посвященной годовщине смерти Толстого (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 123, л. 231).

¹⁴³ Листовка распространялась на сходке студентов Петербургского университета 7 ноября 1914 г., в годовщину смерти Толстого (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 123, л. 245).

¹⁴⁴ Листовка распространялась в Юрьевском университете 7 ноября 1916 г. В агентурной записке о распространении этой листовки говорилось: «В течение последнего времени группа лиц по преимуществу социал-демократического направления, в связи с наступающей годовщиной дня смерти графа Л. Толстого, отождествляя идеи последнего о мире и о протесте против современной социальной жизни с моментом нынешней войны, решила ознаменовать годовщину смерти покойного писателя ведением пропаганды среди населения о скорейшем окончании нынешней войны» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 40, лит. Б, л. 1).